Тверское отделение Союза писателей России
Тверской государственный университет
Кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества
Студия литературного мастерства «ВЕРБАЛИС»

Л И Т О С Ф Е Р А

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 7

Тверь 2023

УДК 821.161(082)
ББК Ш6(2=411.2):я43
Л64

Редакционная коллегия:
кандидат филологических наук, доцент П. С. Громова (*составитель*), доктор филологических наук, профессор С. Ю. Николаева (*ответственный редактор*), доктор филологических наук, профессор В. А. Редькин (*литературный и научный редактор*).

Л64 ЛИТОСФЕРА: Литературный альманах, вып. 7 / С. Ю. Николаева (отв. редактор), В. А. Редькин, П. С. Громова. – Тверь: Кондратьев А. Н., 2023. – 151 с.

В альманахе впервые публикуются творческие и научные работы молодых поэтов, прозаиков, литературных критиков, исследователей литературы. Участниками сборника стали члены студии литературного мастерства «Вербалис», победители конкурса «Человек и книга», участники Творческого семинара молодых авторов, слушатели Школы юного издателя и литературного работника, студенты и магистранты, обучающиеся по специальности «Литературное творчество» и направлению «Издательское дело», аспиранты и преподаватели ТвГУ.

Издание адресовано всем, кто интересуется современной литературой и литературным творчеством.

УДК 821.161(082)
ББК Ш6(2=411.2):я43

© Тверское отделение Союза писателей России, 2023
© Коллектив авторов, 2023
© Редколлегия, составление, редактирование, оформление, 2023
© Издатель Кондратьев А. Н., 2023

Наши литературные достижения

18-го февраля в Твери прошел V Творческий семинар молодых авторов. Организаторами мероприятия традиционно выступили Тверское отделение Союза писателей России, кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета и Тверская областная научная универсальная библиотека им. А.М. Горького.

Семинар проводится раз в год. Он пережил пандемию и в этом году пройдет уже в пятый раз. Благодаря ему у начинающих литераторов (авторов от 16 до 35 лет независимо от места проживания) есть возможность познакомиться с профессиональными литераторами, журналистами, редакторами и издателями, обсудить свои произведения с опытными коллегами по литературному цеху, получить рекомендации по литературной работе и публикации своих произведений. На семинаре рассматривается проза, поэзия, литературная критика и публицистика. Участие, конечно, бесплатное, лучшие авторы рекомендуются к публикации в литературном альманахе «ЛИТОСФЕРА» и других местных и всероссийских изданиях. А для тех, кто еще не решается показывать кому-то свои творения, предусмотрена возможность участия в качестве слушателя.

Тверской Творческий семинар молодых авторов – неординарный проект. Во-первых, в состав его экспертной группы входят не только зрелые авторы с внушительными списками публикаций, но и авторы сравнительно молодые, хотя уже заявившие о себе. В этом году в качестве экс-

пертов семинара выступили председатель Правления ТО СП РФ, доктор филологических наук, профессор С.Ю. Николаева, член Правления ТО СП РФ, кандидат филологических наук, доцент П.С. Громова, член ТО СП РФ, поэт и прозаик В.Л. Карпицкая, член ТО СП РФ, лауреат ряда поэтических конкурсов Е.О. Лучнёва, член ТО СП РФ, руководитель вышневолоцкого литературного объединения «Цнинский берег» Е.В. Бурчилина, член Союза писателей-переводчиков МОСПР Е.В. Малинкина, филолог, учитель русского языка и литературы, поэт О.Б. Сорокина, писательница и молодой литературовед Т.А. Громова, тверские поэты В. Дорогов, А. Королёва и Н. Жигунова, литератор и преподаватель Тверского технологического колледжа П.С. Воронцова, студенты специальности «Литературное творчество» А. Шпаченко и Д. Белов.

Во-вторых, эксперты тоже предоставляют свои литературные произведения – да, да, семинар смело и уверенно отвечает на вопрос: «А судьи кто?..» Благодаря этому складывается атмосфера сотрудничества и взаимопонимания и остаются яркие впечатления от живого, неформального общения. А что касается личных профессиональных литературных достижений, то с ними можно ознакомиться непосредственно. В новом выпуске литературного альманаха «ЛИТОСФЕРА», а также в журналах «Тверское Пушкиноволжье» и «ЮРТА» и на сайте газеты «День Литературы» можно прочесть произведения участников семинара этого года. В них раскрываются темы, значимые для авторов, и идеи, интересные им, и литературные традиции, к которым они обращаются, и их творческие поиски – в общем, все то, чем живет и дышит современная молодая русская литература.

Кроме того, по традиции, в очередном выпуске «ЛИТОСФЕРЫ» читателей ждут работы победителей ежегодного городского конкурса творческих проектов школьников «Человек и книга», который проводится совместно кафедрой филологических основ издательского дела и литературного и Тверским отделением Союза писателей России. После непростого пандемийного периода конкурс наконец-то возвращается к очному формату и встречает новых участников.

Благодарим всех, кто проявляет живой интерес к нашим проектам, и надеемся на новые встречи!

Полина ГРОМОВА
кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологических основ
издательского дела и литературного творчества,
член Правления Тверского отделения
Союза писателей России

Анна ИВАНОВА
Учащаяся МОУ СОШ № 15
Номинация «Поэзия», I место

Поэты

Сказал мне кто-то однажды:
«Поэты недолго живут».
За собою в секунде каждой
Горестей сотни несут.

То правда: разум поэта
Тысячи мыслей влекут
В омут, в бездну секретов –
Могут в пропасть столкнуть.

Стихи рождаются в боли,
В слезах, в смертельном бою.
Стихи рождаются в горе,
Терзают душу мою.

Забыть помогают о крови,
Которую, сердце пронзив,
Сочиться оставило море
Разбитых надежд и причин.

Стихи рождаются в счастье,
В избытке трепетных чувств.
Стихи помогают в ненастье
Улыбке коснуться уст.

Поэзия мне позволяет
Надежду в мысли вдохнуть.
И боль приносит, и радость,
Лёгкость даёт мне и грусть.

В бушующем море эмоций,
В океане несбывшихся мечт,
В предчувствий пучине глубокой
Обитает творец и поэт.

Не каждый выдержит бремя –
На сердце давящий груз.
Не каждый сможет в поэме
Выразить шёпот муз.

Страницами, музыкой мыслей,
Надеждой на то, что поймут,
Прекрасными рифмами, смыслом,
Поэты долго живут.

Прохор САВЕНКОВ
Учащийся МОУ «Тверская гимназия №6»
Номинация «Поэзия», II место

Я останусь

Я останусь для вас ярко красным пятном
Или юношей с пламенем в светлых глазах.
В чьей-то душе незакрытым окном
Или солью в печальных вечерних слезах.

Я кляксой останусь на строках судьбы
Или сном, что приходит декабрьской ночью.
Я останусь, как вазе сухие цветы,
Фотографией, кем-то разорванной в клочья.

Я останусь как опыт, останусь как друг,
Как спутник, помощник, соперник и враг.
Кто-то запомнит тепло моих рук,
Кто-то ту память развеет, как прах.

Я останусь для всех кем-то очень чудным.
Я – разный, жестокий и радостный образ.
Кто-то вспомнит меня разговором ночным.
А кто-то забудет навеки мой голос.

* * *

Я хочу потеряться в высоких домах.
Бежать, оставляя всю жизнь позади:
Оставить вину, сожаления, страх.
И видеть лишь солнечный луч впереди.

Я хочу убежать ото всех, от всего.
Спотыкаясь, теряясь, куда-то нестись.
Моя жизнь – а зачем? почему? для чего?
Мне закрыта давно уж небесная высь.

Я хочу, чтоб забыли меня все, кто знал.
Чьи надежды и образы не оправдать.
Что б пустой был навеки мой актовый зал,
В одиночку мне роль будет проще играть.

Ни о чем

Я пишу ни о чем и вообще ни про что.
В этих строках, увы, не найти лейтмотив.
Но поэзия мне подставляет плечо,
И я жизни пытаюсь плести нарратив.

Я пишу ни о чем: о людской красоте,
О победах, добре, посиделках ночных.
Все, что нужно для счастья, ищу в простоте
И играю с судьбой, погружаясь в мечты.

Я пишу ни о чем: о природе, любви
И о городе хмуром, простом и понятном,
И о том, что сияют в ночи фонари,
И о мире, по сути своей, необъятном.

Я пишу ни о чем: например, о себе,
И о людях, что с детства бок о бок идут,
И о небе и солнце, морях и луне,
О далёких мирах, что так яро зовут.

Я пишу ни о чем: о далёкой судьбе –
Той, в которой, я знаю, давно обречен.
Но пока мои строки нужны хоть тебе,
Я пишу, дорогая, пишу ни о чем.

* * *

Развеялся пепел, рассеялся дым.
Сквозь тучи на небе виднеется солнце.
Я уже не хочу помирать молодым.
Скиталец беспечный домой не вернётся.

Подошвы истёрлись в начале пути.
Иду по шипастым камням босиком.
Как бы ни было сложно, продолжу идти.
Хоть клеймят за спиной меня все дураком.

Я уже, не боясь, погружаюсь в мечты,
За спиною рюкзак, сто идей в голове.
Я иду без оглядки, ведь рядом есть ты.
Холода не страшны, мысли все о тепле.

Абигаль КУРОЧКИНА
Учащаяся МОУ «Тверская гимназия №6»
Номинация «Поэзия», II место

Человек

Есть существо на свете – человек.
Кто он такой? Как создан?
Не известно.
Какой уже проходит век?
И почему ему всё интересно?

Так много задаёт вопросов.
Так мало в жизни познаёт.
И ровно путь свой шёл, и косо,
И всё равно идёт вперёд.

Детишки – плачут и смеются,
Подростки – двери запирают,
Ни в чём чужим не признаются.
Перед друзьями умирают.

Хранят привычку разбиваться,
Со вскриком по ночам рыдая.
Умеют быстро собирать,
Наутро душу подбирая.

Есть существо на свете – человек.
Он песни ночью сочиняет,
Потом всё утро напевает,
Пока вновь не погаснет свет.

Свои мечты, желания ломает.
Потом годами вспоминает
Давно затихший смех.
Уже мечтаний нет.

Он слушает чужие сказки,
Потом берёт с других пример.
Свои привычки и пристрастья
Считает выше нужных мер.

Он помощь ищет у знакомых.
В ответ они уходят молча.
И задыхается истомой
Очередной холодной ночью.

Есть существо на свете – человек.
Как появился, мне уж не известно.
Но вот одно могу сказать я честно:
Жить будет долго человек.

Андрей БАРАНОВ
Учащийся МОУ СОШ № 14
Номинация «Поэзия», III место

* * *

Вот на дворе зелёный май,
В моём стакане стынет чай.
И ночь стучится чрез окно.
На кухне и в душе темно.

Не зажигаю больше свет,
Встречаю часто я рассвет,
Облитый красками зари.
Мне очень пусто, там, внутри.

Хочу уехать в Петербург,
Где тускло, серо всё вокруг,
Гулять средь замков и дворцов,
Надвинув маску на лицо.

А так – сижу один в квартире
И чахну, словно в келье Мцыри.

А на дворе уже не май,
Но я всё пью холодный чай.

Нечаева ЕЛИЗАВЕТА
Учащаяся МБОУ СШ №53
Номинация «Проза», II место

Пёс полка

Ещё вчера ты поутру выходил в поле в полотняной рубахе, рвал колосья и ложился на мягкую траву, которая пахла Родиной. Закидывал голову, а там – оно, вечное, бездонное, с белыми перистыми облаками. И так сразу становилось покойно, тихо. Хорошо…

А что теперь? Подёрнутая инеем чужая земля хрустела под ногами, тёмное и безликое небо точно пыталось раздавить нас, но как бы ни хотелось кинуться назад – в родные края, зайти в родимую избу и обнять семью – нельзя было делать ни шага вспять. Война. Холодным ветром пронеслась весть по всему миру, и если бы мы могли тогда представить, какую цену придётся заплатить за мир…

Наш батальон попал в окружение на границе с Эстонией неделю назад и почти все наши товарищи пали в боях. Нас осталось лишь несколько групп по 3- 5 человек. Я и двое моих однополчан – Степан и Егор – по ночам пробирались к своим. Днём мы обычно скрывались на полузаброшенных хуторах. Надо сказать, что угроза исходила не только от врага, но и коллаборационистов – предателей. Однако мои товарищи держались храбро, духом не падали.

К полуночи мы успели добраться до окраины одной из Эстонских деревень. Почти все дома были либо сожжены, либо просто брошены, но кое-где всё же оставались люди. Наши войска были полностью вытеснены из тех мест и отошли на восток. Мы, по сути, были в тылу врага.

- Сегодня дальше идти нельзя, ребята, - сказал огромный, почти двухметровый Степан. – В соседнем селе справа от реки немец. Надо узнать у кого-то, как можно обойти. Придётся переночевать тут.

- А ежели они начнут сужать кольцо? – усомнился Егор.

- Всё равно идти нельзя!

Спор Егора и Степана быстро прекратился – нас окликнула невесть откуда появившаяся старушка.

- Наши, робятки? – с надеждой в голосе поинтересовалась бабулька.

- Свои, мать, русские мы.

- Русские…Родные! Сама я из Ленинграда. Видать, не знаете, что нельзя тут вот так вот. Вставайте, вставайте. Тут каждая вторая рожа – предательская. Сдадут фашистам. Уходите лучше, Бога ради! Бегите в лес.

- Да рады бы, мать, только кругом все перекрыто. Ты лучше подскажи, где ночь переждать. Наутро уж что будет, то будет.

- Вон там, у яра, изба горелая, туда, чай, не сунутся, ступайте с Богом, родненькие.

Мы осторожно пробрались к большому обгоревшему пятистенку с зияющими окнами и выломанной дверью. Степан вошёл первым, мы за ним.

- Стойте! Кажись, мы тут не одни, – сказал Степан. – Как будто кто-то шевелится…

Егор поднял автомат. Мы медленно прошли через узкий коридорчик в горницу, глаза постепенно привыкли к темноте, и стало очевидно, что дом пуст.

Я чиркнул спичку, чтобы получше осмотреться, и среди разбросанной мебели в углу комнаты мы ясно увидели довольно крупную собаку. Она сидела, прижавшись к стене, и с испугом смотрела на нас.

- Вот это сюрприз! – воскликнул Степан. И лицо его расплылось в доброй улыбке.

- Ну, иди к нам, дружище, – сказал Егор. Пёс нерешительно, прижав уши, подошёл.

- Похоже, прибыло нашего полку, мужики, – радостно заявил Степан.

Пёс был рослый, но ещё совсем молодой – почти щенок. Внешне он напоминал немецкую овчарку, но чистопородным явно не был.

- А дрожит-то! Глядите – пугливый. Били, видать, – заключил Степан, наглаживая своими огромными ручищами собаку.

В нашем убежище нам пришлось просидеть 3 дня. Немцы постоянно разъезжали по деревне на мотоциклах с колясками и днём, и ночью. Они проезжали буквально метрах в трёхстах от нас, но обгоревший дом на краю деревни их не интересовал.

Все эти дни пёс был с нами. Мы кормили его тем же, что ели сами, и он с благодарностью принимал пищу. Больше всех времени с ним проводил Степан, и наш четвероногий приятель тоже явно признал его за хозяина. Мы даже в шутку назвали собаку Полканом Степанычем.

Пару раз к нам огородами потихоньку приходила наша знакомая бабушка, приносила картошки и даже яиц. Всякий раз она с озабоченным видом вновь и вновь говорила, что в окрестных деревнях очень много предателей – тех, кто сотрудничает с фашистами, переживала за нас. И, как оказалось, не напрасно.

На четвёртую ночь, поужинав, мы, как обычно, уселись на полу и стали шёпотом разговаривать, обсуждая, как и когда прорываться к своим. Обычно мы спали, а скорее дремали по очереди. А тут – надо ж такому было случиться – заснули все разом! И чуть не поплатились за это жизня-

ми. Мы проснулись от приглушённого потявкивания Полкана. Пёс с тревогой глядел в проём выбитого окна, переминался с лапы на лапу, втягивал ноздрями воздух и глухо рычал.

Мы, пригнувшись, метнулись к окнам и ужаснулись – по полю перед домом шарили лучи нескольких фонарей, быстро двигаясь в нашу сторону. Изредка раздавался лай собак и обрывки команд на немецком языке. Схватив оружие, мы кинулись в дальнюю комнату дома, выпрыгнули через окно в огород и кинулись к реке.

Молча мы бежали по кромке воды – нужно было избавиться от следов, чтобы немецкие овчарки нас не обнаружили. Так мы преодолели километра два. Потом поднялись на берег и легли на траву, вглядываясь в ночное поле и прислушиваясь.

- Оторвались… - прошептал запыхавшийся Степан. В этот момент я заметил, что сбоку от него торчат два острых уха.

- А этот тут откуда? – удивился я.

- Я ж его с собой утащил – сказал Степан. Сначала на руках нёс, а потом он сам уже сзади бежал.

- Ну ты даёшь! – с изумлением сказал Егор. – Где бы самому спасаться, а он собаку на себе попёр!

- Да тьфу, в нём весу-то и двух пудов нету, поди, – протянул великан.

- А, правда, зачем ты его потащил? – спросил я.

- Немцы нас нашли. Завтра днём они наш дом жечь будут. Он бы там и остался. А ты не забывай, кто нам нынче всем жизнь-то спас! – сказал Степан серьёзно. В этот момент мы с Егором осознали, что так оно и есть.

К полудню следующего дня мы вышли к своим. В той роте было человек семьдесят. Четверо были из нашего батальона. Вместе мы медленно отходили на восток, ожидая подкрепления. Полкан сразу стал всеобщим любимцем. Вместе мы ходили в караулы, совершали разведывательные вылазки в соседние населённые пункты. А когда выпал снег, то наш четвероногий сослуживец стал таскать сани с поклажей, заметно облегчая наши передвижения.

Все изменилось в один декабрьский день. Мы со Степаном и ещё четырьмя сослуживцами пошли впереди нашей роты, чтобы разведать дорогу. Поначалу всё было тихо, мы шли по лесной дороге, почти не таясь, но когда вышли на поле и двинулись мимо одной из, казалось бы, брошенных деревень, по нам застрочили автоматчики, засевшие в одном из домов. Мы кинулись назад в лес, я бежал предпоследним, как вдруг, как мне тогда показалось, меня словно с размаху ударили в правое плечо молотком, я упал. Но тут же вскочил и снова побежал, а рукав гимнастерки стал быстро набухать от горячей крови.

Я плохо помню, как мы добежали до своих. У меня сильно кружилась голова, начался жар. Меня отвели в медпункт – обычную большую избу, в одной из комнат которой стояли 8 кроватей. К вечеру я потерял сознание. Более-менее очнулся я только на следующий день к обеду. Моё ранение считалось не тяжёлым. Гораздо хуже дело обстояло со Степаном – у него было задето лёгкое. Он не добежал до своих и упал в лесу, его нашли благодаря Полкану, который, судя по следам на снегу, несколько раз выбегал на дорогу и снова возвращался к своему боевому другу и хозяину.

После госпиталя я вновь отправился на фронт в свой батальон, но война уже подходила к концу. Полкан очень тяжело переживал разлуку со Степаном. Он стал тревожным, плохо ел. Мы развлекали и утешали его, конечно, как могли. Бывало, он заиграется с солдатами и вдруг замрёт, посерьёзнеет разом и всматривается куда-то, будто ждёт кого-то. Мы-то знали, кого он ищет и ждёт…

В мае 1945 я демобилизовался и наконец-то вернулся в родную деревню Андрейково. Помню это как сейчас: на краю – в аккурат напротив нашего дома – большая деревянная ветряная мельница, слева от неё неспешная река Молога, а кругом поля, поля. Я увидел на пороге нашего дома мать и сестёр. Тот день был самым счастливым для нас. Полкана я взял себе, пёс был благодарен мне за это, но чувствовалось, что настоящий хозяин у него всё же не я.

Я знал, что мой боевой товарищ Егор тоже вернулся с фронта и сразу женился, пошёл работать трактористом в своём селе. Ничего не было известно только о судьбе Степана. Я писал ему в госпиталь. Писал много, с надеждой, но обратных писем так и не получил.

Полкан тем временем возмужал, остепенился. Он сразу показал в нашей деревне, кто главный среди местных собак. Но взгляд его тёмных глаз часто с тоской устремлялся куда-то в поле. Я знал, он ждал его – своего Степана.

Так прошёл почти год. И вот однажды субботним днём в окно нашего дома постучали. Мать открыла дверь и тут же позвала меня. На пороге стоял огромный бородатый мужик!

Мы долго хлопали друг друга по спинам, не сдерживая слёз радости. А потом долго-долго вели беседу, смеялись, плакали.

Но главная встреча случилась позже. Полкан ещё в обед ушёл с ребятишками на реку, и домой вся компания заявилась только к вечеру. Мы со Степаном сидели на лавке у дома. И я подготовил его к встрече, но пёс ничего не подозревал.

Когда толпа ребят с собакой приблизилась к нам метров на пятьдесят, Степан не выдержал, поднялся им на встречу, протянув руки.

- Полкаша, ко мне! – зычно крикнул он.

Пёс встал, как вкопанный, вытянув шею. В следующее мгновение он как молния метнулся в объятия к своему другу. Огромный Степан грохнулся перед ним на колени, сгрёб пса в охапку и долго-долго тискал в своих могучих объятиях, казалось, сошедшего с ума от счастья Полкана.

- На, на, чёртушка! – Степан развернул небольшой полотняный мешочек и скормил собаке несколько кусков сахара и каких-то леденцов. – Это я в госпитале ему гостинец припасал. Сам не ел – ему складывал. Помню, поклялся, что если выживу, то обязательно его найду и отдам это угощение. Вот эта мысль меня тогда и спасала, что надо, дескать, выжить, друга отыскать своего обязательно. Ну вот – исполнил обещание!

Утром они уехали на Новгородчину. Там у Степана была семья.

А я пошёл в поле, лёг на траву и долго-долго смотрел в небо. А оно спокойно и величаво глядело на меня. На душе было необыкновенно хорошо. Степан нашёлся – жив! Полкан – наш спаситель – теперь с хозяином, счастлива собачья душенька.

Кончилась проклятая война, её больше никогда не будет! Никогда!

Путевой

Весной на старом городском кладбище распускается сирень. Облака из склонившихся под тяжестью соцветий нежно обнимают старинные, величественные памятники. Здесь покоится прах людей самых разных сословий – от городского головы, купцов разных гильдий до простолюдинов и безымянных бродяг. Там, где обрывается тропинка, под старой липой, есть маленькое, невзрачное известняковое надгробие. На нём едва читается надпись, смысл которой непонятен большинству из ныне живущих: «Путевому 1887». Все тропинки к ней уже давно заросли.

Когда-то рядом с этим кладбищем стояла деревушка Неволиха. Мимо неё проходил тракт на Петербург. Тихо тут было. Малахитовые леса берегли место от столичной суеты. Было тут дворов тридцать. Населяли её, в основном, крестьяне, но жили в ней и батюшка-настоятель местного храма, церковный староста, мельник, а также несколько рабочих с лошадями.

Изба Зубовых – ладная, обшитая тёсом – стояла почти в самом центре села. В ней жили глава семейства – длиннобородый статный старик Макар Кириллович, его двое взрослых сыновей с жёнами и их дети. Дед очень любил внучат, впрочем, баловаться им он не позволял. Да и всю семью Макар Зубов держал в строгости. Но домочадцам это было не в тягость, потому как отец семейства был хоть и суров, но справедлив. В молодости Макар служил, как он сам говорил, в ратниках, потом был казначеем при какой-то конторе, а последние годы занимал пост церковного старосты и пользовался почётом у односельчан. Зубовы были семьёй набожной – не приступали к трапезе не помолясь, с тем же отходили ко

сну, по праздникам всегда отправлялись в храм на службу. В доме Макара Кирилловича всегда находилось место то для какой-то пожилой нищенки, которая занемогла по пути в Питер и две недели отлёживалась у печи, то для больного солдата, который жил у них с месяц. Так было заведено в их семье, так учил на проповеди местный батюшка. Любить ближнего – напутствовал он – в каждом встречном видеть задаток божественного достоинства.

Жизнь в деревне текла своим чередом. Летом 1886 года её жители всем миром сделали большое дело – поменяли износившиеся жернова на ветряке, сером исполине, возвышавшемся в поле за огородами, выкопали пруд на краю села. С приходом осени крестьяне стали делать заготовки на зиму: собрали неплохой урожай овса, репы. Лишь картофель плохо уродился в том году. Да случилось такое, чего отродясь не бывало: кто-то стал подкапывать картошку с краёв огородов. Мужики даже решили выставить караульных, но в ночь никто на поле не явились. На следующий день покража повторилась.

Третьим утром старшая зубовская внучка Ольга, взволнованная, вбежала домой:

- Дед! Погляди ты, что на улице! Мужики изловили какого-то калеку, бить будут!

Макар, не раздумывая, ринулся из избы.

На деревенской тропинке разворачивалось побоище. Но из-за толпы не видать, кого бьют.

- Держите мерзавца!

- Камнями, камнями его надо! – истошно орала толпа.

На пыльной дороге лежал тщедушный, грязный мужичок в ветхих одеждах. Он не пытался дать отпор и почти не защищался от тумаков, а лишь таращился на всех молящим взглядом круглых блёкло-голубых глаз, точно пытался найти сочувствия.

- Что ж вы делаете-то, нелюди? – возвысив голос, молвил Зубов.

Толпа притихла. Макар поднял бедолагу и потащил его прочь. Мужики и бабы недовольно зароптали, требуя отдать жертву, но авторитет Зубова был велик, никто не посмел вернуть мужичонку силой.

- Макар Кириллыч, это ведь он и есть! – густым басом пророкотал огромный мельник.

- Он же картошку ворует, прибить надо! - завизжали из толпы бабы. Макар ледяным взором окинул их, обхватил едва стоящего на ногах горемыку и потащил его в свой дом.

Странника уложили на большой сундук. Дети Зубова осмотрели раны на его тощем тельце, которое больше бы подошло подростку, нежели взрослому человеку. Младший сын переодел гостя в свою ношеную, но чистую и аккуратно починенную одежду. Всё это время странник не вы-

молвил ни слова, а лишь переводил с одного на другого взгляд влажных глаз. Позднее выяснилось, что он был нем. А люди из соседних деревень рассказали, что странник шёл со стороны Москвы по Питерскому тракту. При себе имел серый платок, в который завёрнуты были какие-то хлебные корки и остатки прочей снеди. Бывало, что он жил в попутных деревнях по два-три дня, но где ночевал – неизвестно. Говорят, кошка рыжая с ним была. В Батино он от мальчишек деревенских её прикрыл, да так они сроднились, что она ни на шаг от него не отставала. И только в Шуйкове местные мужики из озорства свалили его наземь, платочек отняли и кошку палками... Молил он не трогать её, собой закрывал, те потешались. Путник потом совсем голову опустил.

Зубовы сели обедать, гостя усадили на лавку с собой за стол. Мужичок обвёл взглядом избу, отыскал красный угол с образами, и напряжённое лицо его просияло, он стал истово креститься и что-то непонятное сипеть, не отводя взгляда от икон. На лицах семейства показались улыбки – Божий человек, стало быть, прибился. Все заметили, что у странника исковеркана кисть на правой руке и он не может сложить персты, когда крестится.

В субботу утром к дому Зубовых пришло с дюжину местных мужиков.

- Кириллыч, ты нам этого отдай, наказать надо как следует. Это ж он огороды обворовывал, – решительно заявил двоюродный брат мельника, коренастый Васька.

- А с чего вы решили, люди добрые, что это именно он воровал? – поинтересовался Макар Зубов.

- Тимоха-племянник уличил! – ответил Васька. Тимоха этот, сын мельника, был шкодливый, полный, рыжий мальчишка. Местные его недолюбливали, особенно после того как он подговорил мальчишек перебить глиняные горшки, которые крестьяне сушили на плетнях у домов. Отец тогда выдрал его, но это не исправило пацана.

- Ступайте с Богом! – ответил Зубов и ушёл в сени.

Небо к вечеру затянуло синеющими тучами, они тащились над Неволихой так низко, что казалось, запусти мельник свой ветряк, его посеревшие клетчатые лопасти зацепятся, увязнут в массе набрякших туч. Ветер злобно рвал солому из стога сена, бухал дверцей на чердаке. Мирно теплящаяся лампадка под образами успокаивала домочадцев, собравшихся в горнице. Бродяга сидел на сундуке, мерно покачивался, блаженным взглядом таращась в окно в осеннюю черноту. Вдруг что-то резко стукнуло снаружи избы по тесовой стене. Через мгновение звук повторился, застучало по крыше. Момент – и звонко разлетелось вдребезги боковое окно. Оцепенение, охватившее всех, было недолгим. Братья вскочили с лавок, второпях напялили опорки и кинулись на улицу в непроглядную темень. Но только стукнула с силой распахнутая ими дверь в сенях, шум прекратился.

Всё смолкло. Наутро вся деревня увидела, что двор у дома Зубовых весь усеян камнями. В обед к дому пришла почти вся деревня.

- Макар Кириллович, ты знаешь, что все мы выказываем тебе почёт, но выгораживать вора негоже, был бы человек-то хоть, а то шаромыга безродный, – вступил в переговоры черноголовый пастух.

- Макар Кириллыч, пусть рассудят! – пророкотал мельник, бешено сверкая глазами и пододвигаясь ближе к крыльцу.

Зубов молча переводил взгляд с одного оратора на другого. Вдруг неизвестно откуда у самого входа в зубовский дом появился отец Серафим – седобородый батюшка с лучистыми, сияющими глазами.

- В самом деле, Макар Кириллович, нужно выдать им этого несчастного, – тихо сказал он. – Пусть устроят суд над ним. Да и не жалко, поди, будет, ведь он, сказали, бродяга безродный, презренный. Но прежде пусть вспомнят, что Бог призывал нас любить всякого, не взирая ни на старость его рубищ, ни на чин его, ни на нрав его. Господь, пройдя земной путь, дойдя до смерти, явил Свою Любовь. Он даровал нам её как важнейшую заповедь, которая порой совсем нелегка, ведь истинно любить – это не просто чувствовать, славословить или воздыхать о чём-то, а бескорыстно служить ближнему. В этом спасение!

Толпа притихла и внимала словам священника. А на крылечке дома показался виновник событий, сел на деревянную ступеньку и, обхватив тощими руками коленки, устремил свой взор в бледный небосвод.

- Что же до вашего суда над сим несчастным, - продолжал отец Серафим, - В первую очередь себя судите. «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить». Каждый год перед Великим постом бывает Прощёное воскресение, мы произносим такие красивые проповеди о прощении и покаянии. Многие из вас даже плачут на службе. Но только истинная сила в сих словах заключается лишь тогда, когда ты истинно веришь в это. Вы ли взываете Господа о прощении, верша сей суд на ближним своим?

Сельчане стояли в мёртвой тишине, впитывая каждое слово, а сын мельника даже подвинулся вперёд и, приоткрыв рот, безотрывно глядел на пастыря.

- Делайте, как знаете, – закончил отец Серафим.

Из оцепеневшей толпы медленно выдвинулся мельник и, сжав кулаки, пошёл к крыльцу зубовского дома, на котором сидел странник. Но в следующее мгновение к нему метнулся его сын и, упав на колени, схватил того за ноги, плача навзрыд, моля не трогать горемыку.

- Батька, это я картошку с поля таскал, я её у нас на заднем дворе под сеном спрятал. И зубовский дом камнями забросать тоже я придумал. Я же виноват, не тронь его, Христа ради!..

По толпе пронёсся гул изумления. Мужики качали головами и, пряча глаза, с виноватым видом стали расходиться восвояси.

Странник прожил в доме Зубовых до весны. Он часто ходил на край деревни, подолгу смотрел на дорогу, но, видимо, сознав, что сил на продолжение пути у него нет, он всякий раз возвращался обратно. Зубовым всё же удалось вызнать его историю. Жил в деревне под Питером со своими родителями и старшей сестрой Акулиной, но рано осиротел, родительский дом сгорел, а сестра к тому времени переехала в Москву. Себя он величал по-разному – то Алёшей, то Колей. Точно его имени и возраста выяснить так и не удалось. С пятнадцати лет он пошёл работать, хотя брали его неохотно, ибо был он немного юродивый от рождения. Когда ему исполнилось лет двадцать пять, он всё же устроился подсобным рабочим на Питерский механический завод. Хозяин экономил на работниках, заставлял их трудиться по 12, а порой и более часов в день. Однажды его заставили работать ночью при свете газовых фонарей. От усталости он потерял бдительность, зацепился одеждой за работающий токарный станок и чуть не лишился правой руки. Это происшествие поставило крест на его дальнейшей работе на заводе. Оставшись без средств к существованию, он направился в Москву к сестре. Разыскал её, но та не приняла его и, собрав небольшую котомку с провизией, выпроводила брата на все четыре стороны. Так он стал нищенствовать, бредя по белу свету, куда глаза глядят, надеясь лишь на милость Божию.

Со временем деревенские полюбили его. Бабы нередко подкармливали, он в долгу не оставался – всем старался услужить, причём бескорыстно, не ожидая никакого вознаграждения. Помогал он воду носить, заборы чинить, плотникам подсоблял избы ладить, а детишкам мастерил игрушки из берёсты.

Но стало видно, что он сильно хворает и быстро слабеет день ото дня. Странник преставился в мае, в аккурат на Вознесение Господне. Приехавший из города лекарь написал в свидетельстве о причинах смерти: «мучился животом». Хоронили его всей деревней. На могилке сначала поставили деревянный крест, а ближе к осени мельник притащил известняковый камень с собственноручно высеченной на нём эпитафией: «Путевому 1887» - так в те времена величали безымянных путников, так и не достигших цели своего земного пути, но представших перед Господом Богом, уповая на то, что Он сотворит с ними милость и истину.

Александр ПОТАПКИН
Учащийся МОУ СОШ №39
Номинация «Проза», III место

Сказка про Новый год

Вечерело. За окном кружился пушистый снег и тихо падал на землю. Крепчал мороз, словно предвкушая приход Нового года. При свете фонарей все казалось таким сказочно-красивым.

Прохожие, как никогда, торопились домой, чтобы встретить этот чудесный праздник.

В семье Ивановых также шло все по плану. Родители суетились в магазине, бабушка готовила праздничный стол. И только Маша с Мишей гадали: «Что такое Новый год и где же Дед Мороз?»

- Что такое Новый год? - хихикнула Маша и положила леденец за румяную щечку.

- Маша! Маша! Уйди с дороги! Не видишь, Дед Мороз мчится в санях?!

- Эге-гей! Новый год, Новый год! Скоро Новый год! - с этими словами Миша пробежал по комнате. - А ты когда-нибудь его видела?

- Кого? - изумленно спросила Маша и даже перестала сосать свой леденец.

- Как кого? Деда Мороза.

- А это тебе зачем вообще?

- Значит, видела! Признавайся!

- Не скажу, не скажу, догони меня! - убегая, прокричала Маша.

Дети побежали по комнате и с шумом и визгом выскочили в гостиную.

- Стой! Стой! - воскликнула Маша. – Кажется, я вспомнила!

- Ну, говори же скорей, какой он? - с нетерпением требовал Миша.

- Он, кажется, такой, ну такой, нет – вот такой! - и Маша, размахивая руками, показала рост Деда Мороза.

- А борода у него настоящая?

- Конечно! А ты, как думал?

- А, посох?

- Конечно, настоящий! Тоже мне спросил!

- А когда он придет? - не унимался Миша.

- Скоро! Вот ляжешь спать, а он к окну подкрадется и в форточку подарки положит, - отвечала Маша.

- Правда! А давай мы ему окно открытым оставим?

- Ты что, сдурел, что ли? Вдруг Петька с Зинкой заметят и подарки наши утащат! Нет! Мы лучше дверь откроем, чтобы со двора было не видно!

- Давай! - восторженно вскрикнул Миша и потер ладони от колоссальной идеи.

- Дети! Пора спать! - сказала бабушка, входя в гостиную к детям.

В этот вечер Маша и Миша быстро умылись, почистили зубы и легли в свои кроватки спать.

- Тише! - шептала Маша. - А то бабушка услышит!

- Давай еще чуток подождем, - сладко зевнув, сказал Миша. - Пусть покрепче уснет, а мы дверь-то и откроем.

- Хорошо! - сказала Маша, повернувшись на бочок и крепко обняв куклу.

Тишина. Только звезды на небе играют. Кругом серебрится снег, а на окнах возникают волшебные узоры. Вот-вот ворвется чудесный праздник в каждый-каждый дом.

Аромат ели и мандаринов убаюкал славных ребят.

- Как сладко спят! - подумал Дедушка Мороз и положил два больших подарка по елку. - Сладких снов, дорогие мои! Завтра Новый год!

Виктория СТРОГАНОВА
Учащаяся МОУ СОШ №15
Номинация «Эссе», I место

Еще раз об «Обломове»

Рассуждая на тему наставника в литературе, мы не сразу подумаем об «Обломове», этом неочевидном произведении из школьной программы, написанном Иваном Гончаровым в XIX в. В нём повествуется о жизни Ильи Ильича Обломова, о постепенно угасающей в серой и бессмысленной обыденщине человеческой личности, человеческой душе. Среди проблем произведения: «обломовщины», любви, лишнего человека, смысла жизни, – учитель как бы теряется, и не сразу поймёшь, что он там вообще есть. Однако, если вглядеться повнимательнее, можно обнаружить, что Андрей Иванович Штольц, один из главных героев романа, очень напоминает наставника.

Противопоставленный Обломову Штольц играет роль человека, который фактически учит его жизни: заставляет встать с дивана, пытается вдохнуть в него силы, объясняет, что нужно и что не нужно делать. Безусловно, здесь образ наставника в лице Штольца скорее призрачный и более метафорический, если сравнивать с другими подобными примерами из литературы – тот же Платон Каратаев у Толстого. Если там мы видим чёткую передачу важных и поучительных идей автора через уста героя, то здесь эти грани слегка размыты, а старания Андрея Ивановича практически ни к чему значительному не приводят. Получается такая игра в одни

ворота, где учитель что-то поясняет, приводит доказательства, а ленивый и изнеженный ученик, давно уже уставший от этих уроков, ничего не хочет и не может понять. Рассматривая роман через эту призму, мы понимаем, что образ Штольца-наставника напрямую связан с проблемами произведения, затрагивающими тему потерянной, утраченной жизни. Он будто бы оттенён Обломовым, в котором однажды словно и впрямь что-то обломилось и больше уже не срастётся, и благодаря этому Андрей Иванович ещё ярче проявляет себя как учитель. Ведь учитель – это тот, кто просвещает, кто прокладывает дорожку, кто направляет в нужное русло. Чем же занимался (или, по крайней мере, отчаянно пытался заниматься) Штольц? Именно этим. А потому не будет ошибкой назвать его наставником, просветителем, мотиватором, нравоучителем и даже воспитателем. Все эти слова имеют свои оттенки значений, однако каждое из них Штольц в себе совместил, и этот конкретный его образ в романе и проблематика романа коррелируют, крутятся и развиваются одновременно, как две взаимозапускающие шестерёнки.

Ещё один аспект, о котором было сказано ранее, но который стоит разобрать подробнее, это несостоятельность Штольца как наставника. Здесь можно использовать даже громкое слово – провал. Будучи сам во многом неполный, половинчатый, прямой, весь составленный «из костей, мускулов и нервов», он был неспособен дать Обломову настоящий урок, такой, который заставил бы его захотеть чего-то по-настоящему. Потому что учителю недостаточно просто гореть своей идеей, нужно уметь зацепить. Штольц не умел. В этом и есть его отличие от других литературных наставников: отсутствие чего-то самого важного, некой первостепенной составляющей, без которой невозможно действительно донести до непутёвого ученика какую-то мысль. Может быть, дело в его личном неумении понять другого человека – ведь, на контрасте с остальными героями-учителями, он никогда не умел углубиться в суть проблемы «обучаемого» – Ильи Ильича. Он не умел выслушать, как горьковский Лука, и не был нравственным идеалом и безукоризненным, бездефектным примером, как Каратаев. Что уже само по себе предопределило его фиаско. Наверное, потому и его роль в качестве наставника не так бросается в глаза, когда читаешь роман, и блекнет на фоне других деталей, символов, образов.

Впрочем, именно этим он и интересен читателю: в чём-то противоречивый, в чём-то сам не умеющий разобраться, часто элементарно не понимающий человеческие чувства, как вечно работающая немецкая машина; его прямолинейная механическая натура просто не позволила ему быть Обломову близким настолько, чтобы его действия принесли ощутимые плоды. Так что, пусть Штольцу и удалось невольно соединить в себе все черты педагога, не хватило, пожалуй, только одной – обыкновенной душевной теплоты, настоящности, которая присуща каждому хорошему учи-

телю. Таким мы его и видим в романе, этого фигурального невольного воспитателя. И чему-то у него учимся, а чему-то и сами его хотим научить – ведь, если говорить откровенно, иногда и педагогу есть на что оглянуться в характере своих учеников.

Виктория СТРИЖОВА
Учащаяся МОУ «Тверская гимназия №6»
Номинация «Эссе», III место

Книга о педагоге и наставнике

Сегодня мы часто слышим, что Интернет вытесняет чтение книг: люди предпочитают слушать аудио, смотреть видео… Но всё же у многих моих знакомых есть неплохие домашние библиотеки, хотя чаще всего полученные по наследству. Я люблю рассматривать эти книги: всегда попадается что-то интересное… Вот и в этот раз я нашла на полке такую книгу, которую никак не ожидала здесь увидеть, «Повесть об учителе Сухомлинском» Б.С. Тартаковского, изданная в 1972 году в «Молодой гвардии». Откуда она здесь, наследница не знает и, поскольку ей известно о моём интересе к литературе о школе и учителях, равнодушно отдала её мне.

И вот книга передо мной. Из аннотации читатель узнаёт о том, кем был главный герой, и сведения об авторе книги Б.С. Тартаковском. После аннотации идёт текст статьи «Настоящий человек» Е.С. Березняка, заслуженного учителя Украинской ССР, кандидата педагогических наук, в которой с уважением и душевной теплотой он пишет о В. Сухомлинском и об этой книге.

Повесть состоит из двух частей: «На каменистую гору крутую» и «Человек должен!». Каждая из них делится на 8 глав, на мой взгляд, к ним подобраны очень удачные названия, отражающие основной идейный смысл текста. Например, «Что такое хорошо? Что такое плохо?»; «Если завтра война…» и другие. В книгу включены тексты В. Сухомлинского, которые содержат мысли из его педагогического кредо. Известно, что он диктовал их автору, поэтому они так и называются «С магнитной ленты». О том, что книга написана на документальной основе, свидетельствуют чёрно-белые фотографии, на которых запечатлён В. Сухомлинский.

Кто же мог написать повесть об учителе? Кажется, ответ напрашивается сам собой: это ученики Сухомлинского, которых было множество. Но, представьте себе, нет! Автор книги – Борис Семёнович Тартаковский, журналист и детский писатель, который хорошо знал Василия Сухомлинского и был очень высокого мнения о нём, считал его человеком изумительной чистоты и благородства, смыслом жизни которого была педагогическая деятельность.

Основа сюжета книги – жизнь В.А. Сухомлинского от отрочества и до его становления как учителя, получившего звание Героя Социалистического Труда, заслуженного учителя УССР. С первых страниц мы погружаемся в атмосферу, в которой формировался духовный мир юноши и его друзей: это было увлечение чтением, общение и анализ своих поступков, примеры старших. Я считаю, что герою повести очень повезло с наставниками: это и уроки на природе первой учительницы Анны Самойловны, и наставления директора Ивана Саввича, и многих других. Именно их идеи подхватил и развил Сухомлинский.

Я считаю, что эту книгу необходимо прочитать молодым людям, которые хотят стать учителями. Но нужно вдумываться в текст, осмысливая каждое высказывание, порой даже скупое. Автор пишет доступным языком, повествование ведётся очень логично и спокойно.

Могу предположить, что целью автора было рассказать о том, как рождались педагогические идеи Сухомлинского, а не о его личной жизни, иначе как объяснить, что Тартаковский не пишет о трагических моментах. Например, общеизвестен факт, что жену педагога арестовали гестаповцы. Беременную женщину подвергли нечеловеческим пыткам, а когда у неё родился сын, стали издеваться и над ним тоже: привязали младенца к ножке стола, а женщину – к железной кровати. Затем один из палачей разбил голову ребёнка о каменную стену и выбросил тело в мусорную яму. Мать ослепили и вскоре повесили. Сам Сухомлинский об этом писал: «Трудно передать словами горе, которое мне пришлось пережить». Только поражаешься, каким должно быть сердце человека, которому суждено было это вынести. Наверно, не было тех слов, которыми он бы мог рассказать об этом Тартаковскому. Василия Сухомлинского спасла работа. И, вопреки всему, этот человек встаёт на путь гуманной педагогики, пропагандирует её и воплощает в жизнь.

На мой взгляд, такие книги, как эта, необходимы во все времена, потому что они несут добро и гуманизм. Недавно я спросила у десятиклассницы Дарины, которая приехала с родителями из Украины, читала ли она книги о Сухомлинском и его педагогических идеях. Девочка ответила «нет», но о педагоге В.А. Сухомлинском им очень интересно рассказала одна русская учительница. И я мысленно пожелала здоровья той женщине, которая «сеет разумное, доброе, вечное» сейчас, в трудные времена на Украине. Оценивая эту повесть, могу сказать определённо, что «Повесть об учителе Сухомлинском» – это книга, которая может воспитывать современную молодёжь в духе гуманизма, добра, любви к людям и уважению к профессии учителя.

Творческий семинар молодых авторов

Елена АНАНЬЕВА
Секция «Поэзия»

* * *

Вновь с собою один на один
В бесконечном потоке метаний,
В поисках золотых середин,
И разрушенных вмиг ожиданий.
Этой ночью охватит меня
Беспричинная злая тревога.
Я её не боюсь как огня,
Но сегодня она слишком строго
Ворвалась ко мне в дом, не боясь,
Что я снова ей буду не рада,
И с порога, вот так, не стыдясь,
Задала мне вопросов громаду:
То про планы, то про карьеру,
То про творчество, то про успех,
Социальную жизнь и барьеры,
В общем, думаю, всё, как у всех.
Разговор у нас был напряжённый,
Я не стала кричать в пустоту,
Но на сердце, как факел зажжённый,
Я лелею одну лишь мечту.
Она мне помогает в моменты,
Когда, кажется, шансов уж нет,
Когда вновь не сильны аргументы,
Она в серости будней мой свет.

Ольга ГУСЕВА
Учащаяся МОУ СОШ №21
Секция «Поэзия»

Аллея ангелов

С пацанами во дворе играли,
И внезапно начался обстрел.
Пацаны до дома добежали,
Ну а я споткнулся, не успел…
Для чего? Мы ж дети, не солдаты,
Мы играли даже не в войну.
Для чего опять завыли «грады»,
Мирную взрывая тишину?
Украина, разве тебе мало
Крови дочерей и сыновей?
Вспомни, как кричала моя мама
Над ногой оторванной моей?
Для тебя мы пушечное мясо,
«Сепары» и «кляти москали».
Дети непокорного Донбасса,
Но мы не уйдём с родной земли.
Плача, вспоминая и жалея,
Нам несут игрушки и цветы.
Нас теперь тут целая аллея,
Только не деревья, а кресты.
Маленькие ангелы отчизны,
Будем мы хранить родной Донбасс.
Вы не победите нас, нацисты.
Мы теперь все вместе против вас.

Анастасия ЗАБАРА
Студентка ГБП ОУ «Тверской полиграфический колледж»
Секция «Поэзия»

* * *

Когда шагаю по улице,
Сквозь серую массу,
Мимо палящего солнца,
Через тяжёлые кассы...
Небо смотрит на меня,
И не пройду я мимо.
Параллельно небу земля –
Зеркальная пантомима.
Между двумя плоскостями,
Как сыр между хлебом,
Я передвигаю костями
(Повторяю за небом).
Оно белые свои облака
Странным механизмом движет.
Поднимает воздушные бока
И тяжело, но мягко дышит.
Странно, что никто не заметил
Эту картину на весь потолок.
Человек раньше бредил
Вселенской загадкой. Но вот итог:
Серым массам и солнцам
Не знать бы мир, небо, загадки
Звенящим, тяжёлым кассам
Плевать на все, кроме достатка.
По улице шагаю, когда
Думаю про одну небылицу:
Чтобы оживить небо и облака,
Не нужно быть птицей.

С какой стороны кипяток?

С какой стороны кипяток?
Мои руки не помнят воду...
Кто знает, каков потом глоток
Воздуха, настоящей природы.
С какой стороны кипяток?
Я включаю кран, замерзая.
Где мой горячий поток,
Что выльется в пустоту, отпуская?
Всё отпуская… Руки обжечь
После ледяных струй.
Что мне теперь беречь,
Покуда вода уходит...
С какой стороны кипяток?
Опять не запомню... Забуду...
И снова обожжёт меня поток,
Если учиться на ошибках не буду.

Наталья КАПРАЛОВА
Секция «Проза»

Гроб вынесли в полдень

Он стоял на трех табуретках, а вокруг в прохладной тени широких яблонь сидели женщины и обмахивали новопреставленную тонкими ветками. Древняя бабуся померла в ночь. Видимо, оттого под окнами нашей двухэтажки жалостно выла на луну собака. Покойница оставалась во дворе вечером и ночью. Для меня, городского жителя, приезжающего на лето в деревню, это казалось невероятным. Но никого больше это обстоятельство

не тревожило. Даже не удивляло. Мимо проходили люди, качали головами и, перешептываясь, шли дальше по делам. Гремели ведра, кудахтали куры, деревенская жизнь шла своим чередом. Уже в сумерках я несколько раз выглядывала из окна на угол дома, но видны были только белесые ножки табуреток. Бррр! Глупый, какой-то странный ужас впитался в подсознание и, конечно, мешал в эту ночь спокойному сну.

Следующим утром бабулю понесли на деревенское кладбище. На селе помереть незаметно нельзя. Процессия, к которой по ходу шествия прибиваются все желающие, долго тянется к кладбищу. Усопший напоследок «гуляет» по родному селу, слушая через деревянные свои стены, каким он был человеком. Днем наш двор пустовал, плавно наступал вечер. И вот на том же самом месте, на том же углу дома, укрытого зеленью, собрались те же бабы, что вчера обмахивали старушку ветками. Они теперь неторопливо говорили о житейском, посмеивались. Рядом мирно играли с двумя котятами дети, закутывая маленьких зверят в пеленки, как младенцев. Сонные котята не сопротивлялись. Ничего уже не напоминало о смерти.

Здесь была только жизнь.

Иван Степанович хмурился…

Изображая титанические усилия и непревзойденную работоспособность, он усердно хмурился на рабочем месте. Люди должны были видеть эти ровные четкие складки на напряжённом от мысли лбу.

Всякий раз, идя по длинному коридору родной конторы, ставшей таковой вследствие службы длиною в 30 лет, Иван Степанович хмурился. Поначалу он сохранял этот вид чрезмерного сосредоточения только в рабочее время, после чего, поговаривали, становился человеком даже симпатичным. Но быстро напускная деловитость стала привычкой, так что и дома Иван Степанович был по обыкновению сердит. Оттого жена стала ежедневно гладить ему не только рубашки, но даже носки. Такому серьезному человеку не пристало в мятых ходить.

Тем временем сосредоточенность Ивана Степановича становилась заразительной. Все больше сотрудников конторы морщили лбы. И если шел по коридору кто-то невпопад улыбающийся, мог потом за свою эту оплошность и нагоняй получить. Неуместная на рабочем месте легкомысленность! Проще всего деловитость удавалась людям в возрасте, у которых на лице закономерно появились отметины жизни. Например, замечательно освоила это искусство главный бухгалтер Иоланта Владимировна. Дама преобразила даже свою прическу, неизменную с 1973-го года. Исчезла вдруг игривая челка, открывая миру две неровные дуги морщин, завоеванных, безусловно, в ходе напряженного трудового пути. Иоланту Владимировну и так на работе побаивались, теперь же обращались к ней даже с некоторым подобострастием. Заслуженный человек. Очень заслуженный.

Но и молодые поколения талантливых приспособленцев преуспевали в этом непростом деле. По многу часов подающие надежды работники истязали хмуростью свои еще гладкие лбы. Один, самый неистовый ревнитель конторского регламента, даже тайно подрисовывал карандашом строгие полоски на безупречно молодом лбу – две горизонтальные и одну, для убедительности, вертикальную – между бровей. Опасаясь казуса и разоблачения, в любую погоду, даже в самый безоблачный летний день, он неизменно носил с собой зонт. Как бы серьезность не растеклась.

Насупленность как признак великой загруженности трудовой единицы скоро стала обязательным «дресс-кодом» конторы. Почти в каждом кабинете появилось настенное зеркало, проходя мимо которого сотрудники могли по собственному лицу определить уровень работоспособности. Кое-кто даже носил с собой личное карманное зеркальце, чтобы как можно лучше оценить великолепную неровность лба.

А потом Иван Степанович умер. Шел после работы домой, схватило сердце – упал. Последнее, что он увидел, была яркая, зеленая, молодая майская трава. «...Как прекрасно...», - внезапно промелькнуло в угасающем сознании.

Быстро вокруг оказались люди – кто помочь, а кто с интересом поглазеть на происходящее. Иван Степанович лежал на земле, не выпуская из крепко сжатого кулака строгий тощий чемодан. Лицо его, враз лишенное земных забот, совершенно расслабилось, разгладилось и обрело вдруг вид спокойный и даже удовлетворенный. Казалось, Иван Степанович улыбается.

…Мимо как раз проходил сотрудник той же конторы. Он посмотрел на мертвеца, но даже не признал своего коллегу.

Только сильнее нахмурился.

Мария КОТЛОВА
Секция «Поэзия»

Грачи прилетели

Я хотела обнять грача.
Он, как сыч, на меня поглядел.
Улыбаясь, бегу, крича:
«Гра-а-ач! Спасибо, что ты прилетел!»

Ты скажи, принес нам тепло?
Пробуждение жизни принес?
Знаешь, нам было так тяжело
Без весны… Всюду – лютый мороз,

Всюду, кажется, тьма и страх,
Не чужая, а наша – боль.
Все как будто – не в наших руках,
Все как будто – само собой

Происходит. Как будто во сне,
Из которого выхода нет – не ищи.
Миру – да! Жизни – да! Да – весне!
Вот уже прилетели грачи.

Запечатления

Люблю превращать впечатления в запечатления,
В отпечатки (как на фотопечати),
Неуловимые звуки, запахи, все ощущения:
Как таянье снега в руке без перчатки,
Как запах осенней желтой листвы
Под дождем моросящим,
Как первая тонкая корка замерзшей воды,
Под ногами хрустящая...

Молитва Голосу

Позволь управлять Тобой,
не срываясь на крик, хрип, боль,
разрывая в клочья
связки
днем и ночью.
Предложи подсказку,
другом стань, помощником – мне
в выражении чувств моих, мыслей, идей.
Я прошу Тебя, помоги,
от отчаяния сбереги
разум и душу –
так хочу, чтобы слушать
и слышать могла я...
Прости, если Тебя подвела я!
Многое сможем
лишь с Тобой вместе:
будем мы сочинять и петь песни
только о добром, хорошем
и светлом.
Тебя, о Голос, молю об этом!

Виталия КУДЕСОВА
Учащаяся МОУ СОШ №51
Секция «Проза»

Душно

Из цикла «Вспышки»

Последнее время описать состояние вокруг можно лишь одним словом — «жарко». Душно настолько, что иногда в глазах все плывет. Неудивительно, что у нее случился тепловой удар.

Я бываю в ее квартире довольно часто: ну конечно, ей же плохо. Она очень много спит, а когда бодрствует, то очень вялая. Настолько, что без меня даже не может налить себе воды. Но это временно, скоро ей должно стать лучше.

— Мне вчера снился сон. Мы были в парке, я говорила, как не люблю лето. Кошка спрыгнула с моих колен и побежала к дороге. А ты за ней. И светофор поменялся на красный. Машина резко выехала из-за угла, не успела затормозить. Запах крови смешался с пылью и духотой. Звонкий крик. И это было так реально, мне кажется, я даже закричала через сон. Конечно, где-то в подсознании я понимала, что это все бред, но что-то говорило: «Это не сон», — она замолчала, — Наверное, мне просто очень плохо, температура не спадает, все кружится, да и подташнивает.

Я положил мокрое полотенце ей на лоб. Она уже уснула.

На следующий день все повторилось.

— Вчера мне опять снился дурной сон. Мы сидели в парке. Я помнила прошлый и попыталась увести тебя оттуда.

— И что же случилось дальше?

Через несколько минут молчания сквозь духоту комнаты она продолжила:

— Балка со строительного крана сорвалась и насквозь пронзила твою грудь. Ужасающий крик заполнил мое сознание, и я на секунду подумала, что это снова реальность, потом взяла себя в руки. Я пыталась проснуться, но кто-то упорно уверял, что «это не сон», — она прикрыла лицо руками, лежала вспотевшая.

— Температура чуть-чуть спала, скоро должно стать лучше. Не тошнит?

— Уже меньше.

— Понятно. Я завтра ещё зайду. Купить что-нибудь?

— Воды и чего-нибудь холодненького.

— Хорошо.

На следующий день снова.

— Знаешь, мне опять приснился тот сон. Мы почти дошли до моего дома, но поднимаясь по лестнице, я почувствовала чьё-то присутствие,

обернулась на секунду, а ты уже лежал внизу весь в крови. Мне почему-то стало так страшно. Я кричала, но мой голос словно сгорал в палящих солнечных лучах. В голове все плыло, тошнило. Было ощущение, что я сейчас умру!

— Давай надеяться, что скоро эти кошмары закончатся, ты поправишься и мы поедем на речку, будем плавать в прохладной водичке. Все будет хорошо!

И снова.

— Сегодня он был немного другой. Меня уже так достало это состояние беспомощности. Я даже во сне решила действовать, понимаешь? Мы сидели, кошка побежала, ты за ней, а я за тобой, и вдруг все по-другому, теперь не ты, а я попала под машину. Брызги крови отразили твои изумленные глаза и мое сбитое тело. Асфальт был липким, и все вокруг будто находилось в бешеном движении. И при этом тихо, жарко и душно, как бывает летом, а от тишины так спокойно.

— Это всего лишь кошмары, ты перегрелась.

— Да, знаю, но они такие пугающие. Каждый раз я чувствую себя потерянной, опустошённой, хочется кричать, что это все сон, неправда, и каждый раз голос — «это не сон». Меня буквально выворачивает от него. Тело слабое, словно я уже давно ничего не ела, словно ребра выпирают наружу, а живот впал. Изуродованное, измученное зноем лицо. И только одно слово — «жарко»…Ладно, сейчас уже лучше. Завтра, может, вообще уже поправлюсь.

— Хочешь, я останусь сегодня на ночь?

— Давай! — довольно бодрым, но все же хриплым голосом ответила она и сонно улыбнулась.

И наконец…

— К вечеру, наконец-то, начинает становиться прохладнее.

— Да.

— Может, тебе сходить к врачу?

— Я уже.

— Я имею в виду то, что ты много спишь. Ты же можешь спать больше, чем бодрствовать. Может, стоит узнать, нормально ли это. Вдруг какой нерв защемило или витаминов не хватает.

— Ну, может, стоит. Знаешь, было бы забавно, если бы оказалось, что я умерла, а все эти сны лишь способ твоего мозга принять мою смерть.

— Не мели чепуху! Ты же все ещё тут! Скоро мы поедем на речку.

— Интересно, какой бы мне купальник надеть?

— Желтый в белую полоску: тебе он больше всех идёт.

— Тогда договорились. Скоро сентябрь.

— Да, жарко больше не будет. И мы забудем об этой болезни, как о дурном сне.

— Да. Спокойной ночи!
Когда я проснулся, впервые за долгое время было свежо.

Александра МАМЕДОВА
Учащаяся ГБП ОУ «Тверской педагогический колледж»
Секция «Поэзия»

Семья и профессия

Семья и профессия – важные вещи!
Семью нам подарит судьба!
И если удачно, то надо бы взвесить,
Какие нам выбрать дела…
Семья рядом с нами, профессия тоже
По жизни идет не спеша.
И выбрать ее нам порой очень сложно.
Но что же подскажет душа?
Всё думаем, часто не спится ночами –
Мы просим совет тишины!
Мечтаем мы стать продавцами, врачами –
Они для народа нужны.
А я знаю точно, хочу что от жизни!
Семья согласилась со мной!
Профессия эта важна для Отчизны,
Для области нашей Тверской!
Мне хочется стать самой лучшей и мудрой,
Чтоб детям отдать все скорей!
Мне хочется солнце дарить ранним утром,
Надежду вселять в малышей!
Любовь и забота – что может быть лучше?
Подобной профессии нет!
И в холод, и в зной, и в морозы, и в стужи
Несем мы целительный свет!
Учителем быть – непростая работа!
Но все же ее я люблю!
Осталось учиться еще мне немного!
Исполню мечту я свою!

Я останусь

Я останусь на этой земле для тебя,
Растворяясь в осеннем тумане…
И слышна будет музыка в каплях дождя:

За собою она нас поманит…
Я останусь в снежинках холодной зимою,
Чтобы ты не забыл обо мне,
Чтобы каждый второй был с открытой душою,
Чтобы сердце хранил ты в тепле…
Я останусь в ладошках весеннего солнца,
Что согреет в полуденный час.
Только мысль моя о тебе остается,
А погода меняет окрас…
Я останусь в ромашках, которые знают
Красоту и всю нежность любви…
Теплым летом они нас с тобою поманят,
Словно в роще поют соловьи…
Я останусь на этой земле для того,
Чтобы быть хоть кому-нибудь нужной,
На пути чтобы встретить однажды его
И понять, что судьба добродушна…

Ян МАТВЕЕВ
Учащийся ГБП ОУ «Тверской технологический колледж»
Секция «Проза»

Тепло

Великий город на Неве всегда имел славу тоскливого места.

Многие называли его красивым. Кто-то мог сказать, что он загадочный. Или, например, интересный. Но ни один человек ни разу не сказал, что город этот счастливый. Даже коренные жители Питера не говорят так, нахваливая свою родину перед залетными гостями.

Северная Пальмира – мрачное место. Так повелось еще с тех времен, когда самого города не было даже в планах. До того как Петр проложил каменные улицы, здесь было болото. Никто здесь не жил, за редким исключением. Непроходимые топи пугают людей и сейчас, но раньше суеверный страх перед ними заставлял трястись поджилки. Детей пугали болотом. В болоте жили отвратительные твари. Болото — это плохо. Чаще всего оно равняется неминуемой гибели. Либо в трясину засосет, либо запутают и сожрут.

Жить в таком месте невозможно. Однако император Пётр считал подругому. Ради выгоды он пренебрёг вековыми традициями и предостережения, о чем лично ни разу не пожалел. За него отдувались жители нового города.

За свою историю Питер повидал разное. Здесь убивали ради наживы и погибали за Великую Родину. Здесь прыгали с красивых мостов и женились на красивых девушках. Странное место, и спектр наполняющих его эмоций тоже странный. Нелогичный.

Люди стараются о таком не задумываться. Живется так намного легче, спокойнее даже. Тем не менее, крамольные мыслишки все равно проскакивают. Не может быть так, чтобы никто хоть раз у себя не спросил: «А что, если всё же?..» Из таких мыслей рождаются не только домыслы и легенды, но и нечто серьёзнее. Даже не так – из них рождается Нечто.

В один прекрасный момент город ответил на все неосторожные вопросы. Но легче от этого не стало никому. Легенда ожила, воплотилась в реальном мире. Разве это хорошо? Она должна жить лишь в рассказах, ведь на то она и легенда.

Впрочем, и это все лишь предположения, что неосторожный язык может высказать во время задушевного разговора. Скорее всего, на этом обсуждение и закончится. В худшем случае такого мыслителя могут отправить на профилактику в психбольницу. За то, что думает не о том.

Но находятся люди, которые верят даже в столь бредовые теории. Например, Александр верил. Он знал, что город давно не является простым скоплением многоэтажек. То и дело он замечал в открытых окнах сочащиеся гноем глаза. То и дело в голове звучал еле слышный голос, завораживающий, как речь профессионального гипнотизёра.

Александр верил, но не позволял себе поделиться этим секретом с другими людьми. Говоря начистоту, ему не улыбалось остаток жизни провести в комнате с мягкими стенами, белыми, как летние облака. А ведь придется переселиться в лечебницу, коль о его вере узнает кто-то знакомый.

Жаль, конечно. Одному жить в страшной сказке очень скучно.

Александр, отгоняя в сторону тяжелые мысли, посмотрел на небо. Незачем грустить – сегодня ведь выходной. Первый его нормальный выходной за целый месяц беспрестанной работы. Так что нужно хорошенько отдохнуть, а не забивать себе голову всякой ерундой.

К тому же, Питер в кой-то веки решил порадовать его нормальной погодой. Здоровая синева над головой после постоянной промозглой серости по-настоящему радовала. Хоть какое-то разнообразие. Да и солнце, наконец-то начавшее работать в полную силу, позволило одеться куда легче, чем обычно. Мелочь, но все равно ведь приятно.

Александр, благодушно щуря глаза на яркое небо, чинно и мирно прогуливался по улице, названия которой даже не знал. Эта деталь его волновала мало, конечно, но стоит задуматься. Не дело жить в городе, почти ничего не зная о его нормальной стороне. Но если говорить без капли лжи, то Александру было всё равно.

Прогулка тем временем затянулась уже на два часа, и заканчивать её парень не собирался. Ходить он будет, пока не наступит вечер. Ну, или до того момента, когда произойдет что-нибудь интересное. Он любит всякие интересности, до дрожи в коленях любит.

Каждый сходит с ума по-своему.

Как назло, что-то странное происходить не хотело. Город был на удивление спокоен. Прямо как утопленник недельной давности. С одной стороны, это не могло не радовать, но с другой – давило. Нехорошее предчувствие начало свербеть под лопаткой. Такое спокойствие — это уже нечто необычное. Как бы не получилось так, что оно является лишь штилем, что стоит на море перед крутой бурей.

Александр тайком коснулся висящей на боку сумки. Несмотря на выходной, сейчас он готов почти к любой неожиданности. Говорить о большем будет слишком самонадеянно, ведь все предусмотреть не может даже самый опытный параноик.

- Оно выделяло тепло... - пробормотал парень, вдруг замерев на месте. – Тепло?

Взгляд все же смог зацепиться. Смог заметить крохотную, незначительную деталь, что выбивалась из общего театра действий.

Тепло. Мерцающее марево над раскалённым предметом, которое очень трудно заметить, если не вглядываться в воздух перед собой.

Александр, пропуская оживленный людской поток, стоял на месте и завороженно смотрел на открытую дверь небольшого антикварного магазинчика. Даже стоя поодаль, он ощущал этот жар, что вырывался на улицу из недр помещения.

Чуйка буквально визжала не своим голосом, пытаясь кувалдой вдолбить в мозг мысль о том, что соваться в этот магазин не стоит. Чуйке своей Александр верил. Так, как не верил другим ощущениям. Тем не менее, сейчас сразу стало ясно, что любопытство окажется сильнее.

- Молодой человек, отойдите! Вы чего посреди дороги раскорячились?

Пропустив мимо пышущую праведным гневом мамочку с коляской, Александр сместился к краю тротуара. Дабы больше никому не мешать. Идти вместе со всеми дальше он более не мог. Всё его сознание заполнили мысли об этой очень необычной двери.

Хочется залезть туда, до дрожи хочется. Но надо ли?

- Че я, не мужик, что ли? – азартно протянул Александр, нащупывая в сумке холодный кусок угловатой стали. – Гули-гули, иди к папочке...

- Молодой человек, - легкое чувство дежавю стрельнуло где-то между лёгкими. – Настоятельно не советую Вам никого оттуда звать. Пожалеете.

Александр дёрнулся как от удара током и еле удержал рвавшийся наружу мат. Почему ему в очередной раз кто-то мешает?

Первое, что бросилось в глаза – удостоверение. Такое же, что было некогда и у парня. Отличия лишь в печати и...

- НИИ паранормальных явлений «Сансара», кадровый отдел, - миролюбиво заявил нежданный собеседник. – Можете звать меня Мишей. Не люблю формальности в общении.

Скривился, как от зубной боли. Типичный особист. И речь такая, что придраться ни к чему не получится, и внешность такая же – идеально правильная и настолько же неприметная. Взгляд по ней скользит как со смазкой, зацепиться ему не за что. Это бесит больше всего.

В свое время Александру приходилось часто встречаться с подобными. Долг службы, так сказать. Собственно говоря, даже этот Миша тоже кажется смутно знакомым. Вполне возможно, что их дорожки в прошлом не раз шли вплотную друг к другу.

- Миша, - прошипел, словно выплюнул. - Если ты собираешься учить меня жизни, то можешь не тратить время. Я не хуже тебя знаю, что может случиться.

- Да? - удивленно поднял брови особист. - Тогда всё еще хуже, чем мне сообщили. Впрочем, это неважно. Сейчас мне надо именно то, что ты собрался делать до моего появления.

Теперь настала очередь Александра делать удивленное лицо. Надо же, ему не будут ничего запрещать! И даже отговаривать не собираются! Неужели на его улице наконец-то перевернулся КамАЗ с весёлой травой?

Все еще не веря своим ушам, он вытащил из сумки пачку сигарет, открыл. Вытянул зубами сигарету и прикурил от спички – любит он ретро, атмосферно это. Сделав пару затяжек, вновь повернулся к Михаилу, терпеливо дожидавшемуся ответа.

- То есть, я должен войти внутрь и тупо грохнуть все, что шевелится? Верно?

- Да, молодец, ты понял меня как нельзя лучше. Понимаешь, кадров не хватает, зачистить всё не получается, вот и...

- А, заткнись, - нагло перебил он мужчину. - Не грузи меня проблемами этого вашего масонского общества. Не интересует.

Действительно, зачем ему знать какие-то подробности об этой конторе? Он вообще впервые о ней слышит. Хотя, это легко объяснить – организации с такой деятельностью известность ни к чему. И все равно, что-то не нравится ему в этом Мише. Темнит паря, в наглую темнит и не краснеет. Вот поэтому особистов никто и не любит.

Так, а теперь стоит отбросить в сторону лишние мысли, как вот этот смятый окурок, и заняться делом. Не обращая более внимания на замершего «потусторонника», Александр направился к распахнутым дверям.

Как только до входа в магазин осталось не более пары метров, он почувствовал тот самый жар. Как будто там крематорий работает.

Стоп. А ведь вполне... Интересное предположение. Надо принять к сведению.

Уже стоя в проеме, Александр обернулся. Михаил все так же стоял на месте и с легкой улыбкой смотрел ему вслед. Странный он. Ну, это его дело, незачем мешать человеку делать, что он хочет.

Шаг вперед. Хлопок. Двери закрылись.

Чертыхнувшись, Александр рефлекторно рванул назад, но тут же силой себя успокоил. Бояться нечего. Это всего лишь двери.

- Алло, хозяева! – голос отразился от скрытых в темноте стен и принялся эхом гулять по помещению. – Встречайте гостя!

А в ответ – тишина. Никто не спешил нести ему хлеб с солью. Непорядок, однако. Распоясались они, никакого уважения нет. Надо воспитывать.

Вытащил из сумки фонарь-налобник, натянул, после уже включил. Луч света тут же выхватил из темноты довольно интересную картину.

Никакого антикварного магазина внутри не оказалось. Да и само помещение было намного больше, чем выглядело со стороны. Ну, такими фокусами его не удивить. Занятно то, что вокруг царила абсолютная пустота.

Чистое, без единой пылинки помещение – и коридор, под наклоном уводящий куда-то вдаль. Выглядит довольно подозрительно. Если проводить аналогии, то очень смахивает на пасть огромного животного.

- Твою мать, - обреченно протянул Александр. - Вот же…

Не успел он договорить, как пол вокруг пришел в движение. Притворщик, поймав очередную жертву, начал просыпаться.

Мария АНТОНОВА
Студентка специальности «Литературное творчество»

По скидке

Настасья никогда не понимала, почему она родилась именно в этом городе. В родной Воркуте её душил вид из окна, который не сменялся вот уже много лет. Серые панельные здания были набиты людьми, хоть и выглядели аварийными. Настя жила в брежневке, обустройство квартиры было соответствующим.

Девушка с блондинистыми волосами, струящимися локонами, лежала на диване, изумрудная обивка которого была пропитана табачным дымом. Мама не успела оплатить wi-fi, поэтому Настя, уставившись в потолок, слушала бубнёж из телека. Слушала, но не слышала. Её терзал вопрос: почему Бог так несправедливо распределяет детей по родителям? Почему она оказалась именно в этом месте? Разве она не заслужила семью с достатком выше прожиточного минимума?

Иногда вокруг Настасьиных голубых радужек виднелась сеточка полопавшихся капилляров. Но не потому что она плакала за отсутствием денег. Так тяжело иногда ночью оторваться от сериала, где девчушка с невинным взглядом и без гроша за душой попадает в столицу, где её, как по-

следнюю дворнягу, подбирает богатый дядя на чёрном BMW! Почему в жизни так не может быть? Ну, даже если не в каждой жизни, то хотя бы в Настиной?..

Пронзительная трель раздалась в квартире. Девушка от неожиданности вздрогнула, но не поленилась подняться, чтобы дойти до входной двери. На пороге стояла расплывающаяся в улыбке Саша с новой стрижкой и коробкой печенья в руках.

- Ставь чайник, чего ждём-то?

Брюнетка чмокнула подругу в щеку и быстро скинула кроссовки, впихнув упаковку со сладким в руки Насти.

- Ага, сейчас…- в полтона ответила девушка и побрела на кухню.

- Ты спала, что ли?

- Да нет, просто задумалась.

Июльское солнце било сквозь деревянное окно. Побелка, не выдержав распада СССР, отвалилась и покоилась вместе с мертвыми мухами. Коробка печенья по скидке за 69 рублей и две кружки с кипятком стояли на столе, на местами порванной клеенке с изображением каких-то несуществующих цветов. Рядом ютилась пепельница, полная бычков. Отец постоянно делал замечания Насте за бардак, а сам свои окурки не мог вытряхнуть в мусорное ведро. В чужом глазу соринку видит, а в своём бревна не замечает. Всё по классике.

- Саш, а тебе не тошно оттого, как всё плохо? – задалась вопросом Настасья, облокотившись на стол.

- Что за наезды? На что хватило мелочи, то и купила, – откусив оскорбленное печенье, сказала темноволосая.

- Да я не про печенья, я про жизнь.

- Не скатывайся в философию, Бог накажет.

- Меня реально уже блевать тянет от этого города. Давай в августе хотя бы на недельку сгоняем в Москву?

- Конечно, давай! За твой счет, надеюсь? – язвительно ответила брюнетка.

- Очень смешно, Саш.

- Да я не шучу, зарабатывай и погнали.

Минутная пауза поселилась на кухне. Каждая девушка погрузилась в свои мысли и пока вылезать из них не собиралась. Тишину перебивал стук ложки об стенки кружки и хруст печенья на зубах. Слышно было, и как сосед за стенкой кашлял раз за разом. Когда он уже выплюнет свои легкие и сдохнет?..

- Видела афишу на ТЦ с фильмом «Эскортницы»? - продолжая глядеть в одну точку, спросила Настасья.

- Ага, я не пойду, если что, - не задумываясь, ответила Александра.

- Я и не предлагаю идти туда, - сделав еще один глоток чая, размеренно произнесла блондинка.

- А что ты предлагаешь?

Но ответа не последовало. Брюнетка подняла взгляд на подругу и увидела огонек в глазах и легкую ухмылку.

- Насть, с головой всё ок?

- Нет ну а что такого?

После того как дверь захлопнулась за подругой, Настя долго сидела за кухонным столом, пытаясь распутать клубок мыслей.

* * *

Настя сняла черный топик, кинула его на бак для грязного белья и взяла в руки свой разбитый iphone 6. Она перекинула светлые пряди вперед, так чтобы не было видно груди. Еще раз убедилась в яркости своей помады и открыла камеру телефона. В таком виде её не видят прохожие, родители, учителя. В таком виде она может изобразить взрослую. Настя сделала несколько фото анфас. Рассмотрев получившиеся снимки, она откинула волосы назад, слегка надула губы и включила фронтальную камеру. Посмотрела голубыми глазами в объектив настолько невинно, насколько это вообще возможно.

Неожиданно руки дернулись, чуть не выронив телефон – входная дверь хлопнула. Родители пришли. Настя быстро натянула топик и вышла из ванной комнаты с абсолютно равнодушным лицом.

Тонкие пальцы быстро перебирались по клавиатуре ноутбука. «Требуются модели в Воркуте». Модель – это хорошо, но не эффективно. Взгляд бегал от одной поисковой строки к другой. «Проститутки Воркуты, реальные девушки с проверенными фото и видео». Настасьины брови приняли неестественно изогнутую форму. «Проститутка даже звучит дешево, я так унижаться не буду», - прозвучало в светлой (жаль, что только по цвету) голове, и она быстро переключилась на следующую ссылку. «Любовь за деньги: где девушке найти богатого папика?». А вот это уже хорошо! Так хорошо, что зрачки расширились, как при виде первой любви.

«Содержание статьи:

1. Как найти богатого папика в интернете?

2. Правила идеальной содержанки.

3. Где познакомиться с богатым папиком?»

Читать Настя особо не любила. Дальше «Каштанки» в пятом классе дело не продвинулось, но раз уж на кону счастливая и безоблачная жизнь, то и напрячься не грех.

Глаза уже давно слипались, но миссия была выполнена. Последний чат на сайте знакомств заканчивался сообщением: «Давай завтра в 17 заеду ни о чем не переживай». Настя последний раз пробежалась взглядом по

переписке, закрыла вкладку браузера и опустила голову на подушку, натянув колючий плед повыше.

* * *

Настасья нагнулась вперед, опустив голову, чтобы намотать полотенце на мокрые волосы. Подойдя к окну, она оценила погоду на улице и мысленно прикинула, как одеться. По дороге к дверному проёму Настя схватила вчерашнее печенье и направилась в свою комнату, задевая плечами все углы квартире.

Щёточка туши прочёсывала светлые ресницы, делая их длиннее, создавая тот самый «лисий» взгляд. Девушка еще раз провела руками по светлым локонам и улыбнулась своему отражению в зеркале. В 17:01 идти куда-то абсолютно не хотелось. Хотелось только смыть штукатурку с лица, снять неудобные стринги и, как пару лет назад, завалиться в кровать, чтобы посмотреть новую серию того самого реалити.

Выйдя из подъезда, Настя смутилась, когда увидела белую Kia Rio с желтыми шашками на крыше, но номера были вроде верные, поэтому она короткими шагами побрела к машине. Лёгкий мандраж прошёлся волнами от плеч к ногам.

- Приветики! – неестественно высоким голосом сказала усевшаяся в машину девушка.

- Привет, Прелесть! – ответил мужчина, который слегка отличался от фото на сайте знакомств.

«Почему мне на голову не упал кирпич, когда я вышла из дома?..»

На приборной панели были приклеены две иконы. Самое время для молитв. На зеркале дальнего вида висела пахучая «ёлочка». На так называемом «молодом» человеке были синие джинсы с протёртыми коленками, а пуговицы на с трудом застёгнутой рубашке были на грани того, чтобы разлететься в разные стороны. От минутного шока Настю отвлекла холодная шершавая рука на её колене.

- Ну что, поехали?

- Поехали… - пролепетала блондинка и переложила чужую руку на коробку передач. – Прости, а ты в такси работаешь?

- Ну, как сказать, работаю, у меня своё производство небольшое, ну бизнес, ты поняла, а таксую иногда для души.

Машина выехала со двора и направилась по улицам родной, но нелюбимой Воркуты. Настя перевела взгляд с окна на салон машины и поймала на себе сочувствующий взгляд Девы Марии.

* * *

Настасья вскочила с кровати и подорвалась к двери. На пороге стояла Саша, и в ее стрижке, кажется, опять что-то изменилось.

- Проходи быстрее, это полное дно! – почти прокричала блондинка и, схватив подругу за руку, втащила её за порог квартиры.

- Я коробку печенья дома нашла. Прикинь, с Нового года осталось. Что случилось?

Саша скинула белые кеды и положила коробку с печеньем в руки подруги, которую уже трясло от нетерпения. Они вошли на кухню. Александра поставила чайник и достала кружку, а Настя села на стул и подтянула под себя одну ногу.

- Тебе черный или с ромашкой?

- Мне с водкой, Саша, сядь уже.

Поставив две чашки с чаем на стол, Александра уселась на стул и стала ждать увлекательного рассказа.

- Короче, навешали мне лапши на уши конкретно, - в расстроенных чувствах сказала Настя.

- Я не сомневалась, зай, - рассматривая засохшее печенье на наличие плесени или другой нежеланной жизни, ответила Саша.

- Там должен был быть мужик, подтянутый такой, стрижка, как у Джонни Деппа в молодости, а в итоге это мужик, похожий на нашего соседа, который в прошлом году из окна выпал. И никакой он не бизнесмен, он бомбила обычный. Говорил, что поедем в ресторан, в итоге поехали к нему домой…

Саша продолжала терпеливо слушать подругу, очень медленно жуя свое печенье, чтобы хрустом не перебить блондинку.

- Приехали к нему, а там так плохо, что даже хуже, чем у меня. Я говорю типа: «Ну, может чай попьём?», а дальше начинается самая жесть…

- Он не предложил тебе печенье?

- Я прохожу в гостиную, там что-то наподобие дивана, везде ковры, на полу, на стенах, даже дверь обклеена ковролином. Чая у него не было, принес просто кипяток. Я предложила заказать что-нибудь, ну, там пиццу или суши. Он сказал, что сам мне организует «вау» какой фуршет. Он ушёл на кухню, я осталась сидеть смирно и тупо смотреть на кипяток, потому что пить из его кружек просто мерзость! Потом он приносит тарелки с каким-то месивом, там короче был хлеб, какие-то шпроты заветренные, то ли чеснок, то ли лук, я не помню уже, и вроде ещё что-то, не суть.

Саша уже не жевала, не пила, не рассматривала вид за окном. Она полностью прониклась шуткой про водку в чае и смотрела на подругу, как заворожённая.

- Потом начались эти намёки тупые: «Ну ты же не маленькая, понимаешь, что каждому мужчине надо», - пытаясь максимально правдоподобно спародировать гнусавый прокуренный голос, процедила Настасья.

- А ты что? – не на шутку напряглась Саша.

- А я руки в ноги и как сайгак побежала к двери. Слава Богу, не разувалась в этом свинарнике.

- Да, всё ясно… - Саша поджала губы, вскинула брови и направилась к окну.

- Мой рассказ тебя так впечатлил, что ты захотела сигануть? – нервно отшутилась Настя.

- Душно стало, – без привычной язвительности ответила Саша, открыв форточку. Она вытерла руку об штаны от пыли и побелки с ручки окна и села на место. – Ты же понимаешь, что это не смешно?

Блондинка уже не улыбалась. Она подтянула колени к груди и обхватила руками свои ноги, её щёки порозовели, и Настя посмотрела на подругу. Но посмотрела не так, как раньше, а как-то по-детски виновато и растерянно.

- Настюш, я всё прекрасно понимаю. Хочется каждый месяц ходить и на ноготочки, и на реснички, и на бровки. Хочется каждый день бывать в кофейнях, а не пить растворимый. Хочется жить не хуже, чем Маша, Даша, Глаша…Много «хотелок», и это нормально. Все хотят жить достойно. И на работе 24 часа в сутки тоже не хочется убиваться. Хочется как в Инстаграме, чтобы утром массаж, днём йога, а вечером салон красоты. И ни слова о труде. Но ложиться под каких-то мужиков за деньги – это не решение. Это грязно, Насть. Эскортница, проститука, индивидуалка, куртизанка – как хочешь говори, но это все одно и то же. Включи голову на минуту хотя бы! Этот мужик тебя отпустил ещё по-человечески, а другой бы с тобой не сюсюкался. Сколько историй, где таких малолетних дур, как ты, убивают? Они не покупают твои услуги, твоё время. Они покупают тебя и думают, что могут делать с тобой всё, что им взбредёт в голову.

Насте было стыдно, но она смотрела подруге прямо в глаза. А Саша смотрела на неё уже совсем по-другому. Словно она пытается вытащить подругу из ямы и тянет ей свою сильную руку, а Настя не протягивает руку в ответ. Так и смотрит на неё брюнетка. С тревогой, горечью и смирением.

- Сашуль, я тебя люблю очень сильно. – Настасья подходит к подруге, берет её за руку и тянет в свои объятья. – Я тебя поняла, прости, пожалуйста.

Тяжелая дверь давно захлопнулась за спиной Александры. Настя стояла в ванной и тёрла глаз ватным диском, пропитанным мицеллярной водой. Убедившись, что на тонких ресницах не осталось стойкой туши, блондинка умылась прохладной водой и пошла на кухню.

Какой бы «красоткой на всю голову» не была Настасья, мытьё посуды было для неё лучшей медитацией. Тёплая вода касалась её рук, и девушка с усердием натирала каждую кружку ароматным средством для мытья посуды. Настя всегда создавала большое количество пены, а мама ругала её за нерациональное использование бытовой химии.

Все кружки и блюдца были вымыты и стояли в сушке. Сама Настасья лежала в своей постели и грела холодные ноги под одеялом. Постепенно веки начали закрываться, её лицо было спокойно. Но под рукой раздалась вибрация. Свет от экрана телефона неприятно ударил по сонным глазам, и, прищурившись, блондинка прочитала уведомление на экране блокировки. «Не мог себе представить что в нашем городе есть такие шикарные девушки. Меня зовут Александр. Хочу пригласить тебя завтра вечером в ресторан. С соответствующим продолжением :) Можешь не переживать принцесса я щедрый».

Через пару секунд Настасья напечатает короткий ответ на такое длинное сообщение. А завтра вечером за ней заедет красный Ford.

Данила БЕЛОВ
Студент специальности «Литературное творчество»
Член Студии литературного мастерства «Вербалис»

Бесконечные праздники

Поэма в прозе о самом важном в мире

Направляю стол воображаемого револьвера в висок и весело смеюсь от заплывшей в голову шутки. Жму на курок деревянным пальцем и хохочу ещё веселее от того, что мозг мой защекотал электрический разряд весёлой мысли. А за стеной по дереву щёлкают ножи, измельчая в салат мёртвые плоды земли. За окном отчаянно и празднично шумно, потому что скоро заря, и петух взберётся на гудронную плоскость крыши и безмолвно закричит, встречая полную веселья ночь. А потом и я выберусь из склепа собственной комнаты и зашагаю весёлой походкой отчаявшегося смертника на вокзал мимо праздничных звёзд и весёлых огоньков, в надежде на светлое и тихое завтра, обещанное мне в детском сне много лет назад. И я буду слушать в голове его непроявленный голос, который никогда не отпускает наши души. Непроходящий беззвучный вопль.

А непроходящий ли?

Может, когда-нибудь пройдёт, как проходит всё остальное. И я так же пройду. Всё проходит, даже бродячая почка Ивана Ильича прошла. Его, кстати, на днях выписали из больницы, потому что он совершенно выздоровел и стал беззвучным, как крик петуха. Надоел он всем, бедолага, засунули его в чёрный мешок с дырой на боку и понесли на кладбище хоронить. А похороны весёлые, как рождение нового года, как смех, как шутка, защекотавшая мне мозг.

А потом все пошли голосовать за установку новой плахи в нашем дворе, потому как старая совершенно развалилась. Голосовали, собирали деньги (по две копейки с каждого жителя нашего дома), и все забыли про

то, что у Ивана Ильича прошла бродячая почка, а потом прошёл и он сам. Но он не обиделся, потому как никто бы на его месте не обиделся. Один тип, приехавший издалека, сказал, что плаха портит архитектурный ансамбль, но мы послали его к чёрту, и он уехал. Но когда он уехал, я стал скучать, потому как никто больше не мог рассказать нам про архитектуру далёкого Каракорума, о котором мы все мечтали, но в существование его не верили.

Плаху всё же поставили и решили отпраздновать её открытие веселым выступлением палача, но оказалось, что палач никогда не выступает один, поэтому мы приговорили петуха к отрубанию головы: он очень надоел нам всем своим беззвучным воплем. Он был не против и сказал, что наличие головы мешает ему глазеть на расстелившуюся вокруг вечность, а вечность – это не только слово, выложенное из осколков розового фруктового льда, но и многое другое, что невозможно описать.

Казнь тоже была весёлая, как праздник майского грома, о котором вспоминаешь зимними вечерами, затянутыми петлёй на шее. И я думаю, что и нам-то всем голова не очень нужна, потому что в ней шум и грохот, отчаяние и хохот, а ещё бесконечные скрипичные тревоги, и постоянное ожидание, и смертная тоска по несбыточному, и много-много осколков от разбитых ёлочных игрушек. Поэтому я направляю ствол воображаемого револьвера в висок и хохочу, потому что хочу посмотреть на вечность. Жму деревянным пальцем на курок, и мимо пролетают и огоньки, и праздники, и крик петуха, и почка Ивана Ильича, и плаха, и грохот, и хохот, и шум бесконечного праздника, и забывшие о вечности люди.

В тот вечер

Я сидел в кафе недалеко от метро Октябрьская и, откровенно говоря, пялился на сидевшую напротив меня девушку, ожидая, когда нам принесут заказ. Она была младше меня на два года, её звали Настя, у неё были голубые, почти тёмно-синие глаза, казавшиеся в приглушённом свете жёлтых ламп зелёными, и ради неё я в тот день изъездил пол-Москвы и потратил все деньги, скопленные за время подработок в дешёвых кафешках.

Собственно, меня, убеждённого провинциала, в самый центр Москвы притащила именно она. И именно из-за неё я научился не теряться в метро и выдерживать смрадное дыхание набившихся в вагон людей. Кроме этого, узнал, что Москва ещё больше, чем я себе представлял, однако самое интересное происходит исключительно в её центре, что для поездок из Твери в Москву нужна куча денег, что мой уже год просроченный студенческий билет всё ещё даёт мне скидку в Третьяковской галерее и, наконец, что в центре Москвы никто не живёт, но все там постоянно находятся.

Познакомились мы совершенно обычно – в интернете, в один из скучных тёмных зимних вечеров, которые я проводил на даче под Тверью,

думая о том, что жизнь на даче зимой напоминает ссылку. История знакомства настолько банальная, что её даже друзьям за пивом скучно будет рассказывать. В Москву к ней я приезжал четыре раза и каждый раз возвращался домой почти под утро, по пустым и холодным улицам, будто замершим в ожидании утра. Каждый такой день казался потом просто чередой ярких картинок. Мы обошли с ней кучу музеев, выставок, московских двориков, кафешек. Уже потом, проснувшись в полдень в своей комнате, я не мог вспомнить ни одной выставки, будто это случилось не со мной.

В тот вечер ноги мои омерзительно ныли после долгого похода по выставке авангардного искусства XX-го века, по которой я бродил с совершенно бараньим выражением лица и смотрел больше не на картины, а на неё, с интересом разглядывавшую каждый мазок, каждую линию. Она долго стояла перед каждой картиной, наклонив голову немного в бок так, что её каштановые волнистые волосы касались плеча, а на её белом круглом лбу появлялась маленькая, едва заметная морщинка. Один раз я даже предпринял совершенно отчаянную попытку коснуться её руки, пока она заворожённо рассматривала «Смерть комиссара», но Настя отдёрнула руку, как человек, прикоснувшийся к раскалённому чайнику, и с тёплой улыбкой посмотрела на меня, будто я сделал какую-то очень забавную и глупую вещь. Потом был парк Музеон и статуя красноармейца в будёновке, который с мрачной решимостью смотрел на несбыточное будущее. Был московский уличный шум, от которого я предложил спрятаться в кафе и довольно скоро об это пожалел.

- Чего? – спросила она, неловко улыбнувшись, и я увидел в её глазах отражение приглушённого света люстр, висевших в зале.

- Ничего, - ответил я и опустил взгляд на свои сложенные в замок руки, тяжело лежавшие на тёмной поверхности стола.

- Просто ты так смотришь… - она отвернулась и посмотрела на оживлённую улицу за окном.

Я бросил быстрый взгляд на её белую тонкую шею, прикрытую воротником серой мягкой кофточки, и на поднятый маленький аккуратный нос, затем снова упёр взгляд в стол.

- Смотрю… - прошептал я, чувствуя, как на меня снова наползает мягкий, как взбитая подушка, запах её духов.

- Ты был в Питере? – спросила она, продолжая смотреть на шумящий за окном московский вечер.

- Нет, не был…

Она взглянула на меня округлённо-удивлёнными глазками.

- Правда?

- Правда, какой смысл мне врать?

- А я была, - она мечтательно улыбнулась и начала быстро и оживлённо говорить, как всегда говорила о чём-то очень её интересующем, -

год назад с родителями, были в Петропавловской крепости, мы там были в музее керамики. Подумать только, там раньше людей казнили, а теперь музей керамики. А ещё мы были в Петергофе, на набережной Невы, в Эрмитаже, в Зимнем дворце, - она говорила всё быстрее и быстрее, немного задыхаясь и иногда останавливаясь, чтобы подобрать слова. - Там, знаешь, красиво так. Какая-то особенная атмосфера, не как в Москве. Я, если честно, не люблю Москву…

Она всё говорила и говорила, и было трудно уловить её скачущую лёгкую мысль. В тот момент мне было наплевать и на Петропавловскую крепость, и на повешенных декабристов, и на Сенатскую площадь, но я сосредоточенно смотрел на то, как её красные губы быстро двигаются и как из-за них иногда выглядывает ровный и крепкий ряд белых зубов.

- Я тоже терпеть Москву не могу, - признался я, желая хоть как-то показать, что я участвую в разговоре.

Москву я действительно терпеть не мог, а особенно её центр со всеми этими хипстерами на самокатах, дорогущими ценниками и отвратительными московскими обывателями, похожими на римских патрициев эпохи заката. Я не любил Москву ещё и из-за тяжеловесных зданий, которые обступали меня со всех сторон и из-за постоянного шума улиц, чередовавшегося с пыльной тишиной музеев, потому что всё это мешало мне сказать ей нечто важное. Рассказав про белые ночи, Настя выдохлась и заговорила чуть медленней.

- Странный ты, - она посмотрела на меня и снова улыбнулась. – А выставка понравилась?

- Какая именно?

- Последняя, которая с авангардистами.

--Понравилась, очень любопытная.

- А что больше всего запомнилось? – не отставала она.

- «Смерть комиссара», - я назвал первую пришедшую на ум картину.

- Хм… - она задумчиво посмотрела куда-то в сторону. – Я почему-то так и думала. А мне больше всего работы Гончаровой понравились, и Петров-Водкин, конечно, фантастический. А вообще там всё фантастическое. Я давно уже хотела увидеть «Полёт над городом» Шагала, но никак не выходило. А правда, что всем девушкам нравится Шагал?

- Не знаю, - усмехнулся я, - мне-то откуда знать?

- Ну, - она пригладила немного растрепавшиеся волосы, - ты же должен знать, наверное, много общаешься с девушками, - она сделала заметное ударение на слове «наверное». – А вообще, я очень хочу переехать в Питер. Представляешь, я буду ходить по тем же улицам, по каким ходил Пушкин, Достоевский, Блок, Ахматова… Я бы так хотела квартиру в старом доме с высоким потолком, а то мне уже осточертели хрущёвки. Вот сейчас сдам ЕГЭ и поступлю в СПбГУ на искусствоведа… - она мечта-

тельно прикрыла глаза, потом снова затараторила. – Я прямо очень хочу, знаешь, с умным видом рассказывать посетителям Эрмитажа о картинах и художниках, как та тётка, которая за собой группу водила сегодня. Мне кажется, что у меня бы получилось…

Я взял со стола лежавшее рядом меню, пытаясь занять свои глаза хоть чем-то, кроме разглядывания Насти.

- А что ты заказала? – спросил я.

- Ты же слышал…

- Я как-то прослушал.

- Пасту «четыре сыра» и кофе, - она замолчала и отвернулась к окну.

Я же принялся искать эти блюда в меню и в какой-то момент обнаружил, что весь заказ обойдётся мне в тысячу с лишним.

- Слушай, я кое-что сказать хотел… - начал было я, но почувствовал, что силы мои иссякли где-то на слове «сказать».

- Подождите немного, ваш заказ задерживается, - пропищала у меня над ухом официантка и зацокала обратно к стойке.

«Вот какого чёрта ты влезла!» - подумал я.

Настя повернулась и внимательно посмотрела на меня, будто давно не видела.

- Я знаю, - сказала она и улыбнулась одной из многочисленных разновидностей своей улыбки.

- Знаешь?

- Да, знаю, - она на секунду замолчала. – И говорю «нет».

Я почувствовал, что жизнь крепко врезала мне по морде.

- Нет? – переспросил я.

- Нет.

- Почему?

- Потому что ты себя ведёшь как сумасшедший, бегаешь за мной как собачонка, - на секунду её тёплый нежный взгляд стал каким-то жестоким, холодным. – Меня это пугает…

- Да почему же?!

- Да что ты заладил «почему-почему»! Не могу и всё тут! – она резко отвернулась, будто захлопнув передо мной дверь.

Я увидел, как краюшек её ярко-красных губ задёргался. Не помню, сколько длилась немая сцена, но она была прервана официанткой, принесшей заказ.

- Ваш заказ.

- Спасибо, - ответила Настя и поднесла к губам чашку кофе.

Я некоторое время молчал. Казалось, что все мои мысли рассосались, растворились, и не было теперь ничего, кроме сидевшей передо мной Насти, державшей в своих руках чашку кофе, на которой остался красноватый отпечаток её помады. Я смотрел на это маленькое красное пятныш-

ко на белой эмали кружки и пытался собрать разбросанные мысли во что-то единое. В такие моменты обычно пытаешься придумать, что сказать и как, но мозг мой совершенно не мог уцепиться ни за одну мысль, поэтому и мой внутренний монолог выглядел так, будто я читал его с разорванного листа, кусочки которого были перемешаны в случайном порядке.

- Чего молчишь? – спросила она.

--Да что тут, в общем-то, говорить…

- Закажи что-нибудь.

- Не хочу.

- Дело твоё, - ответила она, и мы опять погрузились в напряжённое молчание.

Я посмотрел на тарелку пасты, и меня вдруг жутко разозлило то, что нам впарили обычные макароны под видом «пасты». Однако я промолчал.

- Нам стоит остаться друзьями, - сказала она.

В висках тяжело стучало. Казалось, что всё наполнение моей жизни, созданное за последние пару месяцев, рассыпалось, стало горой бессмысленного ржавого хлама, от которого не можешь избавиться из-за сентиментальности.

Я посмотрел на Москву за окном, на горящую букву «М» над Октябрьской, пытаясь сосредоточиться хоть на чём-то, чтобы не смотреть на Настю, равнодушно ковырявшую вилкой в тарелке. До этого я часто водил её в рестораны и заметил, что она всегда ела так, будто делала кому-то одолжение.

- Ну, чего ты так затих? – она опять посмотрела на меня.

- Да я ничего… Ничего…

- Нет, ну правда! – она усмехнулась. – Устраиваешь какую-то трагедию! Тоже мне юный Вертер!

Я опять ничего не ответил: в этом не было смысла. Посмотрел на своё угрюмое, с тёмными впадинами глаз, лицо, отражавшееся в стекле широкого окна, и почувствовал мерзкую и унизительную жалость к себе.

- Ну, ты чего? – опять спросила она.

- Ничего! – проглотив ком в горле, огрызнулся я.

- Не кричи, всё равно не поможет… - она опять посмотрела на вечернюю Москву, сверкающую множеством огней. – А времени сколько?

Я вздохнул и полез в карман за телефоном, чувствуя, что моя рука никак не может попасть в карман. Движения мои были какими-то странными, пустыми и призрачными, будто я был в невесомости.

- Полдевятого, - наконец вытащив из кармана телефон, сказал я.

- Так, надо быстрее доедать и расходиться, - она начала торопливо тыкать вилкой макароны.

Из-за моей спины, щёлкая каблуками, вышла официантка и со свойственным почти всем официанткам выжидающим выражением лица по-

смотрела на меня. Я посмотрел на неё, думая о том, что она меня жутко раздражает, и пытаясь понять, зачем она опять припёрлась.

- Ты платить будешь? – с обычной своей усмешкой спросила Настя.

Я вытащил из кармана кошелёк, цеплявшийся своей боковой застёжкой за подкладку кармана, вытянул из него две мятые бумажки и протянул их официантке.

- В конверт положи, - прошептала Настя.

Я вырвал из рук официантки конверт, засунул в него деньги и вернул обратно. Она наконец ушла, оставив меня один на один с моей гильотиной. Мы быстро оделись, я помог ей надеть светло-серое пальто с маленьким масляным пятнышком на рукаве, которое Настя почему-то не замечала, и мы вышли на улицу.

Каким-то образом мы с ней переместились в зал Октябрьской. Кругом стоял постоянный гул метро, мимо проносились вагоны, ослепляя меня светом фонарей и испытывая прочность моих барабанных перепонок длинным железным скрежетом. Мы подошли к платформе.

- Ты прости, что так вышло, - сказала она, посмотрев на меня лёгким и немного виноватым взглядом.

- Да ничего, - ответил я, глядя на сверкающие, как лезвия, рельсы. – Всякое бывает.

- Да… - её голос утонул в вое пролетевшего мимо вагона.

- Чего?! – переспросил я.

- Говорю: в жизни всякое бывает!

- Ну да, бывает…

- Ты на Комсомольскую, а я на Белорусскую, - она улыбнулась и чуть коснулась рукой рукава моего пальто. – До свидания!

Она развернулась и пошла к платформе. Я ещё примерно полминуты смотрел на то, как она выжидающе всматривается в тоннельную темноту, вытянув свою тонкую белую шею. Затем тоннель осветило белым, и вновь завизжали вагоны. Я стоял и с угрюмой отрешённостью наблюдал, как двери вагона метро отрезали какую-то жизненно-необходимую часть моей души, без которой я теперь стану душевным калекой. На секунду в самой глубине меня забилось желание броситься к вагону, побежать за ним через мрак тоннеля, ухватиться за какой-нибудь выступ на железном его теле и не отпускать. Однако желание это пропало в тот момент, когда вагон метро унёс её во мрак. Всё вокруг выцвело. Я, шатаясь, добрался до лавочки и уселся на неё, потерянно всматриваясь в потёртую за много лет каменною плитку.

Вскоре к платформе подъехали вагоны, и я погрузился в их духоту, пропахшую едим потом забегавшихся усталых москвичей и таких же уставших туристов, приехавших в Москву с глупой и удивлённой улыб-

кой, которая под вечер совершенно сползала с лица, будто прошёл её срок годности.

Вскоре я без особых мыслительных усилий доехал до Комсомольской, выбрался на автопилоте из подземелья, повинуясь людскому потоку, вышел к Ленинградскому вокзалу, потом касса, билет до Твери. Пока я шёл к платформе, взгляд мой ухватился за вывеску шаурмечной. До поезда оставался час, и я решил не торчать на улице. Я зашёл, меня обдало запахом чего-то горелого и пива. Внутри было шумно. «Вот она – Москва кабацкая!» --подумал я и блекло улыбнулся.

Пошатываясь, я подошёл к стойке, за которой стоял немолодой и очень толстый армянин в фартуке, покрытом масляными пятнами разных оттенков.

- Пива.

- Какого.

- Того, которое подешевле, - я бросил на стойку мятую купюру.

Через минуту я уже сидел за столом и хлебал тоскливую горькую жидкость, от которой пахло затхлостью и дрожжами. Недалеко от меня сидела пьяная компашка. Они что-то активно обсуждали, рассказывали похабные анекдоты, а один из них взял гитару и хрипло запел, подражая Высоцкому.

Когда я допивал первый стакан, он пел «Дом хрустальный», когда я начал второй – он запел «Она была в Париже». Когда я выпил третий стакан, мне уже было плевать и на дом хрустальный, и на того, кто раньше с нею был, и даже на чужую колею. Я поднялся, с большим трудом вышел из-за стола, расправил складки замызганного Москвой пальто и с пьяной целеустремлённостью направился к выходу.

Была уже поздняя и прохладная весенняя ночь, пахнущая талым снегом. Сквозь туман своего опьянения я добрался до нужной платформы, залез в вагон, лёг на сиденье и позволил опьяневшему мозгу потонуть в алкогольном сне, в котором перемешалось всё случившееся и не случившееся со мной за этот вечер. Мимо проносился и табун красных коней, скакавших куда-то в сторону будущего, и умирающий комиссар в нелепом кожаном плаще, и лицо официантки, с настойчивой молчаливостью требовавшей оплаты заказа, и красная, как рубиновая звезда, буква «М», и надутое пузо армянина в пятнистом фартуке, и лица пассажиров метро с их упёртыми в экраны телефонов взглядами, и Настина тонкая морщинка на белом лбу, и красное пятнышко помады на кружке, и холодный свет уличных фонарей.

Никита БЫКОВ
Член Студии литературного мастерства «Вербалис»

Я не могу привести в порядок бурю

Я открыл глаза на глубине, измеряемой километрами. Создавалось такое впечатление, будто много веков назад, здесь находилось огромное озеро. На защитном стекле моего шлема виднелась небольшая трещинка. Не то чтобы это казалось мне проблемой. Сейчас меня больше волновало только два вопроса, а именно: «Где я?» и «Как я сюда попал?». Проблемой так же являлась невозможность, по моим спешным расчетам, выбраться отсюда. На стенах не было видно ни выступов, ни выбоин. Да и выбраться куда? Вопросов стало только больше.

Приподнявшись и не встретив своим телом никакого сопротивления, я сделал вывод, что нахожусь не под водой. Но пытаться стянуть с себя шлем, плотно прилегающей к костюму неизвестного назначения, я не рискнул. Размяв, как мог, затёкшие конечности (судя по всему, пролежал я тут, не двигаясь и никак не меняя положения, не один час), я попытался успокоить своё бешено колотившееся сердце и судорожное дыхание, собраться с мыслями и решить, что делать дальше. Вариантов у меня было немного: вдалеке виднелся тусклый огонёк, и я направился к нему.

Расстояние, показавшееся мне поначалу довольно значительным, я преодолел всего за пару шагов.

Передо мной на массивной серой глыбе сидела маленькая девочка, облачённая в белую распахнутую зимнюю куртку и потертые светло-серые джинсы. Обуви на ней не было. Она смотрела вверх. Я медленно поднял голову и посмотрел туда, где должно было находиться небо. Но ничего не увидел. Даже меньше, чем ничего – ни облаков, ни звезд, ни шлейфов от пролетающих самолетов – просто круг давящей пустоты.

Серые глаза девочки блеснули, как два сигнальных огонька у спутника. Она посмотрела на меня и нахмурилась.

– Я не могу привести в порядок бурю! – крикнула она.

– Кто ты? – голос мой звучал очень глухо и неуверенно, и я засомневался, слышит ли она меня сквозь толстое стекло.

Она поднялась на ноги и, немного пошатнувшись, сказала:

– С того момента, как ты впервые глотнул воздуха, я всегда была с тобой: куда ты… – она сделала небольшую паузу и закончила, немного повысив голос, – …туда и я!

– Понятно – неуверенно протянул я. – Но зачем я здесь, и… где это, здесь?

Девочка только ещё сильнее нахмурилась и спрыгнула, оказавшись в нескольких метрах от меня.

– Ты там, куда сам себя привёл! – крикнула она, а затем проговорила во весь голос и на распев, как будто заученный заранее и много раз отрепетированный стишок:

Прыгая задом наперёд,
Напевая куда-то вдаль,
Рисунки и их двери
Впускают истории в себя.

Она ходила вокруг меня, махая пальцем в разные стороны, пытаясь поймать ритм, но получалось у неё это плохо. Да и у меня поймать его не вышло. Вряд ли тут вообще был ритм.

По ковру да по столу
Тропинки бегут домой,
Коптя мясные окна,
Гремя посудой.
Ладони в волосах,
в траве по пояс.
В стакане водомерка
покоряет море.

Закончив, это маленькое представление, она хлопнула в ладоши и остановилась в шаге от меня.

– Ну? – Она наклонила голову набок.

– То, что я сейчас услышал, как-то должно пролить свет на то, «где» и «как» я?

– Скорее, на то «куда» и «зачем», – попыталась изобразить улыбку она и хлопнула в ладоши ещё раз, после чего у меня на мгновение помутнело в глазах.

Я увидел старичка, будто слепленного из дыма. Он стоял, укутанный в плед, уставившись на огромную собаку размером много крупнее самого здорового сенбернара. Старичок не знал, что сейчас произойдёт, как и не знал, что ему делать. Это сон или, возможно, видение? Собака закрыла глаза и вытянула вперёд мускулистую руку, точно человеческую. Она разжала кулак, и я увидел в нём кокон…

Девочка всё ещё стояла на прежнем месте и внимательно смотрела на меня. Я не знал, видит ли она моё лицо, скрытое толстым стеклом, но если бы видела, то различила бы на нём застывший страх.

Биение прихлынувшей к ушам крови и оглушительный стук сердца, как после длительной пробежки, вывели меня из себя. Я закричал:

– Чего ты от меня хочешь?!

Она взяла меня за руку, и мне стало немного спокойнее.

Шептала незримая Луна голосом, точно голос матери всех:

Свет разглаживает изгибы тела –
Самое время.

Страх вынашивается вдали от тени –
Самое время.

– Я не могу привести в порядок бурю, но могу помочь тебе выбраться, – сказала девочка и дотронулась пальчиком до трещинки на стекле шлема. Стекло стало походить на лопающуюся скорлупку, пока целиком не покрылось тоненькими нитями, делящими его на тысячу крохотных кусочков. Послышался хруст, и осколки разлетелись, устремившись в разные стороны, будто шлем разорвало изнутри, и наружу вылетела маленькая желтокрылая бабочка. Она, ловко взмахивая крылышками, устремилась прочь со дна этого «высохшего озера» и, выпорхнув наружу, присела на вытянутый вперёд указательный палец девочки, поджидавшей её у самого края. Девочка посмотрела на неё и улыбнулась. Вокруг них вспыхивали и угасали звёзды.

Полина ГРОМОВА
Член Правления Союза писателей России,
доцент кафедры филологических основ издательского дела
и литературного творчества ТвГУ
Руководитель студии литературного мастерства «Вербалис»

Математика

«Помните Таню Соколову из 9-б? Ее с нами больше нет».

Ирина Витальевна смотрела на пару строчек, в которые в коем-то веке уложила сообщение Сабина, школьный педагог-организатор, обычно очень многословная молодая женщина. Отчество у нее было Ивановна. Сабина Ивановна – да кто так вообще детей называет? Вырастет потом… «Черт знает что», - подумала Ирина Витальевна. Ни «Добрый вечер», ни «Я должна Вам кое-что сообщить», а сразу такое: «Помните Таню?..» Да что было ее помнить-то! Таня Соколова училась в девятом «Б», Ирина Витальевна вела у них с пятого – сначала математику, потом алгебру и геометрию. Таня была худенькой и белокурой, училась средне, хотя явно старалась, не сплетничала, была доброй и отзывчивой. Может, ей не хватало силы характера, какой-то изюминки, но ей, казалось, вовсе и не нужно было это. На прошлое Первое сентября она принесла Ирине Витальевне букет астр с дачи – крупных, крепких, с толстыми стеблями. Не розы, зато от чистого сердца…

Ирина Витальевна ощутила, как раздражение, вызванное сообщением коллеги – этим бесцеремонным вторжением в уют и спокойствие новогодних каникул, в негу последних дней перед началом новой четверти – сменяется досадой и печалью. Сабина Ивановна не любила девочек вроде Тани. Она вообще не любила девочек, предпочитала, чтобы в спортивной и

культурно-творческой жизни школы участвовало как можно больше мальчишек. А если среди них все-таки удавалось затесаться девочке, то она должна была быть выдающейся – петь, танцевать, заниматься художественной гимнастикой или плаванием, уметь рисовать плакаты или, как минимум, писать стихи. Таня ничего из этого не умела. Она просто училась, и все. Но это же не повод говорить о ней так… между делом!

Ирине Витальевне стало обидно за Таню. Как и в любой школе, она и ее коллеги частенько обсуждали учеников, и хорошо, что те не слышали, что говорится о некоторых. Учителя могут быть жестоки если не на деле, то на словах, потому что отдают своей работе всегда больше, чем получают взамен. Ничто этого не изменит. Одних это не задевает, других делает грубыми и равнодушными, а третьих озлобляет настолько, что лучше б им сменить работу. Но одно дело – говорить об учениках, которые, пока учителя в свои священные десять-пятнадцать минут между уроками, словно в бункере, отсиживаются в учительской (кто-то пьет кофе, кто-то торопливо курит у приоткрытой форточки, поминутно оглядываясь на дверь, не войдет ли директор, кто-то сидит на диванчике, листает просроченный каталог косметики), носятся по коридорам со счастливыми бессмысленными криками, пинают стены, толкают друг дружку, шепчутся в туалете и томятся в очереди в столовой, - о живых и здоровых ребятах. И совсем другое…

«Ее с нами больше нет».

Ирина Витальевна смотрела на неуловимо мерцающий экран с простыми и оттого еще более страшными словами. Наконец она написала в ответ:

«А что произошло?»

Реплика, достойная предыдущей.

Произойти могло что угодно: болезнь, несчастный случай… Какая разница? Была девочка, ходила в школу, делала домашние задания и писала контрольные, болтала с подружками на переменах – и все. Больше нет. Ничего нет. И не будет.

Ирина Витальевна закрыла глаза, потерла ладонями лоб. У нее начинала болеть голова. Почему она так распереживалась? Всякое в жизни бывает. Ну, кто ей эта Таня? Не дочь, не племянница, даже не соседка. В сущности, Ирина Витальевна не обращала на нее внимания все эти годы: учится и учится, с другими детьми хлопот хватает. А вот сейчас почему-то разнервничалась, расстроилась. И голова в самом деле разболелась – хоть таблетку пей. И ведь Ирина Витальевна уже далеко не девочка, ей нужно беречь себя, особенно нервы. Сколько ей?..

Сорок три.

Своих детей нет, замужем никогда не была. Живет со старенькой матерью, ради которой, наверное, и живет, потому что больше не ради кого.

Работу любит, но не так чтоб уж очень. Хочет ли чего-нибудь от жизни? Нет, пожалуй. Нет.

Словно в клепсидре, которую перевернули, чувство жалости к чужой девочке переливалось в чувство жалости к себе. Ну, что у нее есть? Жилье, работа. Мать, которая хоть и смирилась с одиночеством дочери, несчастна, потому что одинока сама – без большой семьи, без внуков, в этой маленькой и очень тихой квартире. Разошлись по комнатам – и будто нет никого.

Ну, сколько еще она проживет? Лет тридцать? Если здоровье позволит, то да. Может, и чуть больше. Если бы можно было взять из них десять, нет, лучше двадцать лет и отдать вот этой девочке Тане! Пусть вырастет, найдет хорошего парня, который будет ее любить, заведет с ним деток на радость родителям. Она их, конечно, не разочарует. Она хорошая девочка. Такой жить и жить на свете. Двадцать лет для нее совсем не жалко. Что-то екнуло у Ирины Витальевны в груди, и она отчетливо и в то же время как-то отстраненно поняла, что да – если бы у нее была возможность отдать этой девочке свои двадцать лет, она бы это сделала. Но ведь уже ничего не изменишь…

Короткий сигнал оповещения заставил задумавшуюся учительницу вздрогнуть. Пришло новое сообщение от Сабины. Кстати, фамилия у нее была Цыбулько. Сабина Ивановна Цыбулько – да как так вышло-то вообще?..

«Ничего не случилось! У нее же отец военный, его в другую часть перевели. Они переехали».

Несколько мгновений Ирина Витальевна смотрела на монитор, а потом аж засопела от злости и воскликнула:

- Дура! Вот же дура, а!..

Из соседней комнаты торопливо пришаркала встревоженная мать.

- Ты чего, Ирочка? Чего ты? Случилось что?

Ирина Витальевна уже успокоилась. Все-таки учителя умеют быстро брать себя в руки. Это профессиональное.

- Да ничего, мам. Коллега одна глупость в интернете написала. Ничего страшного.

Ей было неловко, что она так переволновалась из-за какого-то пустяка и в ее голову пришло столько нелепых мыслей. И в то же время она ощутила облегчение. Скорее всего, Сабина вовсе не хотела сыграть с ней такую злую шутку, всему виной ее собственная мнительность. Да и какое значение имеет это теперь, когда все прояснилось и можно вернуться к спокойному наслаждению последними днями перед новой учебной четвертью? Никакого, ровным счетом никакого…

Ирина Витальевна умерла в конце апреля от затяжной пневмонии, всего на десять дней пережив свою мать.

Наталья ЖИГУНОВА
Студентка специальности «Литературное творчество»

* * *

Как будто бы что-то ломалось во мне…
Я пятился боком и жался к стене,
Хватался рукой за перила.
А жизнь, учредив из прохожих конвой,
Старалась покой проповедовать свой
И снегом последним сорила.

Он падал, как искры, как брызги чернил,
Но снова и снова себя я чинил.
Людей переделать желая,
Писал и писал, только, твёрдость храня,
Сумели они переделать меня.
И выцвела площадь жилая.

И город, ещё не обжитый зимой,
Холодным казался природе самой.
И были предметы капризны,
Как будто не знали о кознях зимы,
От нас, не сумевших ответить, кто мы,
Наследуя признаки жизни.

* * *

Дом отражает и тьму, и свет.
Дом собирает память.
Если перила – его скелет,
Где-то душа должна быть.

Дом – это, в сущности, организм.
Людям, как ноткам пульса,
Нужно поддерживать в доме жизнь,
Чтоб он не задохнулся.

Чувствуя шорох сухих калош,
Прикосновенье снега,
Думает: «Вряд ли убережёшь
Мебель от человека.

Ибо, меж стен поселясь нагих,
Угол не дав опрощить,
Люди враждуют, и поле их
Битвы – жилая площадь.

Люди приникли к моим глазам,
Люди разлили речь, и
Я начинаю зачем-то сам
Думать по-человечьи.

Правда, во мглу чердака ступив,
Люди убрались там, а
Сколько их было у замка Иф
Или у Нотр-Дама?

Кто переступит через порог,
Встанет за занавески?
В каждом когда-нибудь жил Ван Гог,
Моцарт и Достоевский».

Дом не подслушивает жильцов,
Чтобы не быть ведомым.
Сложно сегодня, в конце концов,
Жить, оставаясь домом.

* * *

Когда заглянула в глаза эпоха,
Я понял, что выдох труднее вдоха,
Что письма не требуют адресата,
А дерево звонче и выше сада,

Что в доме и даже у стен собора
Перила - единственная опора,
Что можно рассыпаться, в пыль стереться,
Останется только скелет и сердце.

Я понял, что ум формирует пресса,
Что мебель - изящная форма леса,
Что горе у жизни лежит в основе
И мысль моя погибает в слове.

Но нужно пробраться к открытой двери,
Остаться не в здравом уме, а в вере.
Для тех, чья проиграна эстафета,
Вся жизнь – бессознательный поиск света.

* * *

Молчанье — это истин сплав,
И долг, и праведность, и мука.
А вдруг, впервые замолчав,
Мы наконец поймём друг друга.

* * *

Посвящается В. И. Львову

Ни похвал, ни признаний не надо
Тем, чьи души зовут: "Не дремли!"
Каждый встанет, наверно, когда-то
Васильком из горячей земли.

Пусть вдогонку летит за годами
Чей-то голос, пронзив синеву.
А погост зарастает цветами,
Словно небо спустилось в траву.

Всё проходит, и ласковый ветер
Опустевшие будит леса.
Чей-то взгляд так же дорог и светел,
Только в душу глядит, не в глаза.

Пусть на слёзы наложено вето,
Пусть и строчки, как память, горьки.
А посмотришь: кругом без просвета
Васильки, васильки, васильки...

Ожил сапсан, или в шуме напористом
Я различила его интонации,
Только внутри что-то жжёт, и за поездом
Тянется сумрак, сбегая со станции.

В сердце моём, в разорённой обители,
Стали слова на осколки похожими.
Разве не здесь мы друг друга увидели?
Господи, что же мы делаем, что же мы…

Поезд смеётся огнями недобрыми,
Окна, и окна, и окна, ну где же ты…
Только дорога железная рёбрами
Грозно мерцает средь гула и скрежета.

Хрипом колёса заходятся в роздыми,
Дождь обгоняет вагонов скольжение…
Тихо. И небо усыпано звёздами,
Воссоздавая твоё отражение.

Комната

Снова двери, замками клацая,
Предрекают сидящим мглу.
Нам бы только не просыпаться, я
Вижу: каждый в своём углу,

Каждый просит себе спасения
От промашек, потерь, седин.
Изменить свою точку зрения,
Сделав в сторону шаг один,

Точно можно. Но только надо ли?
Рай наш – кофе, кино, кровать.
Дорогое давно попрятали
Так, что лучше не доставать.

Спросят нас о минувшем: «Помните?»
Скажем: «Помним»; не в этом суть.
Пусть от мира закрылись в комнате,
Но попробуй о нём забудь:

Что-то в окна стучит напористо,
Что-то тянет упрямо вниз.
Все мы тут. От страны, от возраста
Независимо. Оглянись.

Все мы, взгляда стыдясь сиротского,
Свой отводим, но ты смотри:
Ад за дверью стоял у Бродского,
А теперь он вот здесь, внутри.

Нет, не смейся, слепых пророчеств во
Фразах больше не ищут. Что ж,
Непроглядное одиночество.
Ты же тоже чего-то ждёшь

В этой комнате днями целыми.
Спят Голгофа, Эльбрус, Парнас…
Есть ли свет за её пределами?
Если есть, разбудите нас.

* * *

Пусть упрямо твердят, как живётся сегодня плохо, те,
Кто глаза свои щурит от мертвенной белизны.
Мы, рождаясь, кричали вполголоса, бились в хохоте,
Мы последние дети, которые видят сны.

Вся планета теперь на десятки частей расколота,
И цветут васильки вдоль обугленных серых ям.
Мы любую страну, даже имя любого города
Узнаём не из книг, а по вспыхнувшим там боям.

Реже в окна смотреть и без повода плакать стали мы,
Будто жизни прошла не десятая часть, а треть.
Пусть посмертно солдат награждают порой медалями,
Только нам никогда не вручают медаль за смерть.

Мы уходим тайком, вы не слышать о нас не в праве, и
Даже хрупкого мира в безмолвии лишены,
Все мы – небо Каира, Донбасса и Югославии,
Каждый час и мгновение каждое тишины.

Мы теряем родных от автобуса до автобуса.
Небольшие мечты испарились годам к шести:
Легче было бы вам в девять лет долететь до космоса,
Посадить самолёт, чем нам всё-таки подрасти.

Снова, уши закрыв, мы плутаем в домах, как в чаще, и
Ищем тех, кто спасёт от озноба и свиста пуль.
Все мы – дети войны, все мы – завтра непреходящее
И под гулом ракет в бесконечный спешим июль.

Ната ИВАНОВА
Выпускница магистратуры по направлению «Издательское дело»
(программа «Редакционная подготовка изданий»)
Член Студии литературного мастерства «Вербалис»

* * *

Я – эхо рожка на охоте,
Я – отзвук балетных шагов,
Как легкая тень на излете
И вздох от разбитых оков.

Прерывистый сон на рассвете,
Виденье в горячем бреду.
Мой голос сливается с ветром,
В чьих красках тону и творю.

Я – отблеск далекого моря,
Последний костер маяка
И сладкая толика боли,
Без которой не станет тебя.

* * *

Верны ли мысли, что счастье заслуженно?
Беги и дерись за звёзды над лужами,
И в сердце своё вновь допускать стужу
Не смей! Не её черед.

Слепа ли мысль, как ценно доверие?
Сорви все замки и распахни двери,
В запасе есть четырёхлистный клевер
И силы на шаг вперёд.

То живое чувство - что скрывает "мы"?
Как легко в мягкий снег упасть с высоты,
Видеть возможные вихри времени.
Кто чужой – их не поймёт.

Знакомые мысли – а глаза напротив.
Всё не своё постепенно уходит,
Больше не слышу эмоций-пародий.
Лишь крошится внутри лёд.

Анастасия ИЛЬИНЫХ
Выпускница специальности «Литературное творчество»,
Аспирантка кафедры филологических основ издательского дела
и литературного творчества

* * *

Живущие вместе люди порой меняются тенями
без прелюдий и обещаний,
пряча обиды в трещинах на посуде
и мысленно завещая друг другу
углы и ночные шорохи.
В глубине за веками-шорами спят океаны
Огрубевшей в заботах тоски по дому,
Где никто не посмотрит, что у тебя в кармане:
куколка насекомого или манна
небесная. Главное, выжил и вопреки всему
остаешься честным перед самим собой
и своей невестой — бездной размером с игольное
ушко, не склонной к пустым разговорам.
А когда безнаказанным вором смерть прокрадется,
прикрывая провал лица, в проем закрытых дверей,
Тень твоего друга, брата или отца
уйдет вместо твоей.

* * *

Маленький мальчик у пасти голодной форточки
Выделяется темной черточкой на фоне синего неба
И бросает крошки черствого хлеба на головы сонным прохожим
С исписанной ветром кожей. Их спины горбаты,
но души без меры широки.
И чтобы они никогда не были одиноки,
Сыплются сверху крошки мальчиком из окошка —
И слышится шелест крыльев прожорливых голубей.

* * *

Тоска – часовой механизм
в мире,
где времени
больше нет.

* * *

Чувства робкой нежностью отточены,
Грубых оболочек лишены.
В каждой фразе — призрак многоточия,
В каждом сердце — омут тишины.
Выживать в бою смертельно раненным
И молчать до полной хрипоты
Учит перед самовозгоранием
Эрос, обрывающий цветы.

* * *

К закату день,
Последний отблеск солнца
Играет на янтарных волосах.
Усни и не мечтай.
В краю, где гасят сны, пустуют города,
Все самые прекрасные цветы,
Что Алконост уносит
В когтях своих,
Увянут без борьбы,
Не ощутив дыханья ветра,
И только сладкая пыльца
Останется на перьях.

* * *

Тяжелые сны рождаются в месте,
где даже половицы стонут под гнетом вины
и потолок вместе с полом сходятся в одной точке и тонут
в омуте бесконечных строчек.
Тень на стене — перевернутый сдутый шар, —
тихо шурша, проникает внутрь через глаза
вопреки всем «против» и «за», «вместо» и «для»,
где-то между благостью и грехом —
громоподобным «Ом» и «Была не была» —
без остатка тепла, качаясь, висит петля.
Человек едва слышно дышит и понимает сам,
что только ребенком, гуляя по крышам
и по лесам собирая вешенки,
он не был повешенным.

К портрету мечтателя

Это было не со мной.
На фотографиях, подписанных моим именем,
Не мое лицо
Сколько слов было произнесено!
Не мной.

На ладонях узоры ведут по спирали
Главных героев
К развязке.
В финале их ждет обрыв.
Они трижды умирали и трижды вставали
С колен.
Теперь их история внесена в анналы.
Окаменела.
Застыла.
История, превращённая в скалы.
Мой корабль несется прямо
На них.

* * *

Снаружи под мелким дождем фонари сутулятся,
Рвется в тепло заблудившийся норд-норд-вест.
Я выхожу топтать лицо опустевшей улицы,
Сломавшись в десятке жизненно важных мест.
Можно навеки остаться таким бесформенным,
Словно на солнце подтаявший пластилин.
Жизнь отмерять не годами, а светофорами
Вне совершенств олимпийских высот и длин.
В городе тихо. Крадутся дорог проплешины
Там, где пропащий всегда хохотать готов
И чьи-то мечты бесстыже были развешаны
На оголенных телах рекламных щитов.
День наступивший с размаху бьет в переносицу.
Пока пассажиры шумно садятся в ряд
И за окном маленький мир проносится,
Все поезда на вокзале пустом стоят.
В купе человек, безмятежно дремлющий,
Слушает новую повесть, полную старой лжи.
И я, вопреки железобетонной немощи,
Вновь выбираю жизнь.

* * *

Как в кино сидим и смотрим на экран,
Выдыхая с кашлем едкий, горький дым.
Полуполон, полупуст в руке стакан —
Хорошо быть вечно молодым.

Размалёванные дети в зеркалах
Строят рожицы антрактной пустоте.
Свет потух, мы возвращаемся впотьмах,
Скинув кожу, в первозданной наготе.

Сквозь из радуги отлитые очки
Чёрно-белый мир нам кажется цветным.
И реальность разрывает на клочки.
Хорошо быть вечно молодым.

Валерия КАЛАШНИКОВА
Студентка специальности «Литературное творчество»

Житьё

А в деревне жизнь теплится.

Широкие поля и крохотные домики, нагроможденные друг на друга так, будто бы им не хватает места и они изо всех сил пытаются плотнее набиться в замкнутом пространстве, страшась выйти за его пределы. Наверное, так они чувствуют себя в безопасности. Из деревьев – тополя да яблони, которые бережно укрывают улочки своими ветвями, стараясь уберечь это место от посторонней суеты. Чистый воздух, за которым принято приезжать из больших городов, тихий ветер и люди…

Люди все теплые, уютные, родные, живут одной большой дружной семьёй, и каждый открыт миру и тебе.

Здесь же, среди этих людей, жил и живёт Тутуков Павел Александрович. Или, как он сам просит себя называть, Пал Саныч. Скоротал он тут все свои годы, начиная с младенчества, прошлой осенью отметил свой 63-ий год рождения (все жалея, что не успел уйти на пенсию и вынужден ещё 1,5 года трудиться на благо общества). Всю жизнь проработал кем-то вроде учителя, или тренера, или наставника, и всю эту жизнь считал свою работу тяжёлой, а себя незаменимым. Семья не сказать, что большая: жена, которая с первого дня их знакомства называет его Павлушей, взрослая дочь, зять и пара внуков. Как-то он мне сказал: «Мы с женой думали об этом, н-а, и она мне говорит, жалко, мол, что ещё одного ребенка не оставили, н-а. Сейчас бы, на старости лет, не так скучно было, н-а, а так прихо-

дишь домой, и делать особо нечего. С ребенком бы, конечно, не было такого, н-а». Это распевное «н-а», которое так любит мусолить Пал Саныч, как будто постоянно предлагая что-то, передает ту размеренность деревенской жизни, которая поглотила его и всех местных жителей и наделила такими качествами, как простодушие и наивность. Подобная жизнь наложила отпечаток и на внешность Пал Саныча: небольшой рост, большая голова, крупное смуглое овальное лицо с чуть-чуть опавшими щеками, маленькие карие глазки, которые двигаются так медленно, что создаётся впечатление, будто их хозяин всегда смотрит в одну сторону - прямо, и широкий рот, который очень часто расползается в улыбке. Нельзя сказать, что Павел Александрович несчастный человек, но и счастливым он себя бы не назвал. Обычный человек в обычном месте. И жил бы он так себе ещё много долгих добрых лет, если бы не один случай.

Два месяца назад, сидя за чашкой чая, налитого из старого Тульского самовара, который был найден в ещё более старом сарае, очищен, обмыт (во всех планах этого многозначного слова) и поставлен на стол, закреплясь на долгие годы, Пал Саныч почувствовал странные боли в правом боку. Колкие, резкие, импульсивные, и даже не в боку, а в паху, что ещё больше испугало его. Первым делом он решил излечить свой недуг народным методом, как все настоящие русские деревенские мужики, и уже через пять минут самовар заменился на бутылку, чашка на рюмку, а на доселе пустой табуретке громоздился зад местного холостяка.

За окном виднелся толстый ствол березы, торчащий посередине соседского огорода и высасывающий все питательные вещества из и так небогатой земли. Таких берёз в деревне по пальцам одной руки пересчитать: три или четыре. Летом они осыпают это место шелухой, которая вряд ли смогла бы где-то прорасти, и каждый год дороги деревни покрываются ковром из семян, взлетающих от каждого шевеления ветра, как пыль, выбиваемая хлопушкой. По другую сторону окна Пал Саныч и его сосед-тезка, крепкий, рослый мужик, с раздутым от дурного образа жизни животом, обсуждали дела насущные.

- На пенсию выйду, н-а, на рыбалку ходить буду, н-а.

- Саныч, а ты чегой-то, рыбалку, что ли, любишь?

- Да какой там. От скуки, н-а. А так сидишь, ловишь, ни о чем думать не надо, н-а.

Павел Александрович замер на несколько секунд, а потом продолжил, переключившись на недавний случай:

- Не, я с Борисычем больше на рыбалку не пойду, н-а! Мы в следующий раз так набухаемся, что точно передеремся, н-а. Не, ну прикол, да? Все карпов если ловят, то ведро, н-а. А он две штуки с рыбалки принес. Тьфу, рыболов хренов, н-а. Ещё доказывает что-то…

Вряд ли сосед что-то понял из этой бессвязной вставки, да и состояние уже не то было, чтобы мозг смог осмыслить стороннюю речь и вычленить из нее информацию, но всё-таки о поводе здешнего сбора не забыл:

- Ты, тезка, это, не дури! Иди к Валентине Михайловне. Не надо самолечения, не надо…

Валентина Михайловна хоть и была, по ее словам, «женщиной чуть за 40», но выглядела на все 60. Точного возраста ее никто не знал, сама она никогда его не называла, все отнекиваясь банальными фразами типа: «Для женщины возраст не важен» или «В душе мне всегда 18». Работала в городском доме престарелых медсестрой и иногда, по выходным, подлечивала местных доходяг. Пал Саныч, хорошенько отоспавшись ночью и взбодрившись свежим душем из огородной бочки, решил всё-таки наведаться к местному Айболиту. Дом Валентины Михайловны находился в самом центре деревни, а двор со всех сторон окружали огороды дачников, поэтому только местные жители могли пробраться к ее воротам, отыскав ту самую заветную тропинку.

- Валентина Михайловна, я к вам с проблемкой, н-а. Болит у меня вот здесь – в этот момент Павел Александрович приложил руку к сердцу, – жить страшно, н-а

- Ты мне, Саныч, голову не дури! Доложили мне уже, где у тебя там болит. Штаны снимай, осматривать буду.

- Ну так я ж и говорю, так болит, что аж сердце прихватывает, н-а.

Валентина Михайловна угрожающе посмотрела на Павла Александровича, как бы намекая, что он отнимает слишком много времени, которого у нее и так не хватает:

- Штаны так штаны… Я, знаете, что хочу сказать, н-а, вот вы сколько получаете?

- 20 тысяч…

- 20? А почему 20?

- Ну, доплачивают за нервную работу.

- У меня работа тоже нервная, н-а, но почему-то не доплачивают, н-а.

Павел Александрович завис на несколько секунд с одной штаниной в руках, но быстро оживился:

- Валентина Михайловна, а вы пьете?

- Нет.

- А вот я пью, н-а! Работа потому что нервная.

Штаны были уже сняты, а рубаха натянута по самые подмышки.

- Больной, ложитесь уже.

Валентина Михайловна начала плавными сильными движениями надавливать на разные области живота, периодически спрашивая об ощущениях пациента.

- А вы знаете, Валентина, а уже вроде как и не болит, н-а. Но вы продолжайте, н-а, у вас руки целебные.

- Ах ты плут! Специально это все придумал, чтобы в дом ко мне напроситься? То-то, я смотрю, он бегает все, хвостом виляет, понравиться пытается.

- Да какой там, я ж этого-того, женат, н-а. Валентина Михайловна, Богом клянусь, н-а, ну болело.

- А сейчас?

- А сейчас как рукой сняло, н-а.

- А ну, рукой у него там сняло, знаю я, чьими там руками сняло! Вот червяк!

Павел Александрович быстро начал натягивать штаны, параллельно заправляя в них рубаху

- Ну, ну, вот же, опять болит, н-а.

Валентина Михайловна, игнорируя его, что-то нервно писала на маленьком квадратном листочке. Протягивая его, уже спокойно, с заботой и сочувствием, ласково ухмыльнулась:

- На вот, держи. В город поедешь на УЗИ, адрес здесь. Болит у него там!

Павел Александрович нехотя взял листок и медленно, показывая недовольство всем своим видом, поднялся с койки:

- Знаете что, Валентина Михайловна? До свидания, н-а!

Вторая попытка излечиться провалилась с треском. Теперь нужно было ехать в город, а для деревенского жителя преклонных лет это приравнивалось к празднику, который случался раз в несколько недель. Это значило, что нужно доставать свой парадно-выходной костюм, начищать до блеска кожаные туфли, которые были куплены шестнадцать лет назад на базаре, и идти за билетом на автобус, потому что свой автомобиль Павел Александрович оберегал как зеницу ока и жалел для любых поездок.

Город, который является единственным местом прогресса в округе на 30 км, был хоть и небольшой, но все же уютный и солнечный. Солнечный не потому, что над ним всегда светит солнце, а потому что практически все здания в нем были жёлтого цвета или имели оттенки желтого. Этакий жёлтый город. Своих врачей в нем, конечно, не было, поэтому всем его жителям и жителям района приходилось записываться на прием в частную клинику, куда приезжали доктора из области, а порой и столицы.

К одному из таких докторов и попал Павел Александрович.

Артур Германович был врачом с огромным стажем и опытом работы, отзывы имел только положительные, специализировался на «ультразвуковой диагностике» (это Пал Саныч прочитал на двери его кабинета).

- Ну-с, проходите.

Зайдя в кабинет, Пал Саныч сперва растерялся: там сидело двое абсолютно одинаково одетых мужчин в масках, халатах, белых медицинских перчатках и домашних тапочках (Павел Александрович давно подметил, что все врачи почему-то носят тапочки, старые, потрёпанные, со странной тусклой расцветкой, которая всегда его отсылала мыслями в родную деревню).

- Давайте-с, поторопитесь, очередь ждёт.

Щупленький мужчина лет 45 протянул руку по направлению к Павлу Александровичу, требуя медицинскую карточку.

- Артур Германович, приветствую вас, н-а, у меня тут это, болит, н-а – Пал Саныч сказал это, забыв, что в кабинете помимо них находится ещё, как минимум, один человек.

- Артур Германович вот, – мужчина указал пальцем на молодого врача, сидящего напротив. Павел Александрович повернулся в его сторону и мягко кивнул, здороваясь на этот раз с ним, с чувством стеснения и даже стыда.

- Ну, рассказывайте, что у вас там? – несмотря на молодость врача, голос его показался Павлу Александровичу достаточно твердым и убедительным, так что он начал ещё больше переживать и вставлять свое «н-а» везде, где это надо и не надо.

- У меня, н-а, болит, н-а, вот здесь, н-а.

- И как, давно болит?

- Да неделю уже как, н-а.

- Ну, раздевайтесь.

Павел Александрович снова стянул штаны, поднял рубаху, которую он никогда не менял, а только изредка стирал, и улёгся на кушетку.

- Ну, давайте посмотрим, что у вас тут.

- Вот, знаете, доктор, что интересно, н-а. Вот прихожу, н-а, не болит, а ухожу, н-а, болит.

- Ну, это как-то несерьёзно.

Артур Германович задумался на пару минут, все водя по животу пациента, а потом выдал:

- Аппендицит.

- Как аппендицит, н-а?

- Вот так, аппендицит! Будем резать!

- Как, н-а, резать?

- Вот так, резать!

Павла Александровича сразу положили в палату городской больницы и назначили день операции. Его уверили, что процесс это не сложный, все пройдет быстро и волноваться ему абсолютно не о чем. Так что на время Пал Саныч успокоился. Палата, в которой он лежал, больше напоминала школьный коридор, была такой же длинной и цвет стен имела бело-

зеленый в пропорции 1:2. Помимо него там лежало ещё 4 человека: у кого была сломана нога, у кого рука, а у кого был какой-то вирус. Одним словом, не палата, а суповой набор. Время, проведенное там, прошло для Пал Саныча незаметно. Через три дня его увезли на операцию, а через тридцать минут привезли обратно. И правда, как и говорили врачи, ни страха, ни боли у Алексея Александровича не было, как и аппендицита. Через день с чувством выполненного долга врачи его отпустили домой.

Вернувшись в родные стены, Павел Александрович наконец-то решил расслабиться (чего ему не удавалось в последнее время), а именно пойти на излюбленную рыбалку. И только собрался он бежать в магазин за продовольствием, как опять начал колоть правый бок. Тут уж Павел Александрович решил, что ему больше ничего не поможет, и со словами «ну, значит, время мое пришло, н-а» решил постирать напоследок свою рубаху. Комкая ее, чтобы закинуть в машинку, он почувствовал, как что-то впилось в его руку. Пал Саныч сперва испугался, но вдруг вспомнил, как три месяца назад, перед рыбалкой, он прицепил на подол рубашки булавку «на удачу».

- Вот те-на! – воскликнул Павел Александрович, хватаясь за правый бок. Вот так «удача» вышла Павлу Александровичу боком.

Ольга КАПРАЛОВА
Студентка специальности «Литературное творчество»

Пруд

Морозный воздух обжигает ноздри. Под ногами громко хрустит снег, слегка проминаясь под весом теплых валенок. Недалеко от дома слышен детский крик и радостный, звонкий лай собак. В местной школе начались каникулы, дети почувствовали свободу и решили вдоволь насладиться предновогодним снегом и драгоценными морозными днями. Недалеко от моего дома находился местный сельский парк, в котором можно было найти деревья разных пород, и «горки» – холмы неизвестного происхождения, которые зимой служили для забавы детей. Проходя мимо детворы, я вдруг ощутила тоску, вспоминая, как и я, будучи маленькой, скатывалась с этих холмов с ребятами из школы. Только одно отличало нас от этих детей – мы старались как можно сильнее разогнаться, чтобы прямиком вылететь на пруд, на толстый лед, припорошенный снегом. Так было веселее, так ты получал некий авторитет среди своей компании. Каких только легенд не сочиняли про этот пруд! Ни одна не повторялась. Хотя, пожалуй, в одном легенды всё-таки сходились. Пруд, как было принято у славян, считался местом сбора нечистой силы. Непременно после заката вся нечисть собиралась там, поэтому удалиться от пруда и холмов нужно было раньше за-

ката. Все это знали, но ни один ребенок не спешил уходить, порой в толпе шумной детворы можно было уловить: «А ты эту нечисть видел? А Баба Яга здесь правда живет? А домовой?..» Родители, отчаянно пытаясь затащить детей домой, коротко и рассерженно отвечали: «Живет. Пошли быстрее, иначе Баба Яга тебя схватит и съест! Она любит есть непослушных детей». Дети обиженно надували губы и складывали руки на груди, не желая уходить домой, предпочитая спрятаться в кустах ив и дождаться того самого парада нечистой силы, чтобы с гордостью и невероятной радостью рассказать в школе: «А я видел Бабу Ягу! И черта видел, он лохматенький!»

Холодное зимнее солнце плавно уходило за горизонт, визг медленно смолкал. Детей почти не осталось, кроме одного мальчика, который взял в охапку «ватрушку» и пошел к ивам. На самом деле пруд был небезопасным местом для детей, что в зимнее, что в летнее время. Много людей находили свою смерть именно здесь, кто-то от неосторожности, кто-то от алкогольного опьянения, кто-то решил попытать удачу и вышел на середину льда с удочкой. Середина пруда не замерзала даже в тридцатиградусный мороз, а лишь покрывалась тонким слоем льда. Родители пытались защитить детей страшилками, чтобы отбить навязчивое желание выйти на лёд, но пруд со своей мистикой манил и будет манить, потому что запретный, потому что хочется увидеть мохнатого чёртика.

Мальчика никто не звал и не ждал. Он быстро шел с опущенной головой, направляясь прямиком к ивам. Сердце противно защипало. Ночь быстро зажигала на небе звезды, готовясь показать луну во всей красе маленькому селу. Мальчик упорно уходил вглубь парка, в сумраке едва можно было уловить его силуэт. Почему он здесь? Где родители? Почему он не идет домой?

Обойдя кустистые растения, мальчик тяжело плюхнулся спиной в снег. Тяжело вздыхая, он стал рассматривать звезды.

- Ты в порядке? – полушепотом спрашиваю у мальчика, но тот вскрикивает от неожиданности, пытаясь как можно быстрее встать с рыхлого снега.

Ещё долгих десять минут мы смотрели друг на друга, не решаясь сказать ни единого слова. На небе, закрываясь темной вуалью, взошла луна, одаривая всё вокруг своим светом, находя в каждой снежинке отражение и лишний раз напоминая каждому прохожему: королева ночи здесь она. В селе постепенно зажигались уличные фонари, освещая каждый темный уголок. Мороз сжимал в объятиях все крепче.

Наконец мальчик прошептал:

- А ты не Баба Яга?

- А я на неё похожа?

- Нет.

- Получается, я не Баба Яга.

- Я испугался…

- Прости. А почему ты один? Почему не дома? Все ребята давно ушли, ты остался.

- Мне там не нравится. Бабушка заставляет делать уроки, дедушка учит строить кормушки. Сестра со мной играть не хочет, говорит постоянно, что занята. Лучше я здесь останусь, - после этих слов мне стало понятно, что за ребенок передо мной и почему он не хочет идти домой. Миша Тарасов – мальчик с нелегкой судьбой. От которого отказались родители, предпочтя отдать его на воспитание бабушке. Бабушка – бывшая учительница химии, попавшая в деревню по распределению и, найдя любовь, решившая здесь остаться.

- Миш, бабушка ведь волнуется.

- Нет! – четко возразил мальчик. - Она заставляет решать примеры, а мне не нравится! Как и делать эти кормушки с дедушкой, вот сколько их можно делать? Уже весь парк в этих кормушках, а мы их все не можем перестать делать! – мальчик показал на одну из тех самых многочисленных кормушек, которые старательно вырезал дедушка Миши. Вся красота их заключалась в том, что все кормушки были аккуратно вырезаны из дерева, расписаны, как маленькие домики, словно взятые из волшебных сказок. Хоть сейчас кормушку было плохо видно, свет фонарей слабо доходил до середины парка, с кормушками дедушки Лёни были знакомы все.

- А что тебе нравится больше всего делать? – вглядываясь в очертания миниатюрного домика, неожиданно спросила я.

- Кататься на «ватрушке», смотреть мультики, играть в «Minecraft» и писать.

- Писать?

- Да, я люблю писать стихи, правда, пока плохо получается, но Наталья Александровна говорит, что всё дело практики! – Миша говорил с необычайным воодушевлением, с горящими глазами, с какими только могут говорить люди, рассказывая о самом сокровенном. Он с увлечением рассказывал про Пушкина, Есенина и Блока, про то, как читает каждый день их стихи, как вдохновляется, как ищет рифму, как пишет. В этот момент Мише можно было позавидовать. Только дети могут с невероятной наивностью и счастьем в глазах рассказать о себе, о семье совершенно незнакомому человеку, слышав от него лишь пару слов в ответ, которых достаточно, чтобы разжечь в сердце маленького поэта счастье.

- Миша! – чей-то обеспокоенный голос доносился до центра парка. – Миша-а-а-а! – протяжно кричал мужчина.

- Деда! – звонко отозвался мальчик.

- Миша?! Миша, где ты?

- Я здесь! – прыгая и интенсивно махая руками, кричал мальчик.

- Миша, ты нас очень напугал, – прижав к себе ребенка и уткнувшись носом в темно-синюю шапку, сказал дедушка.

- Здравствуйте, Леонид Николаевич!

- Добрый вечер! – лицо Мишиного дедушки плавно растеклось в улыбке. - Миша, ты почему домой не пришел?

- А я заговорился! – лукаво улыбаясь и смотря на меня, сказал Миша, – Душа поэта требует новых знакомств!

Дедушка звонко засмеялся, вновь прижимая внука к себе.

- Поэт, бабушка уже с ума сошла, пока ждала тебя, не пугай нас больше так.

- Хорошо… – кусая губу и виновато опуская голову, сказал Миша.

- А Вы не хотите пойти с нами? Зоя уже приготовила ужин, напекла пирогов с брусникой, пойдемте, она будет рада Вас видеть.

- Пироги испекла?! – прорезая ночную мглу, закричал мальчик.

- Да!

Мальчик, вырываясь из объятий дедушки, подошел ко мне, взял за руку и со всей любовью и нежностью сказал:

- Пойдем к нам. Бабушка всегда печет вкусные пироги, тебе понравится. А ещё я почитаю тебе свои стихи!

Леонид Николаевич мягко кивал головой.

- Я не могу вам отказать! – смотря то на Мишу, то на Леонида Николаевича, ответила я. И, взявшись за руки, мы пошли домой.

Ксения КЛЫЧКОВА
Студентка направления «Издательское дело»

Холст

День был ужасным! День был просто отвратительным! Меня выгнали из института. Видите ли, я не успевал, возможно, был не готов или просто запутался. Мне стоит подумать, этого ли я хотел, и в следующий раз приложить больше усилий. Так мне сказали.

Мало ли что они сказали. Я был с ними не согласен. Ни в чем я не запутался, конечно же, я был готов. Просто в последнее время мне было грустно, и это помешало мне закрыть сессию. Вот и все. Мне нужен еще один шанс. Так я им и сказал. Но они не дали. Люди никогда не дают второй шанс.

Но, видимо, Вселенной показалось, что я пострадал недостаточно. Я забыл ключи от квартиры в такси. А может, просто потерял их где-то. В любом случае, мне не попасть домой. Да я и не хотел домой! Только вот куда я хотел, я тоже не знал. Я сидел в подъезде напротив своей квартиры и рассматривал дверь. Она казалась мне забавной. Грязная цифра девять

почти отвалилась и теперь больше напоминала шестёрку. Этакое превращение. Ни одно, ни другое. Ни 6, ни 9. Ерунда какая-то, но забавная. Я даже рассмеялся. Я сам напоминал себе эту девятку. Но это дурные мысли. Я всегда гоню их прочь. Обычно они приходят мне в голову ночью, перед сном. Знаете же это чувство, когда вы уже отложили телефон, закрыли глаза и просто ждёте. Вот тогда и приходят эти коварные мысли. Тогда, когда ты остаешься наедине с собой. В этот момент ты меньше всего защищен, и вот глупые мысли уже прокрались в твою голову. Непременно нужно гнать их прочь!

Сидеть у подъезда мне наскучило, я еще раз проверил карманы в поисках ключей и, окончательно разочаровавшись, вышел на улицу. Решил пойти в парк. Я любил сидеть в парке, когда мне грустно, а сегодня мне было особенно грустно. Даже, можно сказать, тоскливо. Только вот почему или по кому именно я тосковал, сказать не получалось.

Парк осенью был красивый. Зелёные скамеечки, высокие фонари и голые деревья. Я любил осенние деревья, они казались мне беззащитными и искренними. Словно листва — это маска, за которой деревья прячутся всё лето, а осень их освобождает. Даёт им возможность быть собой.

В парке бегали и играли дети. Здесь их всегда много. Я люблю смотреть на детей, они всегда такие смешные. Разговаривают, сидя в песочнице, а пытаются казаться взрослыми. Меня всегда это забавляло.

Для наблюдений я выбрал мальчика в зелёной шапке. Для этого было много причин. Во-первых, зелёный – мой любимый цвет, во-вторых, наблюдать за мальчишками всегда интереснее. Я часто слышал, что в детстве девочки умнее, чем мальчики, но я с этим не согласен. У этого ребенка был такой задумчивый взгляд, словно прямо в этот момент в его голове рождалась новая Вселенная. Наверное, это главная причина, по которой я его выбрал.

Он качался на качелях. На тех самых качелях, на которых я когда-то качался в детстве. Изо всех сил махая ногами, он взлетал вверх, и опускался, и снова взлетал. Он очень громко смеялся. Детский смех всегда отличается от смеха взрослых. Он менее глубокий, но более искренний. Этот мальчишка смеялся как настоящий взрослый.

К ребёнку подошла женщина и что-то очень серьезно сказала. Я не слышал, что именно, но что-то действительно серьезное и взрослое. Я понял это по тому, как резко ее брови поползли навстречу друг другу. Детям серьезное ни к чему, я это точно знал. Они ушли, а я лишь грустно смотрел им вслед. Наблюдал, как медленно уменьшалась зеленая шапка. Мне хотелось подбежать к ним, взять мальчика за руку и отвести обратно к качелям. Но я не стал.

- Тяжело делать то, чего делать совсем не хочешь.

Я даже вздрогнул. Так увлекся наблюдениями, что не заметил, как ко мне приблизился незнакомый мужчина лет тридцати. У него были кудрявые рыжие волосы и большие уши.

- Что? - я в недоумении посмотрел на него.

- Тяжело делать то, чего делать совсем не хочешь, - повторил незнакомец.

- Вы о ребёнке?

Он кивнул.

- В детстве родители часто заставляют тебя делать совершенно ненужные вещи. Сейчас детей отправляют учиться с самых ранних лет, готовят к школе. Зачем все это, когда тебе просто хочется качаться на качелях. - Он усмехнулся, присаживаясь рядом.

- Не только в детстве, - я вспомнил институт, и мне стало как-то не по себе. Опять дурные мысли. Вечно лезут в голову в неподходящий момент.

- Я всегда хотел играть на трубе.

- Правда? - я спросил не только из вежливости, мне действительно было интересно.

- Угу. Но мама считала, что музыкантом много не заработаешь. Поэтому вместо музыкального я поступил в медицинский колледж.

- Вы врач?

- Бизнесмен. Колледж закончил, а вот с институтом как-то не вышло. Отчислился, открыл дело.

Я многозначительно промолчал. Он вздохнул. Нужно было что-то сказать.

- Больше не хотите играть?

- Конечно, хочу. Времени нет, бизнес отнимает последние силы. Грустно от этого, душа требует, а не могу.

- Так бросьте все и подайтесь в музыканты! - прозвучало глупо, мне даже стало стыдно. Сам не знаю, зачем предложил.

- Не могу. Здесь и деньги, и престиж. А без бизнеса кем я буду? Буду играть в переходах, выпрашивая деньги на кусок хлеба?

- Вы слишком категоричны. - Я сказал это просто так, что бы хоть что-нибудь ответить.

Он вздохнул и достал сигарету. Я засмотрелся на огонь. Ему явно не нравился мой ответ.

- Пойду я. Извини, что отвлек, - он встал и направился к выходу из парка.

Я не стал ничего отвечать. Настроение было паршивое.

Я сидел в парке и представлял этого мужчину, играющего на трубе. Я даже придумал для него мелодию. Эта картина казалась мне такой правильной. Я мог представить её в мельчайших деталях. Я даже представил

ему смешную вязаную шапку – для эпатажа и чтобы скрывала большие уши.

Медленно наступал вечер. Небо потемнело, а дети разошлись по домам. Мне тоже нужно было идти. Недалеко от парка есть библиотека. Стыдно признать, но я бывал в ней достаточно редко. Если совсем честно, то последний раз я был в ней лет десять назад. Меня водила бабушка. Она ходила в библиотеку, чтобы встретиться со своими подругами. Никто из них не читал книги, но, наверное, им нравилось притворяться друг перед другом. Я это уже в детстве понимал. Когда бабушка брала меня с собой, она всегда рассказывала обо мне подругам. Все, что она говорила, было неправдой. Но я стоял и кивал, как китайский болванчик. За это бабушка давала мне конфеты.

Одним словом, в библиотеке я не был очень давно. Но я где-то видел, что там проводится выставка какого-то художника-абстракциониста. Не сказал бы, что интересуюсь живописью, но искусство всегда мне нравилось. Я решил пойти.

Внутри библиотека была очень красивой. С детства мне нравились её высокие ступени, покрытые красными коврами. Я вспомнил, как представлял себя рыцарем, поднимающимся в замок к прекрасной принцессе. Сдав пальто, я поднялся на второй этаж. Выставка должна быть здесь.

Посетителей было мало, но мне это даже нравилось. Не люблю, когда меня отвлекают. Рассматривать картины было интересно, множество разных красок смешивалось на них, превращаясь во что-то новое и неизведанное. Около одной картины я стоял дольше других. Я и сам не понял почему. Мне казалось, что ее цвета не сочетались, словно боролись друг с другом. Я даже подумал, что их не должно быть. В отличие от других картин, для этой я не мог придумать историю. Я ничего в ней не видел. Просто пятна перекрывают друг друга, заполняя белый холст. Бессмыслица. Но смотря на нее, я вспомнил сегодняшний день. Мальчика в зелёной шапке и бизнесмена, мечтающего играть на трубе. И, как ни странно, вспоминая их, я понял, что именно изображено на картине. Это ребёнок. Ребёнок, который рождается белым листом, и на котором родители старательно рисуют его судьбу да и его самого. А ребенку рисовать не дают, как бы он ни просил. Он еще слишком маленький и рисовать не умеет. И вот он ждёт и ждет, когда же он вырастет, научится, сможет рисовать сам. А в итоге рисовать ему уже негде. И получается вот эта нелепая, бессмысленная картина. И вдруг мне стало так весело, так хорошо. Может это и не плохо, что меня выгнали из института. Теперь я могу рисовать!

Олеся КОНОПЛЯ
Студентка специальности «Литературное творчество»
Член Студии литературного мастерства «Вербалис»

Вокзал

Песня

«Воздуха! Воздуха! Самую малость бы!» - а надо ли это?
«Завтра локдаун! Всем дома сидеть!» - писали в газетах.
Скоро вокзалы совсем опустеют, ну а пока
Люди летают на птицах железных в свои города.

Мокрый перрон, костлявые рельсы тихо ликуют:
«Мы забираем! Мы отнимаем! Мы не горюем!»
Сердцебиение железной дороги без унисона
Лезет упрямо в души людей через вагоны.

Руки сплетаются, нос утыкается в шею напротив.
Будто бы дышит старый вокзал, а время уходит.
Мне бы застрять в этой минуте, продлить бы касания…
Вот и последнее:
- Ну, что, прощай?
- Нет, до свидания!

В поезде сразу, как все загрузились, жизнь закипела:
Лязгнули двери, хлопнули полки, сосед захрапел.
Люди, зайдя в вагоны свои, вокзал забывают,
А на платформе всё так же стоят, всё провожают.

«Воздуха! Воздуха!» - а надо ли это? Надо, наверное.
Чтоб простоять на этом перроне вечность безмерную.
Чтобы вновь встретить до боли знакомой родные объятия.
Чтоб ни вокзал, ни локдаун, ни поезд не отобрали тебя.

Я простояла на этой платформе целую вечность,
Благо у времени функция есть – быстротечность.

Однажды на балконе

Песня

Сидя на краю квартиры,
Он болтает ногой дыханию в такт,
Наблюдает сверху серые спины -
Самый одинокий музыкант.

Руки по локоть в чернилах,
Пишет тексты для песен день и ночь напролёт.
А когда ему станет невыносимо
Тихо себе напоет:

А между осенью и зимой проблески ноября.
Оставайся, мой друг, со мной. Буду петь день и ночь для тебя.
Для тебя мне не жаль ни часов, ни минут,
Если надо будет - от всего откажусь.
Может, грустно станет - заходи, я тут,
Светом своим поделюсь.

Громко дождь стучит по крыше,
Но ему не под силу разбудить людей.
Одинокий музыкант всё сидит и пишет,
Как ночь ему заменила день.

Он ведёт диалоги с музой своей,
Ведь она самый близкий его собеседник.
Он хотел, чтобы люди стали добрей,
Но музыкант он, а не волшебник.

Он мечтает о многом - это жизни намёк:
Чтобы все мы могли друг друга согреть,
Чтобы, выйдя на улицу, он запросто смог
Первому встречного спеть:

А между осенью и зимой проблески ноября.
Оставайся, мой друг, со мной. Буду петь день и ночь для тебя.
Для тебя мне не жаль ни часов, ни минут,
Если надо будет - от всего откажусь.
Может, грустно станет - заходи, я тут,
Светом своим поделюсь.

20.09

Песня

Мокрый мир, за окном метёт,
А в комнате душно, невыносимо.
На кончиках пальцев мозоли хотят
Коснуться нот, но все также фальшиво.

Муза ушла, а музыкант пьян
«Воздуха! Воздуха!» по-прежнему не хватает.
Глаза не видят затянувшихся ран,
Боль до сих пор на нервах играет.

Останься здесь.
Я прошу, пролети сквозь меня
Забери мои мысли, песни, стихи.
Останься здесь.
Додыши ты мгновенье со мной и, пожалуйста, не исчезай.

Нет ничего, только стены-листы пустые.
Сужается комната с каждым вздохом.
Все говорят: «Может, помер или простыл он?»
Но музыкант лежит и слышит мыслей грохот.

Вдруг загораются нотные станы,
Вспыхнет мелодии яркий костёр.
Вот оно - творчество, вот оно, с нами!
Всё, что поёт, сливается в хор.

(Слышно морской волны переливы,
Слышно, как листья деревьев шуршат,
Слышно, как ветер играет с фуринами,
Слышно весеннего грома раскат)

Аксиома

Песня

Ты мечтаешь о чем-то большом и едешь в плацкарте.
Обжигаясь своими словами, говоришь вслух.
Я прошу помолчать, я прошу: «Пожалуйста, хватит!»
Чтобы как-нибудь избежать этих ненужных разрух.

Лёгкие чешутся от кислорода
И от его недостатка.
А под ногами уже двести лет
Скрипит соль, а не снег.

Так давай же последуем
Этой простой аксиоме:
Человеку нужен человек,
Человеку нужен человек.

Да что же ты делаешь, брось сигарету,
Нам надо ещё пройти полмира:
По мостику вечности, в долину ветра.

И зальётся багровым закат,
Но только без нас.
Будет поздно переживать,
Так давай закончим всё быстро.

Мне осталось сказать всего
Пару фраз:
«Я - твой самый долгий закат,
Я - твой самый короткий выстрел».

А ведь вовсе не в выстреле дело,
И закат тут совсем ни при чём.
Я брожу мимо улиц без дела,
Промокая под сильным дождём.

Тёплый кофе с корицей
Уже никогда не согреет.
Улететь бы отсюда птицей,
Только вот без тебя моя жизнь опустеет.

Дача

Тише-тише, не дыши.
Нам с тобой не много надо:
Дача, речка, камыши
И прожилочки заката.

Тише-тише, мы с тобой
Никогда ведь не забудем
Свежий воздух, лес, покой
За стеною серых буден.

Тише-тише, посмотри,
Как гоняет ветер листья.
И на фоне той зари
Лес особенно таинствен.

Алиса КОРОЛЁВА
Выпускница магистратуры по направлению «Теология»
Член Студии литературного мастерства «Вербалис»

Когда маски сброшены

Стонут от горького горя речушки и реки,
В небе прокуренном мечутся бледные звёзды.
Лжёт прорицатель: «Нечестье пребудет вовеки!»
Травницы снадобья ищут целебные. Поздно!

Нынче не в моде усталые, грустные лица!
Но не беда! Стильный образ составить несложно:
Грива шикарных волос да густые ресницы.
Подлинность стала постыдной, естественность – ложной.

Вновь красота обесценилась в мире безликом,
И Терпсихора выходит, шатаясь, из бара.
Мчится Орфей вслед за тенью родной Эвридики,
Нежных созвучий лишившись, рыдает кифара.

Верю, что каждый из нас этим утром проснётся!
Знаю, молчанье ценнее беспечного слова.
Помню! Всевышний меня встретил в мутном колодце,
Я проворчала: «Явился не вовремя…снова».

Жажду! Родник Бытия напоил вдохновеньем.
Алчу! Склонились к земле виноградные кисти.
Окна раскрою, прислушаюсь к птичьему пенью.
В мире так много простых и пронзительных истин.

* * *

О войне сегодня помолчи.
Сотни тысяч легковесных строчек,
Словно пепел траурной свечи,
Ветер бросит в бездну летней ночи.

Вспомни партизанку, что в отряд
Шла в шестнадцать лет. А как иначе?
Много ль нужно званий и наград
Ей, отдавшей жизнь... не за трамвайчик.

Вспомни, как боролся Сталинград.
На обломках стен царапал быстро
Надпись обессиленный солдат:
«Не вернусь – считайте коммунистом».

Вспомни нынче жертв концлагерей,
Мёрзлый хлеб – сто двадцать граммов скорби,
Взгляды вдов, сестёр и матерей,
Слёз фальшивых не пуская, вспомни!

Но трубят из каждого угла
О войне всё громче год от года.
Пусть расправит память два крыла,
Два крыла: Молчанье и Свобода.

Иван КРИВЧИКОВ
Студент специальности «Литературное творчество»

Радость пяти минут

Этой ночью Степан не мог уснуть. Воспоминания выпадали у него изо рта случайными фразами, то что-то из рода: «Ах-ах, помню, помню этого парня», то периодическое: «Ой, дурак я…» И то с ухмылкой, то краснея от стыда, он ворочался в кровати, а потом, давая себе немного отдохнуть, оставлял взгляд на потолке.

Перерывы особо не помогали: сколько обвинительных приговоров он себе вынес. Обвинял себя даже за то, в чём не был виновен. Тоска нападала всё сильнее и сильнее. За окном уже давно плыли облака, изредка оголяя лицо луны. Как же бывает страшно в такие моменты, особенно в пустой квартире!..

- Всё, ну, не могу так, - проговорил он шёпотом. Лениво поднялся, посмотрел в пол: - Где этот тапок, а? Правый есть, а куда левый делся?..

Он наклонился, чтобы посмотреть под диваном. Тапка не было. Пораскинув мыслями в уже и без того горящей голове, Степан решил надеть ботинки и отправиться на общий балкон, ибо его девушка не разрешала курить на балконе квартиры. Снял телефон с зарядки. Яркий сгусток света ударил ему в сонные глаза. Половина третьего ночи, подумать только!..

Выйдя из тёмной комнаты в узкий, будто кишка, коридор, он взял сигареты, надел первую попавшуюся куртку и вышел из квартиры. Пройдя через лестничную клетку, он дошёл до дверей балкона, которые, к его печали, оказались закрыты. Ругань выпрыгнула шёпотом на берег пространства, словно тяжёлый синий кит.

- Может, на лифте? - спросил у себя он.

Первое нажатие на кнопку вызова ни к чему не привело. Вторая, третья и последующие нервные попытки не помогли.

- Что ж, значит, пройдусь пешком, - разочарованно буркнул Степан.

Он жил на седьмом этаже. Дорога на первый не была долгой, но и быстрой её нельзя было назвать. Пока Степан спускался по лестнице, он проклинал свою бессонницу, тапки, двери на балкон и лифт. На третьем этаже его озарило.

- И все это ради грёбанной сигареты?! Надо будет бросить эту чёртову привычку.

Путь до первого этажа прошёл без происшествий. В подъезде было темно, кто-то опять выкрутил лампочку. Кнопка открытия дверного магнита спряталась за спиной темноты. Хорошо, что телефон был под рукой. Пережив очередной плевок света экрана в глаза, Степан наконец открыл железную дверь. Выйдя на холодную улицу, он подключил наушники, включил музыку, зажёг сигарету. Остывшая коробка мыслипередач утихла. Снег валился с ускорением холодного ветра. Такое чувство, что ночь знала эту песню и специально под припевы посылала шквалы ветра с хлопьями снега Степану в лицо. В руках остался дымящийся окурок, который со щелчком пальцев отправился на асфальт.

- Как удивительна моя жизнь. Полна добрых и счастливых моментов. Вот стою я сейчас на морозе, удовлетворивший свою потребность, смотрю на закрытые веки домов и просто наслаждаюсь ночью... Как хороша моя жизнь, однако! Я прошёл через столько испытаний, а сколько их еще ждет меня в будущем… Ладно, я замёрз, пора возвращаться в квартиру.

Засунув руки в карманы куртки, Степан начал шарить по ним. Вдруг к нему пришло осознание, что он забыл ключи от домофона.

Радость одного часа

Этот вечер Анна провела на дне рождения подруги. Компания много выпила. Было 9-ое июля. Закат медленно затихал за горизонтом. Вместе с закатом затихали и отношения с парнем Анны. Парень был ревнив и, скажем прямо, баран.

- Да и пошёл он! - успокаивали Анну её подруги.

- Да, 2 года ушли в никуда, вместе с Солнцем, – тихо отвечала Анна.

Попрощавшись с гостями праздника, девушка взяла такси и поехала домой. Анна жила в частном секторе, родители её уехали к бабушке в отпуск. У Анны всегда всё было рассчитано, кроме количества употреблённого алкоголя.

- Девушка! - обратился водитель такси.

- Сдачу оставь себе! – с трудом выговаривала Анна.

- Но тут недостаточно! – негодовал с Кавказским акцентом шофёр.

- Чего? – переспросила она.

Водитель махнул рукой, закрыл дверь и уехал.

- Все вы, мужики козлы, – пробормотала девушка.

Она подошла к воротам. Рыская по карманам своей курточки, она понемногу начала понимать, что ключи остались у подруги в квартире. Брань тихо выпрыгнула из её рта.

- Остаётся лишь одно, – уверенно, но пошатываясь, сказала Аня.

Девушка скинула куртку и в шикарном платье, на каблуках ринулась перелезать через ворота. Первая попытка стала неудачной, и девушка упала на спину. Пролежала она минут пять, поднялась. Полезла ещё раз. Ей это удалось. Открыв дверь калитки, она подобрала куртку.

Анна зашла в дом. Дома было душно. После июльского жара одноэтажный дом не слабо нагрелся. Анна открыла бар, достала и откупорила бутылку красного, отпила. Она лежала на диване, не раздевшись. Всё не могла уснуть. Часы пропищали три часа ночи.

- Духота. Воды...

Выпив стакан воды и взяв бутылку с оставшимся вином, Аня пошла к выходу на задний двор.

- Хочу подышать! – решила девушка.

Она открыла дверь, да с такой силой, что вылетела из дома. Упав на крыльцо, девушка ободрала руки с коленками, но не издала ни единого звука. Аня улыбнулась.

- Вот я неряха, зато бутылку не разбила! Наконец-то свежо, – с удовлетворением выдохнула она.

Поднялась. Почему бы не прогуляться?.. Аня расстегнула обувь и ударом футболиста сорвала ее с ног. Каблуки со свистом улетели в прихожую. Босяком она дошла до двери калитки, за которой было широкое поле. Крапива обжигала её ноги, камни, подобно деталькам детского конструктора, кусали ее стопы. Но Аня не чувствовала боли, она была счастлива. Она шла навстречу восходу, гордо допивая вино.

Наконец она вышла на открытую местность. Анна чувствовала себя в центре мира. Пот был подобен утренней росе, небо становилось всё алее и алее, как её щёки. А на горизонте проскакивали первые лучи Солнца, подобно искоркам в её глазах. Ветер тихими волнами развивал её волосы и платье. И тут она рухнула спиной на влажную траву. Звёзды потихоньку блекли на фоне неба. Аня стала единым целым с природой.

- Путь к счастью стоит некоторых страданий. Приду домой, лягу, посплю. Проснусь днём, пусть я буду плакать от боли в ногах и спине, но я уверена, нынешнее счастье стоило этого. Я до мурашек довольна. Этот воздух, роса, свежесть очищает мои мысли. Нам всем иногда надо остывать.

Запели утренние птицы. Аня поднялась и тихим шагом пошла домой.

Она вернулась домой в 4 утра, грязная, с волдырями на ногах, но на седьмом небе от счастья.

- Позвоню Стёпе, надо вечером будет встретиться. Ах, да, ещё Саше, ключи то мои у неё, – набирая номер, сама с собой говорила радостная Анна.

Никита ЛОСЕВСКОЙ
Студент специальности «Литературное творчество»

Смерть матери

Так, бери холст. Скорее! Кисти, краски. Бери. Вон, на подоконнике стоит всё.

Судорожно хватая все необходимые инструменты для самопыток (обыватели называют это «творческий акт»), Мортем Кистев пытался не забыть картину, которая возникла в его голове на похоронах его матери. Кроме матери, у него никого не было. Брат давно покинул семью и не поддерживает связь. Отца будто никогда не видел, да и разговор с ним не получался. Мысль об отце иногда всплывала в голове у Мортема, но каждый раз быстро стекала куда-то в душевную тьму, где подобные думы сжигала какая-то печь ненависти. Мать была очень деспотична, хоть иногда надевала маску любящей и заботливой матери.

Белый. Белый снег ослеплял, казалось, всех присутствующих на кладбище. Белоснежное платье сочеталось с этим снегом и белоснежной кожей. Кожа была такой из-за косметики. Мама должна была выглядеть красиво. Нужно налить беленького. Сейчас изобразим.

Маниакально ведя кистью, художник пытается изобразить сугробы.

Не то! Это не то, что я хотел. Не это было в моей голове. Чёрт!..

Расстроившись, Мортем начинает просто закрашивать весь холст в белый цвет. В голове возникла мысль: срочно необходим синий.

Синий. Вдруг в воспоминаниях вспыхнули синие, словно океан, который я всегда видел на картинках, глаза. Это были глаза матери. Ещё совсем молодой матери. Где же он? Где? Ага, вот, нашёл. Сейчас.

Прямо из тюбика выдавил густую каплю моря и продолжил смешивать и размазывать краску.

Море… Нет. Океан, чуть бушующий… Нет. Чуть живой. Видно мельчайшее волнение, которое будто через секунду закончится и навсегда пропадёт.

Чёрный… Чёрный гроб, чёрные волосы, все посетители этого прискорбного мероприятия тоже были в чёрном. Было ли в душе у них так же

темно? Были ли они на иглах таких же колючих и чёрных, как их ресницы? Не знаю.

Маленькая капля тьмы должна быть во всех и везде. Иначе – неправда.

Из стороны в сторону плывёт кисть по холсту, создавая восхитительный, как казалось, пейзаж Айвазовского. На деле же это пейзаж Мортема Кистева.

Виднеются облака, не густые, полупрозрачные. И такая же полупрозрачная, но создающая некоторое напряжение тёмная туча. Будто шторм хотел быть, но передумал.

До этого момента я не мог понять, кем же была для меня мать. Не понимал, какие чувства испытывал, когда видел её при смерти. Не мог понять, что же я чувствовал на её похоронах.

Когда я взглянул на законченную картину, всё стало ясно.

Смерть великого музыканта

Сегодня я узнал прискорбную для меня новость. Умер величайший саксофонист. Мне казалось, он мог достичь небывалых высот. На самом деле, вы его не знаете, и я не хочу уличить вас в узком кругозоре, нет. Я больше чем уверен, что у вас тоже умирали музыканты, поэты, актрисы или драматурги, может, даже врачи или футболисты. Большинство когда-то сталкивалось с этим. Мне страшно наблюдать за тем, кем мы становимся после смерти великих для нас людей, ведь, смотря на них, мы видели большое будущее.

Те, у которых не умер такой человек, живут счастливо. Их жизнь играет яркими красками, как мой саксофонист играл блюз. Он был великолепен. Когда я давал послушать его своим знакомым, им нравилось, а сам он говорил, что играет весьма плохо и что ему далеко до виртуоза.

Сегодня мой кошелёк пополнился на 8 тысяч рублей с комментарием к этой сумме: «Ваш саксофон купили».

Четыре элемента

- Ты знаешь, из чего состоит наша жизнь на самом деле? - спросил знаменитый в нашей деревне художник.

- Ну, и из чего же? - ответил его собутыльник.

- Как же из чего? Из четырёх элементов. Роскошь. Природа. Свобода и Смерть, - заявил сомнительный мастер искусства.

- И всё, что ль? - затихающим голосом, через силу спросил его товарищ.

- Ну, да. Это ключевые составляющие нашей жизни. Вот смотри, начнём с роскоши. Она для многих самая недостижимая и желанная. Роскошью восхищаются практически все люди. Они хотят быть богатыми.

Думают, что, имея большое количество денег, можно решить все проблемы. Они видят лишь оболочку. Дворцы, хорошая одежда, качественное питание. Деньги для них радость. Есть и другая роскошь — духовная. Её легче достичь с помощью денег. Ну, там, образование, выставки, музеи, путешествия по странам и культурное обогащение. Отсюда и вытекает природа. Природу люди ценят лишь тогда, когда достигли этой роскоши в той или иной степени. Вот берёза, она же в литературе Россию олицетворяет, понимаешь? Вот, обогащён духовно – значит, видишь в природе её подлинную красоту.

Знакомо ли тебе это чувство, когда идёшь где-то, всё у тебя как-то не так, и тут ты отвлекаешься на природу? И берёзы восхитительны, и закат великолепный, и ветер дует в си диез миноре второй октавы, ну, как-то понимающе. На елях иголки словно твои проблемы: дотронувшись до них, ты колешься. В целом, всё вокруг с тобой разговаривает. Ты идёшь и улыбаешься, как дурак. Знаешь же? Но не путай с пьянкой. Я вижу, ты уже прилёг и тебе хорошо. Ладно. Мы плавно переходим к свободе. Ощущая природу, ты свободен. Ты чувствуешь её всю. Ты человек, обособленный от природы и социума, но тесно связанный с ними. Человек, ощущающий свободу, он будто один в этом огромном мире, понимаешь? Но не путай с тем состоянием, когда никто пить не хочет и ты начинаешь себе накручивать, что вот ты такой один, все тебя бросили и так далее, нет. Тут состояние светлое. Чувствуя эту свободу, собрав в себе роскошь и природу, ты становишься на шаг ближе к Богу. Ещё шаг, и ты рядом с ним. Переходим к смерти. Ну, тут говорить нечего. Умер и всё. Конец. Про смерть нельзя говорить. Ты умер, и ты Бог. Ты часть Бога. Вот и вся жизнь.

- Ты слушаешь? - решил узнать художник-мыслитель у своего давнего товарища.

Мужик лежал с бутылкой водки и не отвечал. Художник потормошил его, но тот даже не двинулся. Чиркнув спичкой, художник поджог кисточку, а затем и сигарету и задумчиво проговорил:

- Хм, а элементы жизни ли это или алкоголизма?..

Город Т

В незнакомом городе (а приехал я исключительно по работе, так как по своему желанию в это серое и будто слизистое место никогда бы не ступил и ногой), выйдя из вокзала, я решил пройтись и осмотреть то, за что так хвалят эту большую овсяную кашу из архитектуры разных стилей. Решив не заглядывать в карту на телефоне, я двинулся к человеку в сером пальто, он стоял и курил, обратив свой напряжённый взгляд куда-то к Богу. Я окликнул его второй раз, ибо после первого раза он ничуть не обратил на меня внимания. Мужчина, не отводя взгляда от той Вселенной, на которую он смотрел (или прибывал в ней), выкинул сигарету в урну и про-

должил стоять. Я понял, что попытка с ним заговорить то же самое, что заговорить с кем-то в безлюдном зоопарке. Ну, и зачем я согласился на эту глупую командировку? Я ведь лучший работник, а в этом противном городе должен быть не я.

Я пошёл по какой-то улочке, и она была менее живая, нежели вокзал. Улицы, говорят, артерии города, а значит, и машины, и люди — это кровь. Но кровь в этом городе была серая и чёрная. Видимо, мы в живом трупе, подумал я, но тут же грустную мысль сбил вид дворника. Ярко-оранжевая жилетка, под ней красная куртка и ярко-голубые джинсы. Чёрный асфальт, серая плитка и он. Если эту картину изобразить на холсте, то будет ясно, что дворник выделен на фоне, то бишь, является главной фигурой произведения, можно уловить смысл важности работяг… Ладно, моё образование в сфере искусства не идёт мне на пользу. Неужели я один с этим работягой во всём этом городе? Пусть я и во всём чёрном, как все эти прохожие, но внутри я однозначно ярче всех. Неужели придётся с ним говорить? Оглядевшись по сторонам, я никого не увидел. Подойдя к нему, я заметил его взгляд. Он был пуст, глаза смотрели в никуда. Вероятно, люди в этом городе настолько устали от серости, что придумывают свои миры и там живут, а тут так, работают, поддерживают тело в тонусе. Очень понимаю их. Как надоело вся эта монотонная жизнь. Везде одно и то же, бывает только хуже.

Я окликнул дворника, ответ последовал незамедлительный.

- Чего случилось?

- Да ничего, хотел узнать, где у вас в городе можно чего-нибудь красивого увидеть?

- Чёрт его знает, - он взглянул на меня вскользь и продолжил мести. - Вам, наверное, театры и музеи нужны?

- Нет, это всё не так интересно, как, например красота на улице. Может, мистические места есть или что-то интересное, с историей связано, но не в клетке музейной, а среди нас? Меня уже давно ничего не радует.

После недолгого молчания человек в яркой жилетке произнёс:

- Солнце. Это самое красивое и яркое в нашем городе. А ты новенький?

Я слегка удивился неправильно подобранному слову, но понял, что он имел в виду, что я только что приехал.

- Угу, - кивнул я. По ответу мужика я осознал всю унылость города и его жителей. - А церкви? Они же тоже яркие и красивые, разве нет?

Дворник ничего не ответил и продолжал подметать листья и мусор. Я посмотрел на него, и почему-то мне стало грустно, я двинулся дальше.

На часах было шесть утра, мне нужно было заселиться в какой-нибудь мотель, скинуть вещи и продолжить искать что-нибудь интересное. Солнце вверху не оказалось, небо было забетонировано. Я очень любил

ходить и смотреть на окружающую меня действительность, а особенно обожал дворы, в них была какая-то коллективная душа, будто все люди с того или иного дома вложились в него. Я любил замечать различия между детскими площадками, цветами и подъездами. Пусть город серый, но внутри всего всегда есть свет. И с этими мыслями я завернул в ближайший дворик. Это была старая застройка, дома были расположены в виде квадрата, а в центре стояла детская площадка. Я видел и раньше подобное, но были такие дворы далеко от центра. Забор детской площадки был будто надкушен огромной пастью, горки было две, одна из которых покрылась ржавчиной, словно молотым кофе, а другая была завалена. Вместо качелей висело два стальных каната, а деревянные скамейки были сломаны. Я решил пройтись рядом с одним из домов, чтобы посмотреть цветы, и выйти в другой двор, но, проходя мимо подъездов, вместо цветов я увидел перекопанную землю, редко торчали умирающие веточки, деревья были уже мертвы. Переходя к другому двору, я не заметил ничего сильно отличного от предыдущего и решил глядеть на балконы и окна. Некоторые балконы были ограждены ржавыми прутьями и решёткой, а некоторые завешаны какими-то старыми тряпками. В окнах болтались грязно-белые, местами оборванные шторки, из-за которых изредка, но с испугом и необычайной скоростью поглядывали на меня и прятались. Спустя пару минут мне казалось, что весь дом смотрит на меня, но не понимал, от чего они прячутся. Сегодня суббота. Может, я случайно разбудил их?..

Я спешно покинул этот двор и вышел на какую-то чуть оживлённую улицу. Ничего интересного я не застал и свернул на тропинку, которая, вероятно, вела в парк. Решив немного отдохнуть и продумать свой прогулочный маршрут до завтра, я уселся на скамейку, которая, кстати, тоже была не в надлежащем виде, как и все остальные. Через пару часов я уже был в каком-то мотеле, рекламу которого увидел, бродя по оживлённой, по всей видимости, главной улице. Подойдя к дому, где располагалось место моего проживания на ближайшую пару дней, я был изрядно удивлён. Сооружение напоминало небольшую усадьбу конца девятнадцатого столетия, белое здание с колоннами выглядело очень хорошо. Наверное, жить здесь мне дорого обойдётся, но ведь мне дали неплохие командировочные. Зайдя в мотель, я направился на ресепшн.

- Вы к нам надолго? – с фальшивой улыбкой спросила девушка с чёрными волосами и удивительно бледной кожей.

- На два дня, - с уверенностью и такой же улыбкой ответил я.

Девушка усмехнулась, но уточнять, в чём причина её смешка, я не стал. Хотелось вздремнуть и пойти дальше изучать все оттенки этого серого города.

Номера были очень странными. Войдя в свой номер, я увидел кровать, а позади кровати окно. Тумбочка, шкаф и всё остальное. Покойника только кладут ногами к выходу. Дураки, подумал я, и лёг иначе.

Так и не сумев уснуть, пролежал пару часов, после чего встал и поплёлся искать какую-нибудь закусочную. Люди в этом городе были медлительны, у меня сложилось впечатление, что им и спешить некуда. Пройдя пару кварталов, я увидел среди серых кирпичных ящиков высокий столб с бледно-жёлтым знаком. Решил пообедать там, но, зайдя туда, увидел привычную, но явно гиперболизированную картину: люди ели крайне небрежно, с набитыми ртами о чём-то говорили, перебивая друг друга. На полу виднелся пролитый напиток, местами можно было поскользнуться на листе салата. Еду готовили на удивление медленно, а когда принесли, привычная золотистая булочка была с сероватым оттенком. После первого укуса я понял, что тут я не поем, хотя реклама гласила, что это лучшая забегаловка. Выйдя на улицу, я пошёл искать другое заведение, более приличное, и понял, что на всех вывесках написано что-то вроде «Самая полезная и вкусная еда только у нас». Вот если бы я открыл свой ресторан, то он бы точно был лучшим.

Вдруг я наткнулся на небольшой ресторан. Не было вывески, на которой было что-то кричащее о лучшем качестве. Назывался «Пятая тарелка». Внутри всё было в тёмно-красном цвете, лишь плинтусы и натяжные потолки были чёрными. В этом месте всё было намного лучше. Я ждал свой заказ и думал о работе. Я совсем забыл, по какому делу я прибыл в этот город, и пока я пытался вспомнить, меня окликнул мужчина. Его волосы были словно облиты нефтью, его плечи были широки настолько, что казалось, будто за спиной у него крылья.

- Извините, у вас свободно? Разрешите составить вам компанию? — очень настойчиво спросил мужчина и сел напротив меня. - Я владелец. Прошу прощения, не представился, меня зовут Сергей Алексеевич Тана. А вас как? - с какой-то злобной, но внушающей доверие улыбкой спросил он.

- Я Мортем Александрович, очень приятно, - ответив ему, я протянул руку. Мы поприветствовали друг друга, но его рука обожгла сильным холодом мою, из-за чего я невольно вздрогнул.

- Вы, вероятно, новенький? - поинтересовался С.А. Тана, и я уверился, что в этом городе «новенький» - это диалектизм, который означает «приезжий».

- Очень забавно… Да.

- Вы привыкнете к этим местам. Сначала их никто не понимает, потом никто не любит, а далее идёт стадия принятия, и всех уже всё устраивает.

Я лишь немного улыбнулся в ответ на его разъяснения. Принимать это место я совсем не собирался.

- Я тут по работе, всё равно послезавтра уезжать, - пояснил я ему.

В ответ последовал смех, громкий и глубокий, слегка устрашающий.

- Простите, не понимаю, почему вы смеётесь?

- По какой работе? Где ты? - настойчиво и с грустной ухмылкой спросил хозяин ресторана.

Я запаниковал, извинился и поспешно вышел. Я решил взять телефон в руки, но ни один пароль, который я когда-либо использовал, не подходил. Я действительно не помнил, по какому делу я приехал сюда, не помнил, как брал билеты и садился в поезд, не помнил дорогу. Всё делалось совершенно безумным. Я поймал бледно-жёлтое, местами ржавое такси, попросил ехать на железнодорожный вокзал. Пока мы ехали, моя память совсем померкла, и я не мог вспомнить практически ничего. Вскоре мы доехали, я отдал деньги водителю и побежал брать билет. На табло не было привычных названий городов. Виднелись лишь объекты: «Город Т. Область 7», «Город Т. Область 3» и так далее. Всего этих областей было девять, а я был на пятой. Я провёл параллель между количеством объектов и количеством кругов. И как только я подумал об этом, на плечо кто-то уронил руку. Я оглянулся. Позади меня стоял Сергей. Улыбнувшись, он сказал:

- Не унывай.

Анжела МИЛОВИДОВА

Студентка специальности «Литературное творчество»

Амнезия

«…Это было словно во сне. Когда мое дыхание перестало вырываться через горло, наступил мрак. Темнота сгущалась вокруг меня. Потерялось ощущение пространства и времени. Сколько я пробыла в небытие? Пару секунд? День? Месяц?.. Не знаю. Но в какой-то момент мое сознание обрело покой. Я попала в мир, которым могу управлять. Получается, я стала богом? Но я не хочу им становиться, столько ответственности! Нет, лучше я просто буду скитаться по этому миру, может, так я пойму, как тут очутилась… Действительно. Я ничего не помню, кроме того, кто я. А являюсь ли я той, о которой думаю, или же просто хочу таковой казаться?..

Спустя несколько лет, проведших в скитании, я очутилась в месте, наполненном чудесным голубым светом. Свет был прекрасен. Будто небо ясного летнего дня превратилось в туман. Хочется остаться здесь и не торопиться даже с мыслями, настолько это свечение завораживало.

Эйфорию прервала боль. Мне больно, но почему? Не понимаю. Резкая боль, пронзающая голову насквозь. Как это остановить?! Я не понимаю! Почему, а главное, за что? Я чувствую, как просыпаюсь…»

- Очнулась, - с облегчением сказал он.

- Ч-что со мной было? – произнесла Алиса.

- Ты будешь в небольшом шоке от того, что с тобой случилось.

Возникла пауза. Алиса вопросительно посмотрела на него.

- Ну, понимаешь… Вначале ты отключилась. Я сильно испугался. Ты начала биться в судорогах, и тогда мне стало страшно. Я начал хлестать по твоим щекам с такой силой, чтобы это было ощутимо, но при этом не причинило бы тебе вреда – так ты и очнулась.

Он нежно обнял ее за плечи.

- Я так боялся, что с тобой что-нибудь случится! Прости, милая.

Его искренне любящий поцелуй насторожил Алису.

- Ты не против, если я задам тебе вопрос? – спросила она после некоторого молчания.

Он, посмотрев ей в глаза, улыбнулся и кивнул.

- Прости, но я не знаю, кто ты.

Владимир НЕРОБЕЕВ
Выпускник магистратуры по направлению «Физика»
Член Студии литературного мастерства «Вербалис»

Посвящение Анне Ахматовой

Земли королева – вздыхает Фагот,
Мать жизни и Слова – пророчит Иосиф,
Она же босыми ногами грядёт
По жатве эпохи и мира лишь просит.

Рабыня греха – закричит моралист,
Рабыня Господня – вздыхает читатель,
Она же идёт под восторженный свист
И свист осужденья туда, где Создатель

Сказал ей: «Ты Анна – праматерь Христа,
Ты Анна – одна из великих пророчиц,
Пусть пламя и желчь наполняют уста,
Сияньем Фаворским просветятся очи!

Ты гений любви у поэта веков;
Княжна, королева и дочь Ярослава;
Ты именем честным избегнешь оков,
А именем хана – наследуешь славу!

Ты будешь страдать – за Россию и мир,
Ты будешь молиться – за мужа и сына,
Безмолвно следить, как кровавый вампир
Возьмёт Петербурга кипучую силу.

Ты вспомнишь, что раньше другою была –
Насмешливой, грешной и всеми любимой,
И в море русалкой нагою плыла…»
А ныне лишь имя

Осталось на этом опавшем лице,
Познавшем всю тяжесть тоски и отчаянья…
Но феникс гнездится в душе, как в яйце,
И птица поэтом летит на свиданье.

Ты вновь ожила, но бег времени быстр,
И вот госпожа уж зовёт вечеряти.
Ты строчкой своей, где стих нежен и чист,
Встречала и смерти лукавой объятья.

Покаяние

…Это не стыдно, что я так хочу жить, хотя бы слепым.

М.А. Булгаков

Не знающий спокойствия труда,
В плену у лени,
Не преклоню колени никогда,
Не преклоню колени.

Не знающий в лукавствии стыда,
В объятьях гада,
Я не искал лекарства никогда,
Лекарств и яда.

Не верящий в слепые чудеса
(Не нужно чудо),
Я понял – правда держит небеса,
И в правде буду.

Не видящий без творчества надежд
(Мой свет – надежда),

Мечтал вам спеть об участи невежд,
Как Данте прежде.

Не помнящий, куда текла вода,
Кто пустит в сени,
Я преклоню колени в никуда,
Я преклоню колени…

* * *

В мире Рудиных и Обломовых
Я пытался быть князем Мышкиным,
В ветхих днями ища всё новое,
Я читал лишь заумные книжки,

В мире Пушкина и Онегина
Я хотел быть вторым поэтом,
Облака, как собаки пегие,
Унеслись, мне не дав ответа,

В мире Бунина и Набокова
Бился – быть бы белее снега,
До болезни, до дна болотного
Довела дремучая нега...

В мире Чацкого и Печорина
Я о чувстве мечтал несчастном...
"Очарована, околдована",
Чарам лести причастное царство…

В мире пранкеров и абьюзеров
Раболепно пел Демиургу...
Что, душа, Терапевта струсила?
Так теперь потерпи Хирурга!

* * *

К фотографиям П. Громовой

Люди, что подобны зеркалам,
Отражают небо на земле,
Сила света в них и корень зла,
И любовь, зарытая в золе.

Вечно созерцает великан –
Прометей, висящий на скале,
Как готовит меткая рука
На огне обед в скупом котле.

Вечно ощущает гитарист,
Чей давно последний стих аккорд,
В гулкой тишине восторга свист,
Он согреет, если дует норд.

Люди, что подобны зеркалам,
Отражают правду вкривь и вкось,
Но душа как крепкая скала –
Трудно выбить родники из слёз.

Луч с небес усилит человек,
Окаймив туманом серых снов,
Между снами непрестанный бег –
Тайна избавления оков.

В трещинах и искрах зеркала –
Души, что тоскуют и поют,
Сила света в них и корень зла,
Средь страстей бушующих уют…

Отрывок

Кто не умеет страдать –
тот безумен,
Не поминай имя Господа всуе!
И одно остаётся в сумме –
Жаждать Света и собственной правоты,
как ответа – влюблённый,
как неги – коты,
как грабитель поживы,
как крови – вошь…
Пока жив, ничего не поймёшь.
Остаётся глядеть в стёкла мутные
На беспечное вечное утро,
На седой и убогий вечер,
Этот день, как и ты, – бесконечен!

* * *

Устать от Бога очень просто,
Легко устать от суеты
И отдирания коросты
От сгустка язв с названьем – ты.

Устать от Бога может каждый,
Так хочется легко вздохнуть
И улететь наверх однажды,
Хоть крыльям труден этот путь.

Устать от Бога можно сильно,
Бродя в распутиях ума,
Ища чертёж любви «стерильной»,
Что не отнимет сатана…

Устать от Бога – не проблема;
Неутомимых в мире горсть,
Вот ненавидеть – это тема,
Что напевает тайный гость,

Который сам возненавидел
За то, что мир был создан вне
Огня, который он похитил
У святости. И мир в огне…

Но искажённый, возвращённый,
Огонь останется огнём,
И легче будет нерождённым,
Чем тем, кто смог не вспыхнуть в нём...

* * *

Есть две бездны: одна – бездна звёздная,
А другая – бездна греха,
Обе сердце зовут ночью позднею
И сливаются в наших стихах.

Друг ко другу стремятся две пропасти,
Иль abyssus abyssum invoc’t,
Мироздания кружатся лопасти,
Счастлив тот, кто в движеньи поймёт

Скоротечность лукавого времени
И непрочность земной красоты,
Лёгкость данного ангелом бремени
И величие детской мечты…

Мироздания кружатся лопасти,
Разгоняя, как дым, миражи,
Пляшут дети в тумане у пропасти;
Бог их ловит над бездной во ржи…

Яна НОВОСЕЛЕЦКАЯ
Студентка специальности «Литературное творчество»

Короче волосы

Короче волосы – меньше боли.
Белее полосы в чёрном поле.
Короче волосы – меньше страхов.
И громче нет птичьих крыльев взмахов.

Короче сказка – коса потоньше.
Святые люди страдают больше.
Коль слаще сахар – так рот пошире.
Отдай часть страха священной лире.

Короче волосы – больше силы.
Ты даже душу мне изнасилуй.
Чем ярче страсти тогда, в начале,
Тем громче души подчас кричали.

Коса отныне живёт у входа.
Короче косы – сильней свобода.
Чем больше страхи – сложней в начале.
Но твой корабль в порту причалит.

* * *

Хотела весёлую жизнь? Получай!
Пусть каждый напишет о вас пару строк.
Подруга моя, не грусти, выпей чай,
Вот жизнь – и она подаёт свой урок.

Здесь каждый оценит поэта твой дар,
Побьют, обезвредят, и будет потом
Не страшен Вам жизни сильнейший пожар.
Ты бита была – словом, не кулаком.

Оценят, осудят, и будут и вслух
Глумиться и жизнь всю твою обсуждать.
Нос вешать не смей, сохрани твёрдый дух,
Пусть будут они о тебе всё шептать.

Ты милый Икар, и тебе все лететь,
Как девушка-птица, вперёд, твёрдо ввысь.

Пока что, мой друг – остаётся терпеть,
Будь сильной и быстрой, будь хитрой, как рысь.

Идеал

Нашли друг в друге идеал,
И идеалы полюбили.
Придумали и полюбили,
На деле – каждый себе лгал.

Придумали друг в друге счастье,
И стали этим счастьем жить.
Не так уж сложно полюбить
Мечтой рождённое запястье.

Пригрезили друг в друге вещи,
Не свойственные им самим.
Но первого пожара дым
Враньё рассеет сном зловещим.

Нашли друг в друге идеал,
И идеалы полюбили.
Друг друга очень поразили,
Когда вдруг этот образ спал.

* * *

Я очарована тобой
И все во мне сейчас трепещет
Взглянуть – обычен, не герой,
Но в глубине там звезды блещут.

Обычен взгляд, обычен стан.
Душа пестра и необычна!
Не очаровываешь дам,
Меня зачаровал - отлично!

Чужды тебе любви забавы,
Ты неприступен. Ты другой.
Неискушённы твои нравы,
Ты мил, умён, такой смешной...

И как Евгению Татьяна,
Пишу в стихах я о тебе.
И вихри этого бурана
Вверяю я своей судьбе.

Прекрасны голубые дали.
Загадочны, как ты порой.
Так в мире люди посвящали
Свои стихи мечте младой.

* * *

Не лги, не изменяй, не предавай.
Будь добрым злом, и с детства – стариком.
А о свободе в книгах лишь читай,
О жизни разговаривай с котом.

Вина бокал ты до краёв налил.
Ушёл последний в этот день трамвай.
Ты в миллионный раз уже испил
Грусть, горечь и страдания. Прощай!

Даниэль ПЕТРОЧЕНКОВ
Студент специальности «Литературное творчество»

* * *

Небо синее. Ни росчерка крыла,
ни лоскутка, ни облако, ни слова...
Лишь только день вчерашний из окна,
из полотна, из скомканного слова
Растут цветы, топорщатся кряжи.
И мы с тобой, вступая в эти сети,
купаемся как в поле у межи,
как те ежи, что плачут словно дети.

* * *

За оградой подёрнется нить.
Я недавно совсем заметил,
Как с любовью начал ценить
Эту землю, и вербу, и ветер
пронесётся, как встарь по лугам.
Лик любви затуманен и светел.
Но, шагая по тёмным следам,
я скажу, что знаю о смерти.
Так до боли знакомо. Темно.
Я её на пороге приметил,
заштриховано снегом окно,
и тоска, что хозяев не встретил.
За оградой подёрнется нить.
Я недавно совсем заметил,
как с любовью начал ценить
эту землю, и вербу, и ветер.

* * *

По-весеннему свищут леса,
Чуть желтеет крапива по маю.
Замирают людей голоса,
Тишину городов отпуская.

Только птицы поют на ветру.
На пролете златая синица
Облетает в саду мошкару.
Темным яблоням радуга снится.

И задержит мой призрачный бег
Пенной зеленью куст придорожный.
По-весеннему стаял снег,
По-весеннему спит подорожник.

* * *

Синий холод ложится на плечи.
Сколько снега в пути, серебра!

Догорают над озером свечи,
Кто-то ждёт золотого утра.

Кто-то тихо из смелого шанса
Строит грезы небесных светил.
Это я в тишине опускался
В это небо невидимых крыл.

* * *

Мне снится сиреневый сад,
Где желтые падают груши
На листья, в которых горят,
Налившись, небесные души.
Не выложить сад из камней,
Не спрятать глубокую рану,
И только в ночи соловей
Заводит звенящую драму.

* * *

Мы в комнате одни. Ещё темно.
Пока она любовью ворожила,
Тепло моих объятий уходило
В слепое и простывшее окно.
Была зима. И месяц синеглазый
Стелил за солнцем белую вуаль,
Разбив её хрустальную печаль
И нас, несотворенных, разом.

Даниил ПИУНОВ
Студент специальности «Литературное творчество»

Богодул

Тихо, взвалив на больные спины баулы, чапают деревенские старушки от остановки к скромным пятиэтажкам. Последние живые свидетели покосившихся мазанок, сгнивших полов и гуляющей по улицам скотины, бредут они, провожаемые солнцем.

Деревня в Калининском районе раздалась в размерах. Несколько десятилетий назад воздвигли многоэтажные бетонные истуканы. Падают солнечные лучи на выступающие гигантские балконы со всевозможным хламом. Там и герань, и велосипед со сдувшимися шинами, и бабушкины панталоны, помнящие поднятую целину, и дедовские нарды, в которых

проигрывалась и без того нищенская пенсия. Мрут деды как мухи, особенно там, где гости из Средней Азии не справляются с горячим асфальтом. Течет асфальт по всей улице, минуя отделение почты, амбулаторию и продуктовый магазин. Горькие масляные пары вздымаются в воздух, пока старушки продолжают тягать баулы. Таковы жители деревни Калининского района.

Очередная партия прибывших суетливо высыпается из автобуса. «Голубое чудо», точнее, проловоз катится по длинному шоссе. По остаточному принципу раскидывает он горемык и скитальцев Святой Руси, и те, кто выбрался на этой остановке, встречаются взглядом с ним – с Богодулом.

Неотступно глядит Богодул на топающих по вымученной дороге. Сколько слез познал этот путь до бетонных истуканов, до продуктового магазина, в котором водка стоит дешевле палки колбасы. Завтракает Богодул чем придется и редко закусывает хлебушком. Все больше кусает локти, жует старые платья пожилой матери.

Не жесток, а жалостлив взгляд кряжистого мужичка. Сколько ему лет – поди разбери. Одни дают пятьдесят, а те, что помилосерднее, прочат Богодулу долгую и счастливую жизнь.

«Рано тебе, Лешик, к Богу отправляться. Ты еще нам здесь нужен», - успокаивают мыкающегося из угла в угол мужичка.

Поистрепавшиеся штаны с коричневыми пятнами, белая с высохшей рвотой маечка и накинутый пыльный тулуп. Поверх лысеющей бронзовой головы надет выцветший черный картуз. Беспутно болтаются ноги Лешки, сидящего на остановке. Взглянет в душу каждому и каждому хоть чуть, но поклонится. Тяжело упадет полная мыслей голова, неумело прикрученная к маленькому и пухлому тельцу.

Летом Богодул вдоволь наедается какой ягоды и овощной культуры. Идет по жаре, сказочно бает матные частушки и удалые «завихрушки». Завихрушки – что-то среднее между духовной песней и тюремным романсом. Веет от завихрушек глухой нищетой и беспробудным горем. Чапает, как и старушки, по омытой слезливым дождем дороге. Чуть слышится его матный распев, как летит в Богодула когда кабачок, когда ведро клубники, а когда целая капуста. Всему радуется Богодул и жадно подбирает всякую ягодку. Падает розовая клубника в его пасть, летит по длинному пищеводу. Одна за одной ягодки наполняют его ненасытное чрево. Когда же пир кончен, то замертво падает он под черешневым деревом.

Слышится урчащий храп Богодула на всю деревню. Снится тому чудо-юдо рыба кит и северное сияние. Часто приходит во сне кит. Плывет на нем отец-подводник, машет большой рукой с длинными растопыренными пальцами сынку Лешику. Лешик, конечно же, парень не промах и знает, что за китом ему не угнаться. Да и вода больно холодная, хоть и течет

мощный Гольфстрим. Про Гольфстрим им еще в начальной школе сказывали.

«Хорошо Европе, конечно! Вы на их климат-то поглядите! Теплынь, не то, что у нас. У нас и почва плохая, и дорог нет, а все почему? Гольфстрима у нас нет! Только вон в Мурманске. Там хорошо. И мишки, и киты, и северное сияние».

И с теплотой на больном сердце вспоминает Богодул это северное сияние. Лилово-лазурные полосы разливаются на темнеющем небе. Слабо воет далекая метель. Выходят в открытое море рыбаки на самодельных шхунах, ищут свою чудо-рыбу. Совсем чуть-чуть пожили Семеновы на Севере. Считай, и не жили вовсе, хоть и Богодул, и его пенсионерка-мать памятуют страшную гибель «Курска».

Сгинул отец, обещавший прокатить и на лодке, и на ките. До сих пор лежащий под черешневым деревом Богодул прокручивает в голове слова бати, рефлекторно хватается за отпущенную пушистую бороду. Помнят ручки, и тянет их мужичок к небу, будто вот-вот поймает отцовскую бороду.

Но далеко уплывает кит. Уплывает туманный образ погибшего отца, а на Богодула уже ругаются крикливые дачницы. Кроют благим матом, да так, что целая округа просыпается от дневного сна. Гонят Богодула ивовыми прутами и бойцовскими собаками. Собаки свое дело знают, потому лишь валят на землю и громко лают. Желто-ядовитые слюни слетают с их длинных клыков. Сворачивается в клубок, подобно ежику, мужичок и бормочет что-то невнятное. То ли молится Богодул, то ли исповедуется, предчувствуя неладное, да только зовут собак обратно. Кидают зверям громадную белую кость – они и рады.

Лежит мужичок, переворачивается с боку на бок. Ветер погоняет дорожную сухую пыль. Бьет в глаза она Богодулу, и яркое полуденное солнце застит их. Полуослепший от света и пыли ползет на карачках, ищет, как раненый зверь, берлогу. Ноет и жалко блеет Богодул.

Ленивым отрешенным взглядом смотрят на сие зрелище деревенские. До пятиэтажек не меньше сотни шагов от дач, где вынужденно припал к земле мужичок. И бредущие туда-сюда жители гневно хают Богодула.

Бегают вокруг беременные кошки. Понесли они так же, как и мать Богодула: понесли случайно и по какому-то животному, дикому наваждению.

Богодула знает вся деревня, а вероятно, и весь район. Десяток чудных присказок и пошлых басен ходит об этом божьем человеке. В порыве приступа как завоет, как закричит, как припадет к асфальту. Страшно извивается его тело, словно тысячи электрических молний пронзают Лешку.

Корчится, хнычет, зовет на подмогу Бога-отца. И, кажется, когда-то Тот ему отвечает.

Подобно пухлой волосатой гусенице, продолжает ползти он через поле. Поле небольшое, вовсе и не поле, если подумать, а так – поросшее осокой земля. Слышится гулкое «ЛЕША! ЛЕША!» Во всю глотку ревет мать Богодула.

Пенсионерка, заметив, что давно не видела сына во дворе, резко выскакивает на улицу. Неряшливый вид ее производит унылое впечатление на соседей, осевших на лавочках. Кумушки беспокойно пожимают плечами. Медведица ищет своего божьего медвежонка, и чуткий нос улавливает знакомую вонь.

Богодул моется от силы раз в неделю, все чаще принимая солнечные ванны. Хорошо летом выйти в одних драных трусах с распростертыми руками. Ходит Богодул павой, всем кланяется и предлагает обниматься. Разит от него недюжинным перегаром: водка все так же дешевле колбасы. Вороны, примечающие мужичка, стыдливо каркают, и неясно, насмехаются ли они или завидуют. Диву дается деревенский люд, лицезрящий милые складки волосатого живота.

Спекшийся на солнце смуглый живот выпадает из натянутых до пупка трусов. Стоит Богодул, устремив одну руку к небу, как Статуя Свободы, и греется на солнце. Где-то вдали его друзья по бутылке. Вокруг только бутылки и просроченная килька: просроченную отпускают почти задаром.

Плывет в голове образ отца и жены. Оба сгинули, одна от рака, другой от головотяпства начальствующих, но оба живы в его больном сердце. Тяжело дышит мужичок. Очаровательный смрад исходит от него. Испепеляющее деревню солнце нещадно палит Богодула. Борется с ним природа, но и она сгибается перед стальной волей Богодула: заволакивают светило грозовые тучи.

Пройдет или не пройдет гроза? Поди знай. Деревенские торопятся сдать анализы, купить водку и забрать письма, пришедшие с Большой Земли. Чуть закрапает дождь – разбегаются врассыпную жители, кто в дачный домик, кто в двушечку на пятом этаже, а кто в сарай.

Богодул вспоминает, как познакомился с будущей женой. В разговорах с матерью и друзьями-подвижниками вспоминает ее как «Богородицу». Чем приглянулся ей он, поцелованный Богом и одновременно этим же Богом проклятый? Вечная отдышка, пигментные пятна на все лицо и в довершение к прочему злокачественные язвы на теле.

Богодул вспоминает, как она впервые взяла его за руку, прикоснулась к стянутой грубой коже, точно выдубленной. Летними вечерами ходили они мимо дачных участков, заглядывали за забор и здоровались с деревенскими. Ее шелковистые волосы цвета блонд легко развевались на

сильном августовском ветру. Соловей, спрятавшийся в кроне листьев, задавал ритм их долгим романтическим прогулкам.

Однако всему приходит конец. Какая-то остервенелая тетка, несмотря на мелко капающий дождь, добротно врежет «психу». Мужичок падает громко. Незлобный вскрик вырывается из его больной груди. Тетка вдавливает грязным острым каблуком червяка в землю, бьет дешевой сумкой с Мигаловского рынка и жалуется на поборы. Сегодня она уплатила несколько тысяч за ЖКХ и должна отыграться хоть на ком-то. Пускай это будет бы Богодул.

Всякий на Святой Руси любит и ненавидит ближних. Елейно шепчутся соседушки Семеновых, глядящие на площадной смрад. Одиноко лежит Богодул, и, кажется, порванные трусы топорщатся от набегающего ветра.

Друзья Богодула наконец поднимают того и ведут к матери. Находят они его и после долгого ползанья по грязной русской земле. Часто находят друзья и часто ведут на поклон к матушке. Она разражается праведным гневом и уже сама поднимает его к Богу – на их благодатный и многострадальный третий этаж.

У Любки свой ум, заходящий за разум. Последний ум она бережет как зеницу ока и не дает никому отобрать его.

«Всем хихоньки да хаханьки. Ничего, Лешик! Вернется им, вернется! Женку твои они в могилу свели. А че им стоило на терапию собрать? Гроши, а поскупились. Подонки, ублюдки! Выродки, Лешик. Че ж ты ходишь на площадь на потеху им?».

Гневная тирада может длиться до получаса. Пока Любка выстирывает грязные портки сына вручную, сама не зная зачем, Богодул сидит на кухонной табуретке. Любопытствующим взглядом обводит он знакомый натюрморт: банка с чайным грибом, накрытая рваной марлей, отклеивающиеся обои с розовыми цветочками и жужжащими над ними шмелями, гора немытой посуды. У Любки много дел, хотя, казалось бы, живут они смирно и ладно. Заглядывают к ним нередко. Когда заглядывают, то обязательно чего подворовывают и пакостят.

Богодул пускает всех в дом. Пока мать едет в город по делам, к ним наведываются горемыки со всей Святой Руси. Балаган стоит в квартире, но мужичок рад тому. Гостей он встречает в майке парадной, то бишь без высохшей рвоты, и теплых тапочках. По лету тапочки меняются на вьетнамские шлепки, правда, пахнущие той самой Святой Русью.

Пахнет она смрадом. Пахнет она русским ладаном и милой хтонью. Бродит хтонь по деревне и заглядывает на огонек к Богодулу. В девчушках видит он помершую женку, первую и последнюю на данный момент. Друзья по спиртному успокаивают Богодула, хвалят его пятна и вовсе не смеются. Так, разве что подтрунивают, с кем не бывает? Всем показывает зо-

лотой браслет жены, на которой он копил несколько лет. Еще хранит браслет неведомый другим запах сирени и юности. Нюхает вдоволь Богодул, ласкает его и приговаривает, как тоскует по своей «Богородице».

Тепло на душе у полуслепого Богодула. С каждым годом видит он все хуже, и бродить по деревне становится труднее и труднее. Уже не различает, кто входит к ним на квартиру. Пустой взгляд у мужичка, окруженного ведьмами и бесами. Бесы пляшут вокруг Богодула, звенит их противный гогот, и безостановочно топают и верещат они.

Вечерами Богодул хмуро глядит в окно. Медленно спускается на деревню тьма. Наступает холодная осень. Неспешно буреет и рыжеет листва. Сбрасывают деревья, как вышедшие из моды платья, почерневшие листья. Догнивают те на мрачной и скудной русской земле. Со временем ветер уносит их.

Уносит ветер и жизни людей. Ветер давно унес жизнь отца-подводника, унес жизнь первой и последней жены. Богодул смотрит на девиц, покупающих пиво в продуктовом магазине. Девушки несут целый ящик: вероятно, кому-то исполняется шестнадцать. Гладит себя мужичок по впалым щекам, засовывает пальцы под мышки, а после нюхает их. Пахнут, как и прежде, Святой Русью. Есть в мире нечто постоянное, что не подвластно даже ветру.

Туманным октябрьским днем Богодул выбирается наружу. Жалобно, уныло собирает он копеечку на проезд. Легенда, по его разумению, рабочая и ходовая: мать приболела, нужно съездить за лекарствами. Деньги на лекарство, разумеется, есть, а вот проезд…

Набирается со всей деревни рублей сто, не больше. Но куда же ехать, когда водка подешевела? Да и не на проезд собирает Богодул, а на любимую смазку русской души, без которой не едет ни одна машина, не работает ни одно предприятие и не заводится ни один автобус.

Волшебная горячая водка. Как могуча и тепла она, как благодатны ее силы, поднимающие на ратный подвиг! Да какую ж водку купить на сто рублей? Одной чекушкой мужичок явно не насытится, а взять более и неоткуда.

Холод находит на притомившегося от сборов подати Богодула. Падает Лешка: новый приступ, а после лежит, но не под черешневым деревом, а под разваливающейся худой скамейкой. Начинает моросить противный октябрьский дождь. Со временем он переходит в ливень.

Снится Богодулу чудо-юдо рыба кит с подводником-отцом. Он катается не один, а вместе с умершей женой. Машут они задубевшими синими руками, такими же синими, как и Богодул.

Мать поехала с утра пораньше в город. После обеда возвращается Богодул домой. Дверь не закрыта, хотя явственно помнит, что выходил он последним и на ключ закрывал. И ключи с собой, и точно закрывал.

Врывается Лешик в квартиру. Стоит странный, доселе незнакомый, чужой запах. Все вроде так же, как и прежде, но чего-то не хватает в застекленной стенке. Спаситель и Богородица продолжают тоскливо взирать на Богодула. Гневно рыщет он браслет, единственно святую и истинно дорогую вещь. Яро разрывает он старые ящики, срывает дверцы. Падает стекло, режет потные руки. Алая кровь течет по ним, капая на нестираный ковер. Пуста шкатулка с драгоценностями, а вместе с ней пуста и душа Богодула.

«Нет браслета…Нет его…»

Припадает раненый мужичок на колени и жутко ревет, мечется, обращаясь к Богу. Просит он заступничества и кары для похитителей. И короткая полоса света входит в комнату матери через окно. Загорается лампочка в усталой головушке Богодула. Знает мужичок, где искать пропажу.

Ему Бог поможет, вернее, уже помог! Стремится Богодул на темную улицу, а в руках острый стальной нож. Со всей бычьей яростью кидается Богодул на пьянствующих на лавочке друзей: в нем вся жизнь, несправедливая и жестокая.

Короткая потасовка, взмахи стального ножа, блеск холодного металла, брызги крови, и двое собутыльников замертво лежат у срамных кустиков.

Выпадает нож из уставшей, окровавленной руки Богодула. Не знают они ни про какой браслет, но как же не знают? Как можно не знать, когда он точно знает и знает Бог, всевидящий и всемогущий?

Быстро приезжает полиция. Два трупа, множество свидетелей и сам Богодул, поцелованной Богом и этим же Богом проклятый.

Везут непонимающего мужичка в Бурашево: там ему самое место, приговаривают соседушки. О психиатрической экспертизе особо пеклась Любаша, и, кажется, впервые в их нищей жизни хоть что-то да выгорело. Богодула по суду признали умалишенным, ведь наблюдался он, наблюдался! Кто ж не наблюдался в наши дни? Наблюдался и он. Всяко лучше, чем в тюрьму к уголовникам.

Молчаливо следит он за соседями по палате. Белье хоть и редко, но все-таки меняют. Облупившаяся штукатурка тихо сыплется по ночам, когда Богодулу снится чудо-юдо рыба кит и все его любимые люди: батек, матушка и женка, то есть Богородица.

И кто поспорит с тем, что жизнь есть штука коварная и непредсказуемая? Пожалуй, лишь поклонники творчества Александра Грина.

Богодулу читают вслух «Алые паруса». До боли в сердце отзывается эта история в душе мужичка, и, смахивая скупую слезу, Богодул молится на иконку, подаренную матерью, понимая, что навсегда останется он в этом забытым Богом месте.

Василиса СОЛОВЬЁВА
Студентка специальности «Литературное творчество»

Рай под ногами матерей

Женщина за рождение ребенка получает награду
как за 70 лет намазов и держания поста.
И награду 1 хаджа за боль, которую она перетерпела.
Хадисы о женщинах

Где-то далеко, во впадине Каттара, Сиву накрыла песчаная буря. Живописный оазис на одну прохладную ночь отдался в плен Ливийской пустыне. Крохотные белые дома из самана тесно ютились меж двух озер. Гнев стихии мог не утихать до самого рассвета, но эта ночь была особенной.

Ханифа осторожно пробиралась через оливковую рощу в сторону горы Дакрур. Каждый шаг все больше и больше отдалял ее от дома и от Бога. Она сама выбрала путь в один конец: Сива примет ее обратно только с позором, а до ближайшего оазиса сотни километров. Остается погибнуть в пустыне, отдаться жаждущей чьей-то смерти буре.

Подол черной абайи цеплялся за сухие ветви пальм, Ханифа боялась, что шорох привлечет берберов. О них девушка узнала, когда ее старшую сестру Рабию прошлой весной выдали замуж. Отец всю жизнь торговал финиками, мать шила одежду – худо-бедно справлялись, но стать одной семьей с зажиточными берберами был шанс на миллион. Во время никяха сестры Ханифа увидела одну крохотную слезинку на смуглой коже невесты. Тогда она поняла, что совершит обряд только полюбовно.

И снова весна принесла горе Ханифе. Настала ее очередь покидать отчий дом. Даже крупный размер махра не остановил жениха. «Почему я?! Мы бедные арабы, зачем я вам нужна?!» - сорвалось с уст девушки за пару часов до побега. Она отмолила свой проступок и совершила новый непоправимый – предала семью. А предать родителей – это предать Аллаха.

Сердце беглянки разрывалось на части. Она кралась уже несколько часов, оставив оливковую рощу позади. Кожа на голых ногах покрылась царапинами – сухие листья на земле не хотели пускать ее вперед. Теперь, когда перед Ханифой бескрайняя пустыня и ни единого деревца, буря могла овладеть ею, а безжизненное тело превратить в одинокую песчаную дюну. Но смерть не подступала. Хиджаб скрывал густые черные волосы, а в открытое лицо безжалостно бил крошечный песок. Ураган, уносящий несколько душ каждую ночь, обходит стороной одинокую мусульманку. «Даже природа отвергает меня», - подумала Ханифа и, молясь про себя, продолжила путь в непроглядную песчаную завесу. Девушка и предста-

вить себе не могла, что ее оберегают. У каждого человека есть свое предназначение.

Тонкие босые ноги почти по колено проваливались в песок. Горизонт закрывали возвышающиеся дюны. Здесь, вдалеке от обжитого оазиса, песчаная буря решила успокоиться и оставить беглянку одну. Стало легко дышать, только в глазах чувствовались крошки песка, но арабка с детства привыкла к этому. Гора Дакрур была от нее в паре шагов, но силы покинули юное тело. Черный силуэт медленно опустился на остывший песок. Безликое пятно на бескрайнем светлом полотне.

Вдруг Ханифа услышала медленные спокойные шаги. Поднявшись на локти, беглянка увидела верблюдицу с детенышем. Животное стояло у подножья горы, умным взглядом рассматривая незнакомку. Весна. У самок рождаются верблюжата, которых они защищают ценой своей жизни. Ханифа видела детеныша впервые, у верблюдиц тяжело проходят роды, поэтому зачастую малыши рождаются мертвыми. Дикая верблюдица закрыла левой ногой свое дитя, но оставалась спокойной. Животное могло убить девушку, как и недавняя буря. Верблюжонок на тонких ножках неопытно шагнул и пошатнулся, издав жалобный крик. Почувствовав запах материнского молока, он обхватил губами ближайший к нему сосок и удовлетворенно причмокнул. Веки с длинными ресницами опустились – детеныш чувствовал себя в безопасности с матерью. Ханифе казалось, что с каждым глотком у новорожденного верблюжонка крепли ножки и курчавая спинка, а верблюдица становилась счастливее. На щеку девушки упал первый лучик солнца. По телу пробежала сильная дрожь от осознания смысла ее пути. Немного приподняв подол абайи, Ханифа поспешила забраться на гору, а верблюжонок продолжал сосать молоко матери.

В детстве беглянке казалось, что путь на гору занимал несколько часов. Но сейчас, наполненная жизненной силой, она успела на главное представление – величественный рассвет над дюнами Ливийской пустыни. С высоты Сива оказалась крошечным оазисом, застрявшим меж двух озер. Оливковая роща с кривыми рядами пальм замерли в ожидании бурной жизни. С высоты казалось, что ее дом находится в паре шагов от горы, но ночью длинный путь был жестоким испытанием не только для тела, но и души. Ханифа приложила руку к животу, в ней зажглось желание ощутить внутри себя маленькое дитя. Она снова вспомнила умиротворенную верблюдицу. Беглянка не предала родителей, ей просто нужно было увидеть. Она осознала свое предназначение.

Здесь, на вершине горы Дакрур, находясь ближе к Богу, девушка смирила свои чувства. Она не сможет подарить любовь мужу, но создаст семейный уют. Любовью будет окружено ее дитя, как маленький верблюжонок. Ветер пустыни принес звуки городской суеты – Ханифа поспешила домой, пока родители не заметили ее пропажу. Верблюдица с де-

тенышем ушли, или их вовсе не существовало. Может быть, они были миражом, созданным Аллахом. Истину знает только пустыня.

Лиловый платок

Пусть они (женщины) не показывают свои прикрасы,
кроме того, что бывает явным из этого...
Сура «Свет», 24:31

Над заливом Кушадасы медленно прилегло солнце на оранжевый теплый бочок. Теплый ветер ласкал окрашенные в мед волны, а пена от них стелилась тонкой пузырьковой тканью на прибрежный песок и, недовольно шипя, лопалась, оставляя после себя незаметные крупицы морской соли. Бескрайний водоем выплюнул на берег очередной пузырь, огромный, словно его надули из мыльной воды. Не успел он раствориться в воздухе, как к его хрупкой головке прикоснулся тонкий палец.

– Хлоп! – по встречающему вечер берегу пронесся звонкий женский смех.

Высокая девушка стояла босиком на мокром песке и зарывалась в него пальцами ног. Подол ее длинного лилового платья время от времени подбрасывал ветер, заставляя намочить край ткани. Ее большие глаза, выглядывающие из-под густых черных бровей, внимательно искали большие прибрежные пузыри.

– Азаде, в мире так много интересного, а ты охотишься за воздухом! – крикнула девушке пухлая мусульманка, облаченная в изумрудное бархатное платье.

Гюльсум и ее подруга Айсегюль всегда приходили вечером к заливу, чтобы проводить солнце. Азаде любила подруг, с которыми росла по соседству, но ее привлекало море.

– Знаешь, Гюльсум, воздух в этих пузырях мог побывать в любой точке мира, а потом добраться до Кушадасы, – ее лицо покрыл розовый румянец, она задумчиво взглянула на пунцовый горизонт, – Хотела бы я, как этот пузырик, путешествовать по морю... – Азаде сказала это так тихо, чтобы подруги не услышали.

Айсегюль всегда брала покрывало и чай. Три молодых мусульманки расположились на траве недалеко от берега. Как только солнце скрылось за горизонтом, стало быстро смеркаться. Девушки обеспокоились, все, кроме Азаде.

– Пейте скорее, мои золотые, иначе чай остынет! – Айсегюль бережно подняла армуду – традиционную «приталенную» чашку – и сделала небольшой глоток. Подруги повторили за ней.

– Ох, Айсегюль, твой чай самый лучший из тех, что я когда-либо пила! – воскликнула Гюльсум, уже осушив половину армуды.

Хвальба переросла в женскую болтовню о платьях и платках. Азаде поддерживала беседу, но ее взгляд был устремлен на залив, водная гладь которого мрачнела с каждой секундой. На небе засветилась луна, свет которой весь день перекрывало яркое солнце. Сердце девушки сжалось на мгновение: сколько осталось таких безмятежных вечеров? Они выросли, и родители уже ведут разговоры о женитьбе. Возможно, кто-то из них покинет маленький город, и они больше никогда не встретятся.

– Девочки, хочу признаться кое в чем... – перебила подруг Азаде.

Гюльсум и Айсегюль вопросительно взглянули на нее:

– Ты любишь Озгюра?! – хором произнесли они.

Азаде вновь покраснела и отвела взгляд в сторону. Озгюр был почти ее женихом. Его родители уже приходили свататься, желая поскорее забрать к себе в дом такую красавицу. В детстве они много времени проводили вместе. Когда Озгюр дергал Азаде за длинную черную косу, его отец смеялся и упрекал: «Не нужно, сынок, лучше любуйся волосами – украшением всех девочек и женщин, вскоре она покроет их платком, и ты сможешь увидеть их только после свадьбы!» Конечно, маленького хулигана это не остановило.

– Вы знаете, что наши родители давно решили все за нас! – отмахнулась Азаде, сдвинув черные брови к переносице.

– Айсегюль вообще хотят выдать замуж за незнакомца, а вы очень много времени проводили вместе. Признаюсь, какое-то время Озгюр мне нравился, но он так влюбленно смотрел на тебя, что меня это остановило, – поделилась Гюльсум, поставив пустую армуду на покрывало.

– Я не хотела говорить о мальчиках, Гюльсум! Подожди хотя бы минутку! – былое желание откровенничать приутихло, но Азаде чувствовала, что нужно это сделать сейчас. – В последнее время мысли о будущем часто залезают мне в голову. Кто знает, когда мы покинем родной дом. Я хотела сказать, что безумно люблю вас двоих, несмотря на все раздоры, что были между нами, – под конец речи голос девушки задрожал, и по щеке скатилась маленькая слезинка.

– Азаде-е-е! Теперь я тоже буду плакать! – пропищала Айсегюль и обняла ее. – Мы тоже тебя любим и не хотим потерять!

Гюльсум молча приобняла двух рыдающих подруг, а терпкий турецкий чай уже остыл.

Несмотря на относительную зрелость, родители очень ругались на дочерей, когда они приходили поздно. Поэтому после плача и теплых признаний девушки допили холодный чай и принялись собирать вещи. Шум моря снова перекрывал звонкий смех. Гюльсум увлеченно рассказывала о своем новом платье, которое она сшила сама, как вдруг резко смолкла.

– Что случилось? Призрака увидела? – пошутила Айсегюль и толкнула подругу в бок.

– Пришел Озгюр! – шепнула она и с особой кропотливостью поправила хиджаб и платье.

Азаде посмотрела в сумерки и увидела, что силуэт высокого юноши выглядывает из-за дерева. Когда он понял, что его рассекретили, безмятежно оперся о широкий ствол, скрестив руки на груди.

– Как ты вообще смогла разглядеть его в такой темени? – удивилась Азаде.

Гюльсум промолчала. Она стыдливо покраснела. Казалось, ее пухлое лицо сейчас могло осветить весь пляж, как костер, но девушки не заметили этого.

– Ладно, мы пойдем, а ты догоняй нас! – шепнула Айсегюль подруге в лиловом и, прихватив подмышку покрывало, потащила Гюльсум в сторону дома.

Азаде не успела ничего ответить подругам, ее мысли спутались, а сердце одолел бешено-приятный страх. Силуэт начал приближаться, а она панически терла ладони о платье, чтобы избавиться от выступившего пота.

– Мы не должны оставаться наедине, Озгюр, – промолвила Азаде томным голосом и усмехнулась.

– А вы не должны задерживаться у залива допоздна, я волновался, – голос юноши действительно был обеспокоенный.

– С нами ничего бы не случилось. Ты же знаешь, какие у меня отважные подруги! – Азаде сделала шаг навстречу, и ее смуглое лицо осветил луч луны.

Озгюр жадно пробегал взглядом по каждому сантиметру ее лица, что было не закрыто хиджабом. Осознав, что он нагло рассматривает ее, опустил голову.

– У тебя выбилась прядка из-под платка. Извини за такое замечание, я бы поправил сам, но Аллах накажет меня, – из-за волнения юноша начал дергать себя за края не заправленной рубашки.

Азаде прикоснулась пальцами к щеке и почувствовала волосы. Видимо, пока они с подругами обнимались, непослушные пряди выскочили из подхиджабника. На секунду девушка опешила от стыда, но задумалась. Это всего лишь волосы. Некоторые мусульманки ходят непокрытыми, но продолжают верить в Аллаха и любить только его.

– Не нужно винить себя, Озгюр, – Азаде подошла к возлюбленному и прикоснулась к его кистям, – Когда-то в детстве ты дергал меня за волосы, помнишь? – девушка усмехнулась и весело отскочила от него.

Казалось, что сама луна заинтересовалась происходящим на Земле, поэтому становилась все ярче и ярче. В темно-карих глазах Азаде можно было разглядеть лунный огонек, который придавал им очаровательный блеск. Одарив юношу кокетливой ухмылкой, она резко отвернулась от не-

го и начала медленно идти вперед. Будто заколдованный, Озгюр двинулся за ней.

Деревья у залива отбрасывали огромную уродливую тень, но тем самым делались непримечательными для двух влюбленных. Они даже не подозревали, что Гюльсум и Айсегюль не убежали домой, а подсматривали, расположившись за густыми растениями.

– Гюльсум, подсматривать нехорошо. Пошли домой, – Айсегюль начала тянуть подругу за руку. Та недовольно буркнула:

– Хочешь – иди. Мне интересно, что они будут делать! – ее голос обретал злые нотки, которые совсем не понравились девушке.

– Даже если они поцелуются, Азаде потом нам сама расскажет! Это их личная жизнь! – настаивала она на своем.

– Это не личное, а харам. Я чувствую, что они на грани предательства поучений Мохаммеда, а это – предательство самого Бога!

– Если они совершат подобное, Аллах их накажет сам, мы не должны влезать в это!

Гюльсум помедлила с ответом:

– Мы можем проучить.

Айсегюль разозлилась и ушла домой, оставив любознательную Гюльсум сидеть в засаде.

Азаде понимала, что сегодняшний вечер точно особенный. А все началось с пузырька, который приплыл из неизведанных мест. Она чувствовала себя свободной, но понимала, что это лишь на мгновение. Такими моментами нужно пользоваться сполна. Девушка отколола шелковые кончики лилового платка. Он, словно плавленый шоколад, стек на ее острые плечи. Два пальца ловко поддели подхиджабник, и он выпустил на свободу густую копну черных волос. Локоны, отражающие блеск луны, пружинисто свесились и стали покачиваться на легком ветру. Азаде наклонила голову и с интересом наблюдала за возлюбленным из-за плеча. Хиджаб упал с ее платья на песок. Озгюр замешкался, но подошел, осторожно взял платок, будто это хрусталь, и протянул девушке.

– Твоя красота не достойна меня, Азаде, скоро я стану твоим мужем и буду любоваться до тех пор, пока не умру, – она взяла шелк, и он отошел, – Я не забуду этот вечер. Сейчас мной двигает желание только быть с тобой. Надень платок, пока кто-то не увидел то, что ты бережешь для меня. И нужно отправляться домой.

Озгюр отвернулся, чтобы не смущать Азаде, пока она убирает волосы и покрывает голову. Ее сердце неумолимо стучало, будто она показала волосы не перед тем, кто будет ее мужем, а перед толпой незнакомых мужчин. Запретный плод сладок, но она доверяла юноше и знала, что он не раскроет их маленький секрет. Молча они направились домой.

Когда родители Азаде увидели, что дочь вернулась с Озгюром, они не стали ругаться. Девушка мигом побежала к себе в комнату, и счастливая провалилась в сон. Ей показалось, что кто-то пришел в гости, но, возможно, это было только в сновидениях.

Посреди ночи ее разбудил шорох в комнате. Уже заранее Азаде стала проклинать младшую сестру, которая любила приходить к ней в спальню из-за кошмаров. Девушка не успела открыть глаза, как на ее голову натянули мешок и затянули веревкой вокруг шеи. Она снова провалилась в забытье.

Азаде пришла в себя, когда ее стали хлестать по щекам. Луна, деревья, шум моря. Она снова у залива, на своем любимом месте. Перед ней стояли отец и старший брат.

– Что происходит? Кто-то похитил меня из кровати! Папа! Вы нашли тех, кто это сделал? – девушка попыталась встать, но была очень слаба.

Она заметила, что отец смотрел на нее таким гневным взглядом, которого никогда не видела на его лице. От осознания по телу пробежали колкие мурашки – это он наказал отнести ее сюда. Глава семьи молча бросил ей на колени ткань. Азаде смогла разглядеть в ней лиловый платок, которым сегодня она покрывалась.

– Кто тебе сказал? – она пыталась сохранять твердость голоса, но он предательски дрожал. Девушка не могла поверить, что Озгюр ее предал.

– Неравнодушный раб божий, – рявкнул отец и, схватив дочь за грудки ночного платья, поднял ее перед собой, – А может, мне не все рассказали? Может, ты сняла не только хиджаб перед мальчиком? Конечно, он бы не признался в этом. Позор! – на щеку девушки вновь звонко опустилась тяжелая ладонь.

Азаде охватил горький плач, но она теперь поняла, что рассказал обо всем не Озгюр.

– Отец, я не делала ничего плохого! Ведь есть девушки, которые не покрываются! Почему мне нельзя? – завывала она.

– Сначала они перестают покрываться, потом не сохраняют целомудрие до свадьбы. Ты хочешь быть такой же? Посмотри на свою мать – пример достойной мусульманки, верной жены и прекрасной матери. А что вырастит из тебя после такого?! – кричал разъяренный мужчина. Старший сын послушно стоял рядом и молчал.

– Я не хочу ходить покрытой, отец, но это не значит, что мое сердце не покрыто и не защищено от грязи!

В бешенстве отец толкнул Азаде. Девушка упала навзничь, а платок выскочил из ее руки, упал рядом.

– Твое сердце уже в грязи, и так просто ее не отмыть. А теперь поднимайся, пока ты не опозорилась на весь город.

Но его дочь не встала. Тонкая струйка крови стекала по камню, о который она ударилась головой при падении. Глаза в последнюю секунду жизни смотрели на луну, но ее блеск, как ни старался, не мог оживить их. Поднялся сильный ветер и, подхватив лиловый платок, унес его в неизвестном направлении. Возможно, куда-то за море, где не удалось побывать его хозяйке. Так шелк, пущенный по ветру, благодаря силам природы и воле Аллаха помог душе Азаде почувствовать свободу.

Алла СОЛОМИНА
Студентка специальности «Литературное творчество»

Яблоко раздора, или Когда болит сердце

Был солнечный летний день. На берегу реки, шумно несущей свои сверкающие воды в неизвестную даль, на зелёной мягкой траве, сидела девушка. Лёгкий ветерок играл с её длинными светлыми волосами, рассыпавшимися по спине. Она была как-то неестественно бледна, а на лице застыла грустная улыбка. Видимо, девушка глубоко задумалась о чём-то. Вдруг какой-то шум вывел её из оцепенения. Она встревожено осмотрелась, и когда поняла, что рядом никого нет, подумала, что это рыбки, плескаясь в воде, нарушили тишину.

Девушка глубоко вдохнула, и запах летних трав, цветов, тёплой речной воды наполнил её лёгкие. На несколько секунд она закрыла глаза, чтобы полностью отдаться этому моменту. А потом взяла ручку и бумажный листок, подложив под него толстую тетрадь. Согнула слегка колени, чтобы было удобнее, и начала писать:

«Здравствуй, сестрёнка! После долгих раздумий всё же решила написать тебе это письмо. Ты, наверное, засмеёшься, читая эти строки, и потянешься к телефону, чтобы набрать мой номер и спросить, что за игру я затеяла. Но прошу тебя, пожалуйста, дочитай это письмо до конца и тогда ты всё поймёшь. Дорогая моя, последнее время я часто думала о жизни, воспоминания особенно часто возвращают меня в наше детство. Ты помнишь? Столько страданий выпало на нашу долю, на хрупкие плечики двух маленьких девочек, которые очень рано потеряли родителей. Сначала приют. Удивишься, но я много помню о нём, хоть и была ещё совсем крошкой. Все испытания и лишения там мы смогли с гордостью перенести, потому что были друг у друга. Ты всегда держала меня за руку, а я шла за тобой, чувствуя силу и уверенность. А ты ведь всего на три года старше меня. Дальше приёмная семья. Я не могу без содрогания вспоминать это время, уверена, и ты тоже. Бедные наивные девочки думали, что обрели семью, а оказалось, попали в кошмар, который, к сожалению, никак не развеивался с наступлением утра. Эти люди оказались жестокими и бес-

сердечными. Сколько страданий и мучений, физических и душевных, заставили они нас вынести! А сами наслаждались нашей болью, детскими горючими слезами. Прости, что заставляю вспоминать об этом. Но именно в этот период я совершила поступок, за который никак не могу себя простить. Это произошло 20 лет назад, а для меня словно вчера. Тебе тогда было 7, а мне всего 4 года.

Была осень. В тот день моросил дождь, когда мы бродили продрогшие и голодные по улице, лишь бы не возвращаться подольше в тот ужасный дом. Тогда мы мечтали лишь о том, чтобы что-нибудь найти поесть. В этот день даже добрая соседка не смогла нас покормить, иногда она давала нам стакан молока и немного хлеба. Как она говорила, что давала бы больше, но ей нужно кормить еще и своих двух дочерей. Она словно бы извинялась перед нами. Но мы были счастливы и тому, чем эта прекрасная женщина могла с нами поделиться. Лишь благодаря её сердечности мы не умерли с голоду. Но в тот день её не было дома. Помощи ждать было неоткуда, можно было только надеяться на чудо…

И чудо произошло. Уже собираясь возвращаться, мы увидели у старого забора яблоко. Ярко-красное, оно так и бросалось в глаза, лёжа на жёлтой пожухлой траве. Нашей радости не было предела. Мы смотрели на него с улыбкой и одновременно с чувством страха и смятения. Две девочки, так похожие друг на друга, только у одной из-под шапочки выбивались тёмные локоны, а у другой светлые. Тёмно-синие глаза, бездонные, словно глубокое море, напротив нежно-голубых, цвета ясного летнего неба. Мы старались не выдавать своих эмоций, но внутри каждой из нас всё бурлило. Чувство голода боролось с чувством собственного достоинства. Как подойти и поднять с земли кем-то брошенное яблоко? Но понимая, что медлить больше нельзя и надо действовать быстро, пока никто не увидел, ты сказала мне: «Сходи, подними его». И когда яблоко оказалось у меня в руках, я думала, что мы сейчас же его съедим, но ты сказала: «Спрячь в карман, чтобы никто не увидел. Потом, когда все лягут спать, ты сходишь за ним, и мы его съедим напополам». И как ни хотелось мне уже откусить кусочек от этого яблока, я всё же послушалась тебя и сделала так, как ты сказала. Убедившись, что яблоко в кармане лежит надёжно, что оно случайно не выпадет из него, мы пошли в сторону дома.

Наступила ночь. Все уже спали, только мы с тобой не могли сомкнуть глаз. Потому что представляли, как будем есть яблоко, что лежало в кармане маленькой розовой курточки. Тогда я не обращала внимания даже на холодный жесткий пол, который был мне вместо постели. Я ждала, ждала и ждала…Как вдруг услышала твой голос:

- Анюта, ты спишь?

- Нет,- прошептала я в ответ.

- Сходи за яблоком, все уже уснули.

Долго уговаривать меня не пришлось. Я в полной темноте, больше на ощупь пошла в уличный коридор, где висела моя куртка. Глаза никак не могли привыкнуть к темноте, я долго там копошилась, водя руками по стенам, чтобы найти то, что мне было так нужно. Время шло, я боялась быть пойманной в неподходящий момент, уже хотела было сдаться, как вдруг почувствовала что-то круглое под своей ладошкой. Быстро вытащив яблоко из кармана, я поторопилась вернуться в дом. Ловко юркнув под тонкую простынь, ту, что служила мне вместо одеяла, засунула яблоко под подушку.

Ты спросила меня, принесла ли я яблоко. И тут вдруг, сама не понимаю, как это случилось, я ответила, что нет, я его не нашла. После этих слов, я подумала, что просто пошучу над тобой. Но вышло всё совсем подругому.

Я всё тянула и не доставала яблоко из-под подушки, прислушивалась к ночным звукам. Ты больше ничего не спрашивала у меня. И тогда я подумала, что ты спишь.

Я решила достать яблоко, съесть половину, а оставшуюся часть оставить тебе и отдать утром. И тогда я стала потихонечку, думая, что никто не услышит, есть яблоко. И чуть не закричала от неожиданности, когда услышала твой голос:

- Я ведь слышу, что ты ешь яблоко. Поделись со мной.

Но я уже не могла признаться, что обманула тебя, и продолжила твердить, что у меня ничего нет, что я не смогла найти яблоко в темноте, а возможно, оно вообще потерялось. И тебе что-то просто могло послышаться спросонья. Вскоре ты оставила меня в покое, наверное, уснула. Я продолжала есть яблоко, понимая, что не смогу остановиться, пока не съем его всё. Но внутри меня появилось какое-то странное неприятное чувство, казалось, будто камень придавил меня. Уже в 4 года я понимала, что совершила ужасный поступок. Из глаз моих текли слёзы, обжигая щёки словно огнём, и, соленые, они перемешивались со сладостью яблока. Я пыталась оторваться от него, но мой желудок был совершенно против, и я пошла у него на поводу. Чтобы не оставлять доказательств своего ужасного поступка, я съела даже огрызок. Потом я заснула. А утром, когда проснулась, ты уже была в школе. А я всё время, пока тебя не было, терзала себя мыслями о том, как могла так поступить. Думала во всём сознаться и попросить прощенья. Но когда ты вернулась, ни словом не обмолвилась о вчерашнем, как будто ничего и не было. С тех пор я почувствовала, что между нами встала преграда, что-то надломилось в наших отношениях, и прежнего не вернуть. Так мы и молчали столько лет. Ты никогда не вспоминала этот случай, я пыталась забыть, чтобы не терзать себя, жить дальше. Но этот поступок не прошёл для меня бесследно. Он спрятался где-то в

самой глубине моего сердца и точил его изнутри. Наверное, уже тогда эта страшная болезнь зародилась в нём.

Да, моя дорогая. Недавно мне поставили диагноз: ишемическая болезнь сердца. Согласна, звучит странно и непонятно. Конечно, все эти научные термины я не запомнила, но одно поняла точно. Ситуация у меня уже запущенная, надежды на операцию возлагать не приходится. Врач сказал, что сердце, скорее всего, не выдержит и остановится во время её проведения. В общем, я могу умереть в любой момент…»

Тук…тук-тук…туууук… Сердце девушки как будто бы пропускало удары, ей становилось тяжело писать. Появилась боль в груди, и она прижала руку к сердцу, а взгляд своих голубых глаз подняла к небу, прося у Господа ещё хотя бы несколько минут.

«Сестрёнка моя, ты только не расстраивайся сильно, я уже осознала, что меня ждёт, и мне почти не страшно. Для меня сейчас самое главное – попросить у тебя прощения за то, что когда-то я так поступила, зная, что ты тоже была голодной, и то яблоко могло бы облегчить этот голод».

Слезы, сверкающие в солнечных лучах, словно бриллианты, закапали из глаз девушки на ещё не дописанное письмо. Но было не время плакать.

«Прости меня! Прости! Всё, чего желаю я сейчас, так это того, чтобы ты меня простила. Пусть это случится тогда, когда меня уже не станет, только прости. И я смогу обрести покой, оставить этот груз и прийти в новый мир с чистым сердцем.

Это письмо я оставлю у одного хорошего человека, и он передаст тебе его, когда я уже уйду. Прости и за то, что не смогла попросить у тебя прощенья, глядя в твои прекрасные добрые глаза. Мне так стыдно.

Очень люблю тебя и всё, что…»

Невыносимая боль сковала сердце девушки, листок и ручка выпали из её рук. Воздух перестал поступать в её лёгкие. Солнце пропало, к девушке подступала страшная темнота, протягивая к ней свои костлявые руки. Анна упала на траву, и тёмный мрак поглотил её…

Спустя несколько часов после случившегося по центральной улице в направлении городской больницы мчался автомобиль. Он остановился перед светофором у пешеходного перехода, чтобы пропустить переходящих дорогу людей. Народу было много. Дверь машины открылась, и оттуда вышла девушка. Она посмотрела на небо, начинал капать дождь, но времени ждать у неё не было, и она, оставив машину, побежала вперёд. У неё определённо была какая-то цель, к которой она упрямо устремилась, не обращая внимания на возникающие препятствия. Дождь полил сильнее, но, казалось, ничто не сможет остановить хрупкую фигурку, будто летящую над тротуаром.

Наконец, девушка добежала до больницы и, не останавливаясь ни на секунду, вбежала в холл. С её длинных тёмных волос стекала вода, образуя на плиточном полу небольшие лужицы. Быстро осмотревшись, девушка увидела лестницу и побежала по ней на второй этаж. Поднявшись, она оказалась в длинном пустом коридоре, в конце которого находились широкие закрытые двери в операционную. Направившись к этим дверям, она вдруг увидела, как они приоткрываются, и оттуда выходит врач. Его голова была опущена, словно у человека, оказавшегося в безвыходной ситуации. Почувствовав, что на него кто-то смотрит, он поднял голову и увидел девушку. Её взгляд был прикован к нему. Врач увидел её глаза, они оказались тёмно-синими, бездонными, словно глубокое море. Прядь волос прилипла к её щеке. Из-за того что волосы были мокрые, они казались темнее, чем были на самом деле, и ясно подчеркивали печальную бледность лица девушки.

Врачу вдруг она показалась знакомой. Где же он мог видеть её? Внезапно его словно осенило, и он все понял. Приблизившись к девушке, он протянул ей руку, в которой держал бумажный листок:

- Возьмите…

Ком встал в горле пожилого врача. Он откашлялся и продолжил:

- Мне очень жаль. Примите мои соболезнования. Мы сделали всё, что возможно, но было уже слишком поздно.

Сжав тёплой мужской ладонью по-отечески плечо девушки, старый врач уже собирался её покинуть, как вдруг услышал тяжёлый глухой звук, раздавшийся рядом с ними. Он посмотрел вниз и увидел, как по полу катится большое спелое красное яблоко.

* * *

Почему мне не стать поэтом?
Облака б у меня смеялись,
А звёзды с солнечным светом
У меня бы днём повстречались.

Почему мне не стать поэтом?
Я здороваться с ветром стану,
Дождь спел бы песню об этом
Где-то в парке другу-фонтану.

Почему мне не стать поэтом?
Я смогу говорить с цветами,
Прислушиваться к советам,
Ценный опыт внимая годами.

Почему мне не стать поэтом?
Свою душу открою настежь.
Знойным палящим летом
Бриз приглашу, на счастье ж.

Почему мне не стать поэтом?
Будет трудно и сложно, знаю.
Но желание своё при этом
При луне всё равно загадаю.

Екатерина ШАТРОВА
Студентка специальности «Литературное творчество»
Член Студии литературного мастерства «Вербалис»

* * *

Мы долгое время неправильно жили:
Без крова и места работы;
Кредитов не брали, законы не чтили,
Недели считали с субботы.

Ещё не имея ни прав, ни диплома,
Умели не Бог весть чего:
На небе огонь разжечь снова и снова,
Когда на земле всем темно.

И звёзды горели, пока мудрецы, –
Из тех, что живут на земле, –
Толпой не решили нас взять под уздцы,
И мы поселились в их мгле.

Теперь научились работать по будням
И платим за воду и свет.
Снимаем квартиру, в ней очень уютно,
А звёзды... В квартире их нет.

И глядя в окно уже вечером поздним,
Мы видим на небе огни –
Там кто-то другой зажигает те звёзды,
Которые мы не зажгли.

* * *

А мне бы ослепнуть от света билбордов,
Оглохнуть от шума толпы и дорог
И пылью дышать, а я в кедах истёртых
Иду, свой надеясь обресть уголок.

Иду и гадаю: а долго ль идти?
Найду ли я то, что ищу, или сгину?
Иду и, встречая людей на пути,
Гадаю, кто дом свой обрёл, кто покинул?

Иду, и надежда слабеет, когда
Смотрю в глаза тех, кто себя потерял,
По капле всю душу отдав городам,
В которых, как я, себе дома искал.

Иду, и сомнения гложут, но ночью
Поверю я, лёжа под сенью древес,
Что блудному сыну и изгнанной дочке,
Что всем нам есть место под кровом небес.

* * *

Разреши, я приду. Помолчим.
Мне слова не нужны, я с тобой
И без них обретаю покой,
Проникаясь покоем твоим.

И без них, в тишине, понимаю
То, что теплится в сердце твоём.
Уже сказано всё, и огнём
Страсть в груди не горит, дотлевая.

А к чему нам пожары страстей?
Нам дороже спокойное счастье,
Нам дороже тепло и участье,
Что спасают нас в холоде дней.

А к чему нам сомненья, как волны,
Вековые точащие скалы?
Нам дороже рассвет запоздалый,
Не горящий, но красками полный.

Нам тревоги хватило сполна.
В нашем море утихли уж воды.
Наш корабль, претерпев все невзгоды,
Прибыл в гавань беспечного сна.

* * *

Я точка сплетения нитей судьбы
И раб кукловодов, играющих с ними,
Ведь даже когда друг от друга вдали,
Мы связаны нитью, узлами тугими.

И тянутся нити, звенит тишина,
Мне больно порой от узлов тех бывает,
Но каждый из них стал частицей меня,
И я с благодарностью боль принимаю.

Все нити - отрезки тревог и забот,
Я остро влияние их ощущаю.
У каждой из нитей есть свой кукловод,
И я кукловодов других не желаю.

* * *

Пролетая над городом, птица
Так боится упасть, обессилев.
Она знает, что может разбиться
И, что хуже, остаться без крыльев.

А без крыльев не будет полётов,
Без полётов жизнь птицы нелепа,
И не будет прекрасных восходов,
Ведь без крыльев не станет и неба.

Без полётов не будет свободы,
Так что лучше упасть и не встать,
Лучше насмерть разбиться о воду,
Чем утратить способность летать.

Эта птица умрёт без свободы,
Задохнётся от шума и пыли
И, навечно влюбившись в полёты,
Эта птица погибнет без крыльев.

Анастасия ШПАЧЕНКО
Студентка специальности «Литературное творчество»
Член Студии литературного мастерства «Вербалис»

* * *

Как важен людям отчий дом!
Как важно знать надежды пристань,
Когда в душе грохочет гром,
Когда молитвослов пролистан.

Незыблем дом в мирском пути -
Маяк, ведущий судна к счастью, -
Когда один устал грести,
Когда печали служат снастью.

Как важен людям шёпот волн,
Как важно знать судьбу-шутницу!
Наш отчий дом разгадок полн,
В его сенях сидит синица.

* * *

Теплом согреют душу свечи.
В порыве чувства спал платок.
В молитве дрожью ходят плечи,
И снова шепчет мать: «Сынок,
Ты только верь, спасут надежды
На мир, любовь и отчий кров».

Не снять солдату спецодежды:
Во сне копает сотый ров,
В лесу, в грязи живёт подолгу,
Рискует жизнью, пьёт и ест
За тропку к дому, реку Волгу,
Родную речь и русский крест.

Что ждёт народ — известно Богу.
Вновь фото сына крестит мать,
Проводит сердцем в бой-дорогу.

Комбат кричит: «Приказ вставать!»

* * *

Рдеются гранатом
Грудки снегирей.
Хвастает нарядом
Заяц между пней.

Выронила лапка
Хвойная снежок.
Кружится позёмка,
Трётся возле ног.

Лес покажет сказку
Прошеным гостям —
Блёсток белых пляску
Искренним сердцам.

* * *

Пахнет пирогами.
Время без забот!
Вьётся под ногами
Добрый рыжий кот.

Голос слышу мамин.
За окном бело:
Чистыми снегами
Дворик занесло.

Дверь скрипит входная,
Дышит в щель мороз.
Папа с сапогами
Снега в дом занёс!

Детское, простое
Теплится в груди.
Шумное, пустое
Где-то позади.

* * *

Ждать, как считать гудки.
Крепче сжимать смартфон.
Помнить тепло руки,
Дождь, поцелуй, перрон...

Ждать, как гулять вдвоём,
Если идёшь одна.
Помнить о ночи днём,
Как с ней молчит луна...

Ждать, как закрыть глаза,
С болью быть визави,
Помнить все адреса
Бога, веры, любви...

Смысл

– Читать, оказывается, приятно! Думаешь только о том, о чём разрешают думать…

Летний вечер. Ольга, завернувшись в клетчатый вельветовый плед, расположилась на кресле и держала книгу. День за днём жизнь течёт одинаково шумно и суетно, а тут удалось прервать этот поток – и уже всё не так однообразно. Спокойствие медленно вводится в вену, немеют ноги, затем руки, ком в горле сменяется лёгким щекочущим холодком, и, кажется, глаза должны закрыться. Но это не та анестезия, и Ольга чувствует, что смотреть на страницы становится легче. Постепенно она перестаёт обращать внимания на засечки букв, слова иллюстрируются сами по себе, и на душе тепло.

Она виделась на прошлых выходных со Светкой. И пускай им по 38, но они решили – в кинопрокате лучше детских мультиков ничего не покажут. Купили попкорна, подмигнули кассиру и сделали селфи напротив афиши. После просмотра озорство сменилось удовлетворённостью, и студенческие воспоминания одно за другим замелькали в памяти. Из них двоих Ольга всегда чувствовала себя старше.

– Знаешь, Оль, так приятно, что меня по имени и отчеству ученики называют… Да не смейся ты! А то мне самой смешно! И каждый раз как в первый радуюсь, когда на уроках получается беседу построить. А тут сно-

ва моя ученица заняла первое место на олимпиаде по математике. Бежит с грамотой, обнимает меня… После такого всегда думаю – я нашла себя. Вот бы и ты по специальности работала – опытом бы делились!

Ольга откладывает книгу и, выпутавшись из пледа, подходит к окну. Монотонный звук дождя помогает лучше расслабиться. Женщина ставит окно на проветривание и возвращается в кресло. Свежий влажный воздух заползает в комнату, смешиваясь с застоявшимся.

Мама ей звонила утром, спрашивала, как дела. Шестьдесят два года, живёт в пригороде одна и не скучает. Точнее, не позволяет себе скучать: огород, подруги, сестра из Волгограда, газеты, книги, Ольга… Мама всегда следила за собой, и даже когда папа ушёл, выглядела молодо и свежо.

– Оленька, дорогая, приезжай, пирог вишнёвый испеку! У меня такие планы на июль!

Полумрак обнимает Ольгу. Она читает уже час и не думает, почему начальник накричал на неё; как ей похудеть, если не к июню, то хоть к июлю; как выйти замуж в 38; куда девается гиалоурановая кислота из губ по истечению гарантийного срока; сколько стоит нарастить ресницы; как быстро выучить английский; когда записаться на маникюр; как начать вести свой блог в интернете; где купить хорошее вино; больно ли рожать; как научиться рисовать; где найти подруг; как написать свою книгу; как стать известной; как начать медитировать, как полюбить себя… и, наконец, как найти свой смысл жизни;

– Бжи-бжи-брррррр!

Ольга бросила книгу на пол и схватила смартфон с тумбочки. Экран не загорался, а список уведомлений был пуст. Женщина обняла колени и заплакала.

Полдесятого вечера. Ольге показалось, что завибрировал телефон, а это в квартире этажом выше сосед старался успеть законно вкрутить в стену шуруп, чтобы повесить рамку с рисунком своей пятилетней дочери.

Ольга БЕЛОВА
Аспирантка кафедры филологических основ издательского дела
и литературного творчества

Жанровое своеобразие малой и средней прозы К. М. Симонова

Словесно-художественные произведения издавна принято объединять в три большие группы, именуемые литературными родами. Это эпос, лирика и драма. Хотя и не всё созданное писателями (особенно в XX в.) укладывается в эту триаду, она поныне сохраняет свою значимость[1]. Роды литературы, в свою очередь, делятся на жанровые группы и жанры.

Жанр – тип словесно-художественного произведения[2]. Это система художественного моделирования мира[3].

В сознании читателя формируется культура жанрового восприятия, проще говоря – накапливается арсенал жанровых кодов (как типов художественных моделей мира и правил их расшифровки). В структуре любого

[1] Хализев В. Е. Теория литературы: Учебник/В. Е. Хализев.— 4-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 2004. – 405 с.
[2] Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. – Москва: НПК «Интелвак», 2001.
[3] Лейдерман Н. Л. Теория жанра: Научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 904 с.

жанра заложены сигналы, которые ориентируют читателя на определённую модель мира[4]. Стоит отметить, что у читателя ощущение жанра появляется только тогда, когда он сформировался[5].

Жанры связаны с историей и культурой: они имеют разный исторический объём (одни существуют на протяжении всей истории литературы, другие – только в определённый период), в каждой культуре есть специфичные жанры (например, хокку, танка и др.) Это приводит к тому, что жанры литературы довольно сложно систематизировать и классифицировать. Ещё одну сложность представляет то, что некоторые обозначения жанров и родов литературы являются многозначными словами. Кроме того, как отмечает Ю. Н. Тынянов, «признаки жанра эволюционируют»[6].

Исследователи спорят о том, какой критерий нужно положить в основу жанрового деления. Так, И. С. Пал писал об определяющей жанрообразующей роли тематики, Л. Я. Эсалнек – о проблематике, Г. Н. Поспелов – об эстетическом пафосе. М. Бахтин наметил ряд аспектов, которые характеризуют жанровое содержание: 1) тематика, 2) проблематика, 3) экстенсивность или интенсивность воспроизведения художественного мира. Н.Л. Лейдерман причислил к этим аспектам эстетический пафос и отметил, что в разное время и в разных жанровых системах эти аспекты играли не одинаковую роль, но все они важны при определении жанра. Этот дискурс связан с тем, что все элементы текста в той или иной степени участвуют в построении художественного мира, а значит, и жанра[7].

Тем не менее, исследователи сходятся на том, что жанр произведения важно изучать, так как он влияет на понимание смыслов. Именно поэтому необходимо всесторонне изучать эту категорию.

Константин Михайлович Симонов (1915–1979) – советский писатель, поэт, драматург, военный корреспондент.

Произведения К. М. Симонова активно исследовались в советское время. В 1990-е годы в изучении творческого наследия К. М. Симонова наметился спад. Вновь к произведениям писателя стали обращаться уже в XXI веке, и в этих исследованиях как правило внимание было сосредоточено на лирике.

Большинство исследователей говорили о том, что К. М. Симонов – писатель военной темы. Например, И. Вишневская утверждает, что люди в произведениях писателя живут не вообще, а или до войны, или во время

[4] Там же.
[5] Жирмунский В. Дискуссия о современной литературе // Русский современник. – 1924. – № 2. С. 278.
[6] Тынянов Ю. Н. История литературы. Поэтика. Кино. – Москва: Наука, 1977. – 576 с.
[7] Лейдерман Н. Л. Указ. Изд.

войны, или после войны. Отмечается, что «до войны» описывается расплывчато, поскольку это не интересно ни самому автору, ни его героям[8].

И. Ф. Герасимова изучала лирику К. М. Симонова и утверждала, что, даже будучи ограниченной рамками фронтовой, поэзия К. М. Симонова многогранна, так как, в первую очередь, связана с человеком[9].

Таким образом, творческое наследие К. М. Симонова активно осваивается с 30-х годов XX века по настоящее время. Однако упускается возможность исследования жанровых особенностей прозы.

Как мы уже отмечали, все элементы текста в той или иной степени участвуют в построении художественного мира, а значит, и жанра. Чтобы всесторонне изучить жанровые особенности произведений К. М. Симонова, воспользуемся следующей схемой:

1) Тема произведения.
2) Сюжет.
3) Система персонажей.
4) Особенности языка повествования.
5) Литературный род и жанр.

«Пехотинцы» (1943)

1) Тема войны, точнее человека на войне. Война – это фон. Внимание автора сосредоточено на бойцах, которые и на войне остаются людьми. Они испытывают чувства (и хорошие, и плохие). В перерывах между сражениями бойцы говорят о повседневных вещах, например, о погоде.

2) Границы сюжета очерчены условно. Изображается один день, тридцатое августа 1943 года.

3) Главным героем является Савельев – солдат опытный, храбро защищающий свою родину. Он отдаёт раненому товарищу последние запасы табака. Савельев же выражает, пожалуй, основную мысль рассказа. Его рота идёт вперёд и на опушке рощицы видит два сгоревших танка – немецкий и русский. Савельев различает номер танка и вспоминает, как совсем недавно, позавчера, он и Юдин встречали этот танк. Они сказали танкистам обидные слова, ведь пехота шла в бой, а танкисты чего-то ждали. Теперь Савельев идёт с ротой вперёд, Юдин с перебитой рукой – держит путь в медсанбат, а экипаж танка, вероятно, погиб. «Такое дело – война, – подумал Савельев, – нельзя на ней людей обидным словом трогать. Сегодня

[8] Вишневская И. Л. Константин Симонов: Очерк творчества / И. Л. Вишневская . – Москва: Советский писатель, 1966.

[9] Герасимова И. Ф. Человек и время: поэзия К. М. Симонова периода Великой Отечественной войны в контексте литературной эпохи : дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Герасимова Ирина Федоровна. – Москва, 2008.

обидишь, а завтра прощения просить поздно»[10]. Есть несколько второстепенных героев.

4) Доминирует повествовательная ткань. В произведении используются точные, ясные образы. Много эпитетов, например «утренняя свежесть», «трава мокрая», «раскисшая земля», «редкая цепь» и другие.

5) Рассказ, малый эпический жанр.

Итак, «Пехотинцы» – это рассказ (один день, одна тема, один главный герой; небольшой объём) с чертами очерка: точно обозначается место и время действия, реальные исторические события; персонаж, как и в очерке, «рисуется» путём детальной проработки наиболее значимых и эмоционально насыщенных эпизодов.

«Орден Ленина» (1944)

1) Тема войны.

2) Границы сюжета очерчены условно. Война продолжается, как сложится судьба Ерихонова, не известно.

3) Главными героями являются лётчик Ерихонов и тринадцатилетний югославский партизан Мирко. Владимир Сергеевич Ерихонов – пилот гражданского воздушного флота, храбрый, честный человек. Был подожжён немецким ночным истребителем недалеко от Загреба, в ночь своего семьдесят третьего полёта к партизанам. Из самолёта Ерихонов выбросился последним. Сломал ногу, не мог идти. Его нашли партизаны. Партизаны отнеслись к нему с уважением. «Откуда эта еда? – сухо спросил Ерихонов, подъехав к нему. – Я не хочу есть один, когда все другие голодают». Петрич посмотрел на дно пилотки, потом на Ерихонова и понял, что лгать в этих обстоятельствах бесполезно. «Ты тоже сбрасывал нам пушки, машинки и патроны не потому, что они там, у тебя в России, были лишние», – сказал Петрич. Когда отряд отступал, Ерихонова ранили. Он полз пять суток, пока не добрался до своих. После лечения стал снова летать.

Мирко Николич – тринадцатилетний мальчик, бывший партизаном с 1941 года. Он нашёл Ерихонова, привёл помощь, взял на себя заботу о раненом. Он всегда доставал ему еду, хотя припасов было немного. Когда отряд отступал, Мирко с Ерихоновым остались вдвоём. Ерихонова ранило, но Мирко принял его за мёртвого. Он снял с его мундира Орден Ленина, прикрепил к своей рубашке и пошёл в атаку на немцев. Мирко погиб. Когда его тело нашли партизаны, русский орден отдали русским. «…Хотя, по чести говоря, будь я тогда там, я бы похоронил мальчика, не снимая орден с его груди», – отметил полковник, поведавший историю о Ерихонове.

Рассказчик и Полковник – второстепенные герои, о которых практически ничего не известно. Но именно из их разговора мы узнаём историю Ерихонова и Мирко.

---

[10] Симонов К. М. Случай с Полыниным. – Москва: Московский рабочий, 1976. Здесь и далее цитирование по указ. изд.

4) Доминирует повествовательная ткань. Построен по принципу «рассказа в рассказе»: Беседа рассказчика и Полковника обрамляет историю об Ермолаеве и Мирко. В произведении используются точные, ясные образы. Больше всего эпитетов, например «большая немецкая офанзива», «грубые лубки», «последние крохи» и другие.

5) Рассказ, малый эпический жанр.

Итак, «Орден Ленина» – это рассказ (одна тема, два главных героя; небольшой объём) с чертами очерка: персонажи, как и в очерке, «рисуются» путём детальной проработки наиболее значимых и эмоционально насыщенных эпизодов.

«Случай с Полыниным» (1969)

1) В произведении поднимается несколько тем: а) тема любви (основная тема повести: Полынин – Галина Петровна – Виктор Васильевич); б) тема войны (фон, на котором разворачиваются события; испытание для героев).

2) В основе повествования лежит ситуация, представляющая собой неустойчивое равновесие сил. Границы сюжета, связанного с темой любви, с историей Полынина и Галины Петровны очерчены чётко. Границы сюжета, связанного с темой войны, условны: события происходят с седьмого ноября по тридцать первое декабря 1941 года; война продолжается, как сложатся судьбы героев, не известно.

3) В произведении два главных героя – Полынин и Галина Петровна. Полынин – офицер, лётчик, который храбро сражается за Родину. Галина Петровна – актриса фронтового театра. Однако в повести освещаются и судьбы некоторых других, второстепенных, персонажей, например: Василия Васильевича и Виктора Васильевича, Володи. Василий Васильевич – немолодой, довольно состоятельный человек, он равнодушно относится к мысли о собственной смерти. Он не хотел победы немцев, но лишь потому, что «ему нечего было искать у немцев и нечего ждать от них на старости лет. Вдобавок он просто-напросто никогда не любил их». Он воспользовался своим положением, чтобы добиться брони для сына Виктора. Виктор Васильевич – режиссёр, но не слишком талантливый, зато сумел неплохо проявить себя как администратор театра в военное время. Автор чаще называет его Витенькой. Витенька – слабый, трусливый, бесчестный человек. Они оба не прошли испытание войной.

Володя – племянник Ольги Фёдоровны, жены Василия Васильевича. Ему четырнадцать лет. Мать Володи умерла, когда тот был совсем маленьким, а его отца убили немцы. Володя сумел добраться до Москвы и целый месяц прожил в семье тёти. Ему не нравилась эта семья: он чувствовал их лицемерие. Володя хочет оставить эту семью и пойти трудиться на производство, работающее на оборону страны.

В повести есть и некоторые другие герои: Грицко, Маша Макарова, Анна Акимовна и некоторые другие.

4) В произведении дуплицируется сюжетный ход. История Полынина и Галины Петровны начинается с письма и заканчивается письмом. Доминирует повествовательная ткань. В произведении используются точные, ясные образы. Много эпитетов, например «серое мурманское небо», «крепкие нервы», «плохие дела» и другие. Используются риторические восклицания, например: «Чего тут только не было: и про Суворова, и про Кутузова, и про нашу спокойную русскую храбрость, и про то, что с такими, как Полынин, победа над фашизмом не за горами!».

5) «Случай с Полыниным» – повесть, средний жанр эпоса.

Итак, «Случай с Полыниным» – повесть (несколько тем; раскрываются судьбы нескольких героев; действие происходит в течение нескольких месяцев) с чертами очерка (точно обозначается место и время действия, реальные исторические события; характеры, как и в очерке, «рисуются» путём детальной проработки наиболее значимых и эмоционально насыщенных эпизодов).

Таким образом, можно сказать, что произведения малой и средней прозы К. М. Симонова соответствуют своему жанровому определению. Кроме того, рассказам и повестям К. М. Симонова присуща некоторая очерковость.

Мария ГЛАЗОВА
Аспирантка кафедры филологических основ издательского дела
и литературного творчества

Сборник Вас. И. Немировича-Данченко «На кладбищах»: особенности поэтики портретного очерка

Портретный очерк занимает важное место в творчестве В.И. Немировича-Данченко. Он был знаком со многими выдающимися деятелями культуры и искусства, политиками, военачальниками, побывал в разных концах России, а также во множестве других стран, и обо всех интересных личностях он делал заметки в дневниках. Как замечает В.Н. Хмара, «Немирович-Данченко не был мастером портрета, но у него был глубокий и искренний интерес к человеку»[1]. О серьёзной проработке портретов свидетельствует то, что для каждого очерка Немирович-Данченко подбирал

[1] Хмара В. Возвращение. Вехи судьбы Василия Немировича-Данченко [вступ. статья] [Электронный ресурс] // Немирович-Данченко В.И. На кладбищах. Воспоминания. Сост., примеч. Т. Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2001. (Русские мемуары. XIX-XX вв.). URL: http://az.lib.ru/n/nemirowichdanchenko_w_i/text_0080.shtml. (Дата обращения: 31.01.2023).

индивидуальную манеру описания, основанную на характере, роде деятельности или образе жизни его героя.

Сборник «На кладбищах»[2] представляет собой галерею портретов выдающихся людей, с которыми В.И. Немирович-Данченко был знаком лично. Сборник впервые издан в 1921 г. и составлен из мемуаров, написанных в начале XX в. Как заранее предупреждает автор, «на них поэтому отражаются впечатления так скоро минувших событий, великих облетевших надежд и ярких миражей, сменившихся суровою, беспощадною действительностью»[3]. Затем сборник дополнен тремя очерками, написанными позднее: «Мои встречи с Некрасовым», «Рыцарь на час», «Как живут и работают русские писатели. Письмо из Москвы». С. Макашин, ознакомившийся с рукописями В.И. Немировича-Данченко под Прагой в 1945 г., утверждал, что автор планировал выпустить большую мемуарную работу под названием «Близкие дали», для которой сборник «На кладбищах» был первым томом[4]. Мотив посещения кладбища нередко появляется в произведениях В.И. Немировича-Данченко. Так, например, его очерк «Большое сердце»[5] и роман «Забытая крепость»[6] заканчиваются на том, что автор-рассказчик посещает кладбище, на котором покоятся герои его произведений, и предаётся воспоминаниям. Так и каждый очерк сборника (за исключением очерка «Неудавшаяся дуэль», где личности героев скрыты) заканчивается констатацией смерти. Кладбище как символ связан в творчестве В.И. Немировича-Данченко с памятью и не создаёт атмосферу мистики.

Жанр портретного очерка позволил автору представить своих героев в нетривиальной ситуации, показать их такими, какими их не знал широкий читатель. Сам В.И. Немирович-Данченко в очерке «Не герой», повествующем об издателе О.Е. Нотовиче, признаётся, что «никогда не понимал если не глупой, то лицемерной фразы: о мёртвых или хорошо или ничего»[7]. И в данных очерках он действительно не упускает момента упомя-

[2] Немирович-Данченко В.И. На кладбищах: Воспоминания и впечатления [Электронный ресурс] / сост., примеч. Т.Ф. Прокопова; вступ. ст. В.Н. Хмары. М.: Русская книга, 2001. URL: http://az.lib.ru/n/nemirowichdanchenko_w_i/text_0090.shtml (дата обращения: 31.01.2023).

[3] Там же.

[4] См. подробнее: Из воспоминаний Вас. Ив. Немировича-Данченко / Публ. С. Макашина // Литературное наследство. Том 49/50: Н.А. Некрасов. I / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 2-е изд., испр. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 589–599.

[5] Немирович-Данченко В.И. Большое сердце // Немирович-Данченко В.И. Незаметные герои. М.: Университетская типография, 1892. С. 145.

[6] Немирович-Данченко В.И. Забытая крепость: исторический роман из времен Кавказской войны : в 2 т. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1895.

[7] Немирович-Данченко В.И. Не герой. Воспоминания на кладбищах русской печати. (О.Е. Нотович) [Электронный ресурс] // Немирович-Данченко В.И. На кладбищах. Воспоминания. Сост., примеч. Т. Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2001. 542 с. (Русские мемуары. XIX-XX вв.). URL:

нуть не только о положительных чертах людей, но и об отрицательных. Так, например, он заканчивает очерк о О.Е. Нотовиче: «...не могу не помянуть добрым словом этого честного и большого неудачника, неутомимого, безработного в последние его годы, работника, которого никто не упрекнёт в литературном предательстве...»[8].

Очерки В.И. Немировича-Данченко отличает уважение к чужой мировоззренческой позиции, внимание к психологии. Авторское «Я» никогда не затмевает точку зрения героев. Даже в те моменты, когда повествование требует от автора появиться в качестве действующего персонажа, он намеренно опускает подробности своей жизни, как, например, в следующем диалоге:

«— А вы, джентльмен, все строчкой живёте?

— Нет, товарищ, и листом, и фиксом *(реплика В.И. Немировича-Данченко. — Прим. авт.)*.

— А велик ли ваш фикс?

Я сказал (курсив наш. — М.Г.)»[9].

Чтобы не присутствовать в тексте и не замедлять темп повествования, автор свои вопросительные реплики, где это возможно, заменяет знаком вопроса: «— ?». Также при описании некоторых ситуаций (вероятно, слишком личных) автор заменяет реального себя на безымянного персонажа, как, например, при описании его неудачного разговора с М.Е. Салтыковым-Щедриным: «Никогда не мог я забыть, как растерялось одно такое восходящее и модное «светило», когда, теребя его рукопись нервными пальцами, сатирик вдруг огорошил «светило», не стесняясь присутствующими, своим громогласным басом: «Ну, батюшка, вы тут столько набоборыкали»[10].

В очерках, посвящённых литераторам (А.П. Чехову, М.А. Лохвицкой, Н.А. Некрасову и Н.С. Гумилёву), повествование строится хронологически, от первой до последней встречи и смерти. Образ героя начинает формироваться с того, что он предстаёт сначала молодым и неопытным, но полным таланта и вдохновения — таким образом, сюжет очерков строится по принципу «истории успеха», так как рассказ идёт вокруг профессиональной деятельность человека. Не отличается в этом отношении и очерк о Н.А. Некрасове: в начале очерка Н.А. Некрасов рассказывает, как был беден в начале своей литературной карьеры.

Очерк об А.П. Чехове имеет трагикомические черты: анекдотичные моменты, происходившие при встречах В.И. Немировича-Данченко с А.П.

---

http://az.lib.ru/n/nemirowichdanchenko_w_i/text_0080.shtml. (Дата обращения: 31.01.2023).

[8] Там же.

[9] Немирович-Данченко В.И. Неудавшаяся дуэль // Там же.

[10] Немирович-Данченко В.И. Мои встречи с Некрасовым // Там же.

Чеховым, соседствуют с трагическим предчувствием смерти, возникающем у А.П. Чехова, разговорами о его болезни. Главные черты, которые выделяет В.И. Немирович-Данченко в А.П. Чехове: его любовь к России и жажда свободы. Свободой он называет то, что другие путают с застенчивостью — нежелание А.П. Чехова связываться с людьми из «высшего общества» и неприятие лести. Особо отмечается и строгость А.П. Чехова к себе. Описывая его подход к творчеству, В.И. Немирович-Данченко рисует такую картину: вечер, зелёная лампа, письменный стол и А.П. Чехов за ним, то записывающий, то вычёркивающий в черновике по одной строчке.

Очерк о М.А. Лохвицкой «Погасшая звезда» обозначен автором как «миниатюра». Это задаёт тон лёгкости и живости, героиня здесь предстаёт «маленьким свернувшимся котёнком, который царапает руки». Повествование изобилует яркими деталями: «Как восторженно встретили её все, кому была дорога истинная поэзия. На что уж-Скабичевский, тому стихи без барабанного грохота гражданских чувств по Некрасову и политической подоплёки по Михайловскому казались чуть ли не преступлением, «в наше время, когда и проч., и проч., и проч.», и тот, слушая сафические оды молоденькой писательницы, пускал пузыри на губы»[11]. В.И. Немирович-Данченко вспоминает беседы с юной поэтессой о чудесах и мечтах, о прекрасных странах, о счастливых моментах жизни.

Очерк о Н.С. Гумилёве основан на трагичных противопоставлениях: голодный и холодный Петроград — солнечные, ныне недоступные экзотические страны; масса новоявленных полуграмотных пролетарских писателей — отвергнутые писатели золотого века; суровая действительность — сказочные миры поэзии; смертельная опасность — спокойствие Н.С. Гумилёва перед нею. Очерк пронизывает чувство грусти и отчаяния от потери великого писателя и друга. Начинается очерк также с печальной ноты — с упоминания посмертного сборника «К синей звезде» и с красноречивой фразы: «Мы обдумывали планы бегства из советского рая»[12]. Н.С. Гумилёв в очерке рисуется в своём привычном амплуа: рыцарь, паладин. Название «Рыцарь на час» восходит к одноимённому стихотворению Н.А. Некрасова — лирической исповеди поэта. В очерке так же, как и в стихотворении, силён образ «исстрадавшейся» Родины и невозможности свершения чего-либо.

Очерки о писателях объединяет мысль, что все они ушли несвоевременно, когда они ещё много могли дать литературе. Новость «Чехов умер» оказывается для В.И. Немировича-Данченко страшнее, чем поле боя Русско-японской войны, с которой он, будучи военным корреспондентом, только что вернулся. Очерк о М.А. Лохвицкой заканчивается так: «Наша

[11] Немирович-Данченко В.И. Погасшая звезда. Миниатюра. (М.А. Лохвицкая) // Там же.
[12] Немирович-Данченко В.И. Рыцарь на час. Из воспоминаний о Гумилеве // Там же.

«звезда», ещё не разгоревшись, погасла… <...> Я не был на её похоронах. Я хотел, чтобы она осталась в моей памяти таким же радостным благоуханным цветком далёкого солнечного края, заброшенным в тусклые будни окоченевшего севера»[13]. Очерк о Н.С. Гумилёве завершается известной историей о том, как комиссар Чека аплодировал и вызывал после просмотра пьесы её автора — убитого Н.С. Гумилёва.

Портретные очерки В.И. Немировича-Данченко рассказывают о том, какими известные люди были в обычной жизни, какой у них был взгляд на мир и на творчество, как они реагировали на радости и невзгоды. Составление биографии, таким образом, не является целью автора. Он обрисовывает черты личности, о которых мог знать только хороший знакомый, и рассказывает о них широкому читателю так, как рассказал бы в личной беседе — искренно, ностальгически, без пафоса некролога, несмотря на то, что большинство очерков было написано для чтения на публике или печати в газетах. Таков в особенности очерк о Ф.Ф. Фидлере «Памятка о неугасимой лампаде»[14], который начинается как анекдот о личности, до крайности преданной русской литературе, а заканчивается трагической кончиной. Описывая личность Ф.Ф. Фидлера, В.И. Немирович-Данченко рисует поистине комический образ — «дружеский шарж».

Несколько иными качествами обладают очерки о политических и военных деятелях. Так, например, очерк «Диктатор на покое», посвящённый фигуре М.Т. Лорис-Меликова, отличается необычным способом изображения личности: его внешность и поступки прямо почти не описываются в очерке. Лишь один раз упоминается его раздражённый вид после получения письма из Петербурга: «Он лежал в постели совсем оливковый, глаза его зло сверкали из-под седых нахмуренных бровей, а большой нос казался ещё длиннее, так он за эти часы осунулся»[15]; а также рассказывается, как он остался спать на диване, когда началось землетрясение — настолько он стал ко всему равнодушен. Основное содержание очерка представляет собой рассказ о связанных с ним деятелях: Александре II, Александре III, К.П. Победоносцеве и др. Их характеры и взгляды как бы противопоставляются характеру и взглядам этого «диктатора сердца» (В.И. Немирович-Данченко его также нарекает «слабительный лимонад»), и читатель угадывает по этим зарисовкам, каким был на самом деле М.Т. Лорис-Меликов. В положительном ключе появляется образ Д.А. Милютина, которому В.И. Немирович-Данченко посвящает следующий очерк «Отечественный цинциннат». Таким же образом изображён и Д.А. Милютин: очерк о нём состоит из историй, случившихся с Александром II. Как отмечается автором,

[13] Немирович-Данченко В.И. Погасшая звезда. Миниатюра. (М.А. Лохвицкая) // Там же.
[14] Немирович-Данченко В.И. Памятка о неугасимой лампаде. (Ф.Ф. Фидлер) // Там же.
[15] Немирович-Данченко В.И. Диктатор на покое. (М.Т. Лорис-Меликов) // Там же.

Д.А. Милютин «в Александре II потерял не только государя, но и друга»[16]. В этих очерках В.И. Немирович-Данченко раскрывается как «историк-летописец», так как через точку зрения его героев рассказывается и анализируется прошлое, настоящее и будущее России.

Таким образом, у В.И. Немировича-Данченко нет универсального способа составить портрет человека, для каждого он находит свой особый путь. Тем не менее, все очерки обладают одной и той же целью — раскрыть сущность человека, объяснить его внутренние движения. Как верно замечает Ю.Н. Мажарина, «...портретный очерк как и любой портрет основной своей задачей видит изображение человека не столько в его внешних проявлениях, сколько в объяснении сущности его поступка, характера»[17]. Причём вся структура повествования подчиняется этой цели, не оставляя место для авторского «Я». Налицо стремление автора к объективности, которая, однако, не может быть достигнута в документально-художественном произведении, где события подаются, так или иначе, с точки зрения рассказчика.

Елена МАЛИНКИНА
Член Союза писателей-переводчиков МОСПР,
выпускница специальности «Литературное творчество»,
аспирантка кафедры филологических основ издательского дела
и литературного творчества, автор нескольких книг

Мысль и человек в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»

Почему Л.Н. Толстой назвал роман именем женщины, которая покончила жизнь самоубийством? Причиной этого ужасного поступка явилась не менее ужасная потеря любви этой женщиной — вначале к самой себе, потом к людям, а затем и к жизни вообще. Писатель не заостряет внимания на событии смерти, оно завуалировано, показано через мыслительный процесс, доведенный до пика реализации мысли. Смерть Анны — не кульминация. Она не влияет никоим образом на картину окружающего мира, возможно, потому, что представляет собой отчуждение человека от человеческого. События развиваются далее в обычном размеренном ритме. Волконский возвращается к военной жизни, не находя смысла в ином существовании, без любимой. Более того, и лирический сюжет, а именно развитие рассуждения о смерти, продолжается, поскольку его аккумулиру-

[16] Немирович-Данченко В.И. Отечественный Цинциннат. (Д.А. Милютин) // Там же.
[17] Мажарина Ю.Н. Мемуарные портретные очерки Б.К. Зайцева: особенности поэтики: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Мажарина Юлия Николаевна; [Место защиты: Воронежский государственный университет]. Воронеж, 2014. С. 88.

ет теперь другой герой романа: мысль об отсутствии смысла в жизни приходит к Левину. Причем ни счастливая семейная жизнь, ни ребенок, ни ведение хозяйства не останавливают губительного развития этой мысли. Левин готов к самоубийству. Но в отличие от Анны, он не одинок в обществе.

Для Анны конфликт принятого в обществе поведения и нового, свободного проявления любви в ней, разрушающего нормы и правила, становится причиной отчуждения от социальной жизни города. Она ищет спасения в деревне, но и там созданный ею уют кажется искусственным, неестественным — игрушечным, потому что нет контакта душевного с друзьями. Нет общего дела, которое могло бы объединить ее с людьми, нет взаимной искренности, из которой вырастает дружба. Левин, наоборот, принимает участие в работе крестьян, учит их собственным примером. И в итоге сам учится у крестьянина мудрости, которая и спасает его от судьбы, постигшей Анну. Стремление к поиску истины вознаграждено благодаря любви Левина к труду, что делает возможным для него общение с трудовым классом на уровне искренности. Л.Н. Толстой не случайно вкладывает в речь простого человека, близкого к земле, к земной природе, ключ к спасению. Причем поиск мысли, возрождающей жизнь в человеке, показан в сравнении. Один из крестьян живет для себя, для своего благополучия, а другой — для Бога, для души: видит Бога в каждом и каждому помогает. Именно его мудрость дает иное направление размышлениям Левина о смерти, способствует преображению его личности. В результате Левин как человек возрождается к жизни, понимая ее смысл в сохранении души в человеке, сохранении божественного начала. Вместе с тем Анна, предавшая это божественное в себе, становится игрушкой собственного, субъективного мышления, зависимой от психического влияния мысли о смерти. И спасти ее некому. Она одна, ограничена от мира людского. А Левин — в мире земном, он его соучастник — и поэтому он спасен.

В условиях отсутствия совместного труда любовь Анны к Волконскому превращается в чувство собственности. Но любовь Левина к Кити развивается и крепнет по мере преображения его внутреннего мира. Это означает, что мотив самоубийства в романе завершен постижением смысла жизни. И эта кульминация доверена внутреннему миру мужчины, который умеет хранить чистоту отношений в любых социальных условиях, даже в городских, с чуждыми ему правилами. Любовь Левина проходит серьезные испытания. Желая быть искренним, он доверяет жене свой дневник, не понимая еще главной роли мужа — беречь душевное состояние спутницы своей жизни. Кити переживает боль, но со смирением говорит мужу об этом. Левин ужасается своему поступку и просит прощения. Так любовь Кити спасает дружеские отношения в семье. Л.Н. Толстой показывает, как человек познает себя среди людей. Зрелое, объективное мышление разви-

вается, когда человек не отделяет себя от близких стеной субъективных построений мысли, а отдается любви, бережет состояние души, Бога в себе и в людях.

Продолжает тему знания души мотив доброты. Левин удивляется, почему он в детстве верил словам о доброте. И понимает, что знание о доброте заложено было в нем не благодаря разуму, а как часть его мира, как знание души. Такое знание не объяснить разумом, поэтому и Катавасов, и брат Левина, которые привыкли расширять объем знаний о мире исключительно с помощью умственных построений, не способны допустить существования души. Сюжетная линия после смерти Анны развивает эту тему в изображении внутреннего мира Левина. Левин — человек думающий. Однако не всегда его поступки мотивируются соображениями разума. Он умеет доверять чувству и принимать решения сердцем. Так же как и Анна, Левин отдается любви, но не слепо, а осознанно, радуясь движению своей души. Можно констатировать, что Л.Н. Толстой противопоставляет значение мыслительного процесса, закрытого в себе самом, и значение постижения жизни душою. Писатель не идеализирует героя. У Левина не получается совершать идеальные поступки, он — часть социального мира. Но картина жизни движется и коренным образом меняется, когда изменяется отношение героя к этому миру и к своим действиям в нем. Теперь Левин хранит в себе знание — свою тайну смысла жизни. И поэтому становится независимым от установок мышления, привносимых извне, городским обществом. Л.Н. Толстой показывает, насколько важно сохранять индивидуальное представление о смысле жизни, наделяющее человека свободой. Преобразование внутреннего мира человека в сюжетообразующем рассуждении в романе ведет к пониманию истинного смысла доброты, — истинного, потому что рожденного душою, внутренним знанием, и поддержанного мыслью, разумом. Бога невозможно объяснить, как и любовь. Но можно услышать в себе желание души и полюбить жизнь.

Идея необходимости постижения смысла жизни, объединяя вечные темы смерти и любви в романе, в лирическом тексте объединяет роль размышления героев в попытке создания идеального, субъективного мира и влияние на этот процесс объективного содержания коллективного мышления, составляющего пласт культуры, осознанный писателем (третьего мира, согласно К. Попперу). Например, в мотиве доброты можно усмотреть материалистическую философию просветителей XVIII века, провозглашающую доброту как естественную природу человека. Идея формирует ценностную систему произведений в творчестве Л.Н. Толстого с целью показать и решить проблему смысла жизни в социальном, нравственном и философском ее аспектах. Роман «Анна Каренина» в этой системе можно считать центральным, поскольку он содержит предостережение — крик души, которая не смогла жить. Имя этой трагедии и вынесено в название

романа. Л.Н. Толстой запечатлел в истории литературы универсальную ценность, актуальную для человека во все времена. В соединении мотивов самоубийства и доброты отражается антагонизм одиночества и жизни души — как мысль, лишенная взаимодействия, и мысль, обогащенная мыслью других. Эстетическая функция формы — сплетение лирического и эпического сюжетов в романе — рассуждения героев, представляющих антагонистические стороны отношения к жизни, и иллюстрации этой жизни в городской и деревенской среде общества — расширяет значение мысли отдельного человека до общественно-исторического масштаба. Можно считать, что такая структура призвана привести читателя к осмыслению своей тайны, тайны своего существования, и уберечь от смерти при жизни, от смерти души. Именно об этом и заставляет помнить название романа.

Анна МОРОЗОВА
Аспирантка кафедры филологических основ издательского дела
и литературного творчества

Изображение древней Твери в хронике В.К. Камянского «Цветок Руси»

История древней Твери привлекательна для писателя. Произведения тверских писателей, «оживляющие» историю и ее главных героев, образуют блок современной тверской исторической прозы. Ее основоположник и старейшина − Василий Кириллович Камянский. В.К. Камянский родился в 1912 году на Кубани. Окончив школу, Василий Кириллович кардинально изменят свою географию, связывая судьбу с тверской землей, поступая в Калининский педагогический институт на исторический факультет. По окончании занимается педагогической деятельностью. Пишет свой первый рассказ «Зарево над степью», который сразу был замечен и оценен Борисом Полевым. Публикуется в областных газетах, пишет исторические повести «Язычники», «Иван Грозный», «Поляки в Москве». В.К. Камянский – участник ВОВ, он доходит до штурма Берлина, откуда возвращается в Калинин и описывает свой боевой путь в очерке «От Волги до Эльбы». Военная и историческая проза становятся двумя основными направлениями творчества Василия Кирилловича. Все строки выходят из-под пера В.К. Камянского под лозунгом «За землю русскую» – именно такое название получил изданный после войны сборник писателя: Камянского-солдата, Камянского-историка.

Будучи историком, Василий Кириллович хорошо понимал исторические периоды и их героев. Изрядно умудренный сединами, отложив всякое житейское попечение, писатель «сажает», «пестует» «Цветок Руси», литературному благоуханию которого в этом году исполняется уже 30 лет. В

нем верхняя нота – любовь писателя к тверской земле и тверской истории, сердечная нота – яркая образность, живописность выражений, их самобытность, шлейфовая нота – приятное послевкусие читателя от прочтения и переисполнение его гордостью за родную тверскую землю. Этот аромат прикровенен и знаком далеко не многим, как и его автор. Хотя в 1995 году тверская хроника «Цветок Руси» (именно так обозначил жанр произведения Василий Кириллович) получила Премию М.Е. Салтыкова-Щедрина за произведения, талантливо отображающие историю родного края и современность, духовный мир и высокую нравственность тверичей.

Хроника показывает Тверь 1325 года. Русь находится под игом татар. Князья борются меж собой и за ярлык на великое княжение готовы доносить на брата. В результате такого доноса в Орде погибает тверской князь – Михаил Ярославич Тверской. Его сын Дмитрий мечтает отомстить доносчику. Эти мысли преследуют его все время, между тем как Тверь собралась на праздник Успения Пресвятой Богородицы. «Народу сходится сила» – пишет В.К. Камянский, намекая на силу тверитян, грядущее антиордынское восстание[1].

Устами священника В.К. Камянский благословляет тверитян: «Тверь – град, Богом избранный». И далее словно гимном продолжает: «Самый яркий цветок Руси… Знатный град на трех реках. От него дороги водой и сушей во все стороны света. А на узлах тех дорог, перекрестьях тех путей, на поречных венцах, в озерных узостьях стоят, уже навеки вросшие в землю, крепости-монастыри. Твердь. Град избранный».

Сквозь эту гимнографию прослеживается концепция «Москва – третий Рим», которая, воспевая Русь как православное государство, оформится на Руси чуть позже. Василий Кириллович эту избранность Богом, Его особое о Твери попечение всячески подчеркивает. Подчеркивает, но не идеализирует, рисуя жизнь русского города и его жителей с разных сторон.

Обратимся к образу княгини Ксении Юрьевны, матери Михаила Ярославича. Для внука Александра она «мудрая бабуня». Для народа – госпожа Твери, «премудрая», «блаженная», «преподобная», правительница, которую народ очень любит и уважает. Сам же автор показывает ее как далеко не безгрешную, властную, мнящую себя хозяйкой земли, часто раздражающуюся на внука-правителя Дмитрия, к тому же, уже старую женщину. Так, при знакомстве, Василий Кириллович вручает Ксении драгоценную клюку из кости.

Внука Ксении – великого князя Дмитрия Михайловича (известного в народе как Грозные очи) Василий Кириллович показывает не столько как уверенного в себе воина, решительного и смелого правителя, но в первую

[1] Камянский В.К. Россия в походе. – Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1998. – 152 с. Здесь и далее цитирование по указанному изданию.

очередь как обычного человека: отчаявшегося, удрученного, потерянного, слабого в принятии решения перед походом.

Мастерски В.К. Камянский вплетает в повествование образы походного времени (а именно так – «Русь в походе» – называется сборник, в состав которого вошла хроника), отсылающего нас к образам, присущим древнерусской литературе. Красный звон колоколов у Василия Кирилловича *«богатырский»*. Тучи *«прошивали друг друга змеистыми стрелами»* – образ, предвещающий в народной поэзии надвигающуюся беду. Ветер *«оборвался как тетива»*. *«Царапнул усмешливым взглядом». «Рушился сызнова ливень». «Солнце сгибло»* – говорится о солнечном затмении (предвестии поражения). Тверитяне для него – *«щит православия».*

Этот «щит» он описывает особенным образом. Так, хронотоп, в котором «произрастает» «Цветок Руси», не ограничивается Тверью 1325 года. Василий Кириллович смотрит шире. Все у него едино: вот тверская земля, с ней ее народ, они неразделимы друг с другом так же, как неразделимы с небом. Он подчеркивает эту прямую связь. «*Земля говорит небу о насущном. Колокола – глас земли. Красный звон рождает чувство силы, сопричастности делам своей земли. Выдувают грешников из Твери православные ветры. Навеки вросшие в землю монастыри. Насланный Богом огонь».*

Василий Кириллович подсказывает читателю: время, когда можно будет *«скинуть иноземное иго в бездну»,* близко. Подчеркивает скорую и большую тверскую роль в этом словами: «*время наше близко, люди града избранного. Будем храбры, тверичи! Подходит время нашего суда над трижды проклятым царем Золотой Орды».* Автор отмечает единодушие тверитян*: «Земля зазолотилась. Все волшебно встало на место. Стало всегдашним. И каким же родным. Тверь счастливо молчала».*

Неразрывная связь человека и земли, на которой он стоит, прослеживается на многих страницах хроники. Радуются у Василия Кирилловича не только люд честной, но и живность, и все что вокруг: крыши, дома, ярмарочные прилавки. А уж если дурная весть приходит, то и некогда *«желтые лоскуты полей жухнут», «все зыбится и расплывается, свет уходит, заволакивает сумрак».* Неслучайно с дурной вестью о предательстве новгородцев происходит солнечное затмение – предвестие поражения Твери в борьбе за возвышение. В походе братьев-князей против Юрия Московского усиливает предвестие вся природа: «*буйствовала гроза, неземными пламенами горела августовская ночь, ветер буровил просевшее небо, волочил стога дымных туч, рвал их, разметывал*, *рушился ливень».* Как бы ни хотелось читателю увидеть счастливый конец, историю не повернуть вспять.

В.К. Камянский завершает «Цветок Руси» динамично, неожиданно, как говорится, на самом интересном месте. Читатель вместе с автором

участвует в погоне за Юрием Даниловичем. «*Да не впусте вот идет молвь, что побродяга-князь – травленый волк и с нечистой силой знается... Юрий мечом рассек гибельную петлю, прежде чем она успела захлестнуться на его плечах, и исчез. Дождь и след замыл».*

След имени Василия Кирилловича Камянского сегодня также фактически замыло дождем забвения. А между тем древнюю Тверь Василий Кириллович с такой любовью и так живописно изображает, что перевыпуск «Цветка Руси» сегодня необходим. В первую очередь, тверитянам. Такому «Цветку» должно расти не только в библиотеке, но на полках жителей Твери. Ведь после прочтения хроники уже невозможно безразлично относиться ни к тверской истории, ни к городу, в котором живешь. Корни «Цветка Руси» связывают читателя с землей, с народом.

Арина ФИЛЯСОВА
Аспирантка кафедры филологических основ издательского дела
и литературного творчества

Женские образы в малой прозе Федора Абрамова

Исследовательница Карасева в своей работе «Женские образы в тетралогии Ф.А. Абрамова «Пряслины» как продолжение и развитие традиционного образа "величавой славянки"»[1] обозначает концептуальное положение об абрамовских героинях как органичном продолжении и развитии традиционного образа «величавой славянки», в которых слились такие черты, как доброта, самоотверженность, способность к самоограничению и состраданию. В связи с этим видится интересным рассмотрение абрамовских героинь в заданном ключе не только в тетралогии, но и в его малой прозе.

Как отмечает Чэнь Синьюй в своей диссертационной работе «Женские образы в прозе Ф.А. Абрамова»[2], многие исследователи при изучении творчества писателя делают акцент на социальной проблематике его произведений зачастую игнорируя всё остальное. Это позволяет нам полагать, что в творчестве Абрамова остается много мест для детального изучения.

Исходя из образов, освещенных в этой диссертационной работе, в которую входят наработки этого же автора в виде статей («”Золото и железо” Пелагеи Амосовой» и «”Могучий характер”: образ Варвары Иняхиной

[1] Карасева, К.М, Женские образы в тетралогии Ф.А. Абрамова "Пряслины" как продолжение и развитие традиционного образа "величавой славянки" // Вестник Брянского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 187-192.
[2] Чэнь Синьюй. Женские образы в прозе Ф.А. Абрамова : автореферат дис. … кандидата филологических наук : / Санкт-Петербург, 2010. – 21 с.

в тетралогии Ф. Абрамова «Братья и сестры»[3] и ряде других), можно сделать вывод, что малая проза Абрамова в контексте женского вопроса оставлена без должного внимания.

В данной работе произведена попытка на примере различных произведений малой прозы Фёдора Абрамова выявить и определить характеристики, которыми обладают женские персонажи в творчестве писателя, а также сопоставить эти образы и их изображение с современным дискурсом о женском вопросе, тем самым выявив актуальность произведений Абрамова на настоящий момент.

По мнению Фёдора Абрамова, на плечах русской женщины держится огромный пласт проблем, с которыми ей приходится справляться. Приведем в пример его слова в выступлении на 6 съезде писателей СССР: «Каким мерилом измерить подвиг все той же русской бабы в послевоенную пору, в те времена, когда она, зачастую сама голодная, раздетая и разутая, кормила и одевала страну, с истинным терпением и безропотностью русской крестьянки несла свой тяжкий крест»[4].

«Так что же удивительного, что старая крестьянка в нашей литературе на время потеснила, а порой и заслонила собою других персонажей?»[5] И в этом, действительно, нет ничего удивительного. В этом, по словам Абрамова, заключается не попытка воспеть старину, и даже не скорбный плач по «уходящей избяной Руси»[6], но «сыновняя благодарность»[7], которую необходимо выразить.

Говоря о роли образа «старой крестьянки» в литературе, Абрамов невольно указывает, в том числе, и на свой вклад. Так, в его рассказе «Из колена Аввакумова»[8] женская судьба дается посредством изображения жизни старухи Соломиды. Многие трудности выпали на долю Соломиды, и только истинная вера помогла ей справиться с бедствиями: «Не обделил, не обделил меня господь страданьями. И с голоду сколько раз помирала, и ноги отнимались, и мужа насмерть убивали, и по тюрьмам, по острогам злые люди водили»[9]. Эта сильная верой женщина «своего мужа божьим словом из мертвых воскресила»[10]. В этом эпизоде проявляется святость героини.

---

[3] Чэнь Синьюй «Золото и железо» Пелагеи Амосовой (портретная характеристика героини повести Ф. Абрамова «Пелагея») // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2009. №1-2.

[4] Абрамов Ф. О хлебе насущном и хлебе духовном. М.: Молодая гвардия, 1988

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Из колена Аввакумова : [рассказ] // Север.— 1979.— № 10.— С. 5-12

[9] Там же.

[10] Там же.

Ныне уже древняя старуха Соломида рассказывает нам о своей молодости, которая была у нее очень непростой. Однажды, когда Соломида была еще молодой девушкой, у неё отнялись ноги. Она уверена, что это её «господь-то Бог за похвальное слово наказал»[11]. Условия для исцеления были таковыми: отказ от мирских удовольствий, переход в «старую» веру и совершение поклона кресту «святого великомученика Аббакума» в Пустозерье, что в пятистах километрах от её дома. Девушка принимает условия и излечивается, но и на этом её злоключения на селе не заканчиваются – практически всю свою жизнь ей приходится бороться с ненавидящими её односельчанами.

В этом произведении Фёдор Абрамов обратил своё и читательское внимание на вопрос веры, но нужно заметить, что сделал он это через призму женской социализации. Вновь обращаясь к словам самого Абрамова о роли «старой крестьянки» в литературе, мы понимаем, почему же так происходит. Стоит отметить, что это, конечно же, не первостепенная причина такого художественного решения, но, можно предположить, что в формировании окончательного замысла работы это тоже сыграло свою роль.

Современный же читатель увидит в этой работе раскрытие роли веры, роли духовности в жизни человека через призму именно женской тяжелой судьбы. И в отношении дискурса о смене положения женщины в социальной и культурной сферах это позволяет нам говорить об актуальности произведений Абрамова и даже их некоторой комплиментарности по отношению к образу женщины, несмотря на то, что в большинстве случаев автор в своих произведениях представляет читателю традиционную женскую роль.

«Я не хочу бросить тень на нашу молодежь. И все-таки… разве не встречаемся мы в ее среде с возросшим эгоцентризмом и индивидуализмом, с иждивенческими и потребительскими настроениями, с утратой бережного и любовного отношения к земле, к природе, с холодным рационализмом?»[12] Эти слова Федора Абрамова хорошо олицетворяют его позицию в отношении литературы, нам также представляется интересным проналюдать, как эта мысль отразилась на изображении женщин в малой прозе автора.

Так, в рассказе «Самая счастливая»[13] Абрамов вновь демонстрирует нам тяжелую женскую судьбу. Окулину из-за бедственного положения в семье отдают в монастырь, где ей приходится испытать на себе все трудности работы руками: «Дак уж напоследок-то стираешь — ничего не ви-

[11] Там же.
[12] Абрамов Ф. О хлебе насущном и хлебе духовном. М.: Молодая гвардия, 1988
[13] Самая счастливая [Текст] : [повести, рассказы] / Федор Абрамов ; [сост. и авт. вступ. ст. : Л. В. Крутикова-Абрамова]. - Москва : Современник, 1989. - 559

дишь и не чуешь, в глазах все так и ходит. Руки щелоком разъест до мяса»[14].

И вновь Абрамов демонстрирует нам пример женщины сильной не только духом, но и здоровьем: Окулина стойко сносит все трудности, а в дальнейшем помогает мужу построить дом.

Абрамов подчеркивает, что своего счастья Окулина достигла сама: беспрестанным трудом, отсутствием жалоб, крепостью духа. В женщине как раз не наблюдается тех настроений, которые видит Абрамов в окружающей его молодежи. А счастье Окулины заключается не в материальных благах, а в здоровье своих родных. Она рада, что с войны все члены её семьи вернулись целыми и здоровыми: «Да что говорить? Три с половиной мужика по всей деревне вернулось, а у меня все четверо — это ли не счастье?»[15]

Абрамов с теплотой отзывается о русской женщине, видит в ней много хорошего и доброго, воспевает и прославляет её трудовые и духовные подвиги. Тем не менее, вся положительность духовной составляющей героинь всегда преподносится в совокупности с жизненным трудностями, с которыми сталкивается женщина в качестве жены, хозяйки и матери.

В произведении «Материнское сердце»[16] у Офимьи умер сын Степка. Вины женщины в этом нет, несмотря на то, что она до конца жизни будет задаваться вопросом: «А что если бы?..» «Война Степу съела»[17], - говорит дочь Анна своей матери, но для последней это не является аргументом.

В этой истории мы видим всю боль материнского сердца – боль за своих детей. В центре повествования – обычная работящая женщина, заслуживающая счастья и даже отчасти находящая его в своей жизни, создающая его своими руками. Тем не менее, судьба у абрамовских героинь зачастую полна горестей и различных бед. Женские персонажи в малой прозе Абрамова фактически не являются носителями зла, но они те, кому приходится проживать всяческие горести.

Дилогия Абрамова, которую составляют произведения «Алька»[18] и «Пелагея»[19], также значима как предмет рассмотрения женского вопроса в прозе Абрамова.

---

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Абрамов Ф.А. Материнское сердце // О чем плачут лошади.— М. : Дет. лит., 2002.— 221 с.

[17] Там же.

[18] Абрамов Ф. А. Алька // Деревянные кони : [повести, рассказы] / [вступ. ст. Л. Крутиковой-Абрамовой].— М. : Эксмо, 2005.— 553

[19] Абрамов Ф. А. Пелагея // Деревянные кони : [повести, рассказы] / [вступ. ст. Л. Крутиковой-Абрамовой].— М. : Эксмо, 2005.— 553

Хочется сразу отметить, что автор не дает развернутого портрета Пелагеи, тем не менее, с помощью характерных черт в её портрете у читателя постепенно формируется цельный образ не только самой Пелагеи, но и образ русской крестьянки.

Таких деталей в портрете Пелагеи несколько: некогда золотистые волосы, которые ныне растеряли свой шарм, поджатые губы, строгие глаза, в целом эмоциональная сухость. Наиболее выразительной чертой, являются, конечно, глаза и их выражение. И строгость этих глаз меняется только тогда, когда женщина приходит на работу, в пекарню.

Ещё одной важной деталью в описании Пелагеи становится цвет её волос. О них с восхищением говорит председатель Василий Игнатьевич: «Какие волосы у тебя раньше были! <…> Золото — не косу ты носила!»[20].

В её золотистой копне таилась сила, сама жизнь, но с годами из-за тяжелой работы и жизненных потрясений волосы потеряли всю свою красоту, как и Пелагея потеряла любовь и волю к жизни. Теперь на голове осталась только «жиденькая бесцветная куделька, собранная в короткий хвостик»[21].

Рассмотрим поподробнее образ дочери Пелагеи. Алька – «ни девка, ни баба» – несколько разбавляет образ женщины, сформированный благодаря уже упомянутым произведениям Абрамова. Это уже представитель другого поколения – деревенский житель, уехавший в город, но всё еще сохранивший в себе остатки деревенского уклада.

Тем не менее, мы видим, что многое её отличает от ныне живущих обитателей деревни. Основным камнем преткновения становятся нравственные ценности. Алька обладает ярко выраженной внутренней свободой, вспыльчивостью, страстностью. Все вокруг неё в деревне слеплены из другого теста, и во многом это, конечно, связано с разницей поколений. В местах её детства теперь уже не так людно, становится все меньше молодежи, которая, как и Алька, уезжает из деревень. Абрамов видит в этом тенденцию к постепенному вымиранию деревень, что не может его не беспокоить.

Мы видим, что образ женщины у Абрамова со временем трансформируется, автор откликается на изменения в развитии общества, делает из этого выводы. Он реалистично отображает нравственные перемены в обществе, при этом не поучает, а дает читателю возможность самому сформировать мнение по освещенному вопросу.

[20] Абрамов Ф. А. Пелагея // Деревянные кони : [повести, рассказы] / [вступ. ст. Л. Крутиковой-Абрамовой].— М. : Эксмо, 2005.— 553

[21] Там же.

«Трудовой и нравственный подвиг русской женщины красной нитью проходит через всё творчество Ф. Абрамова»[22], и тема труда в таком раскрытии наводит на несколько мыслей. С одной стороны, Абрамов сочувствует тяжкому труду женщин, которым приходится работать, в так называемые, две смены. С другой стороны, это не может не восхищать, потому что это, по вышеприведенным словам Абрамова, действительно является подвигом. Абрамов не идеализирует свою героиню, он создает живой полноценный образ женщины с её положительными и отрицательными сторонами.

Рассмотрев несколько женских образов из малой прозы Абрамова, можно сделать следующий вывод: Фёдор Абрамов в своих рассказах воспевал трудовые и духовные заслуги русской крестьянки. Это женщина крепкая духом, отдающая себя без остатка ради родных и общего благого дела, зачастую верующая, и во многом именно вера позволяет справляться ей с множественными трудностями, которые встречаются ей на пути. Абрамовская женщина — это воплощение различных подвигов: подвига материнского, трудового, а также духовного.

[22] Груша С.А. Русский национальный характер в малой прозе Ф.А. Абрамова : автореферат дис. … кандидата филологических наук : Тверь, 2011. – 20 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБА ПЕРА

Громова П.С. *Наши литературные достижения* ……. 3

Творческие работы победителей XVI городского конкурса проектов учащихся 8-11 классов «Человек и книга»

Иванова Анна ……. 5
Савенков Прохор ……... 6
Курочкина Абигаль ……... 8
Баранов Андрей ……. 8
Нечаева Елизавета ……. 9
Потапкин Александр ……. 18
Строганова Виктория …… 19
Стрижова Виктория …….. 21

Творческий семинар молодых авторов

Ананьева Елена …….. 23
Гусева Ольга …….. 23
Забара Анастасия ……... 24
Капралова Наталья …… 24
Котлова Мария ……... 26
Кудесова Виталия …….. 28
Мамедова Александра ……... 30
Матвеев Ян ……. 31

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Антонова Мария …… 36
Белов Данила ……. 42
Быков Никита ……. 50
Громова Полина ……. 52
Жигунова Наталья ……. 55
Иванова Ната ……. 60
Ильиных Анастасия …….. 61
Калашникова Валерия ……... 64
Капралова Ольга …… 69
Клычкова Ксения ……... 72
Конопля Олеся ……... 76
Королёва Алиса ……. 80
Кривчиков Иван …… 81
Лосевской Никита ……. 84

Миловидова Анжела ……. 90
Неробеев Владимир ……... 91
Новоселецкая Яна …….. 96
Петроченков Даниэль ……... 98
Пиунов Даниил …….. 99
Соловьёва Василиса …….. 106
Соломина Алла …….. 113
Шатрова Екатерина ……... 118
Шпаченко Анастасия …… 120

В МИРЕ КНИГ

Литературоведение

Белова О. *Жанровое своеобразие малой и средней прозы К. М. Симонова* …….. 124
Глазова М. *Сборник Вас.И. Немировича-Данченко «На кладбищах»: особенности поэтики портретного очерка* ……..... 129
Малинкина Е. *Мысль и человек в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»* ……... 134
Морозова А. *Изображение древней Твери в хронике В.К. Камянского «Цветок Руси»* …….. 137
Филясова А. *Женские образы в малой прозе Федора Абрамова* …….. 140

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет
Кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Предлагаем получить высшее образование по специальности
52.05.04 «ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО»
с присвоением квалификации ***«ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАБОТНИК»***

Специальность «Литературное творчество» открыта при поддержке Литературного института им. А.М. Горького и Союза писателей России. Руководитель этой образовательной программы – доктор филологических наук, профессор, поэт, критик В.А. Редькин, заместитель председателя правления Тверского отделения Союза писателей России. В преподавании участвуют профессиональные писатели Твери и Москвы.

Возможности трудоустройства выпускника:

Литературная деятельность: автор оригинальных лирических, прозаических, драматических произведений, литературный работник.

Газетно-журнальная деятельность: корреспондент, журналист, рецензент, литературный критик, литературный редактор, редактор сайта, корректор, помощник редактора, выпускающий редактор, главный редактор.

Телевизионная и кинематографическая деятельность: сценарист телепрограмм, сценарист телесериалов, киносценарист, кинокритик, редактор, шеф-редактор, выпускающий редактор, корреспондент, редактор сайта, помощник режиссера, автор телепроекта.

Театральная деятельность: театральный критик, драматург, заведующий литературной частью, помощник режиссера.

Книжно-издательская деятельность: автор, рецензент, корректор, литературный редактор, выпускающий редактор, помощник редактора, главный редактор, автор-составитель, редактор сайта, копирайтер.

Педагогическо-преподавательская деятельность: специалист по учебно-методической работе, ассистент преподавателя, преподаватель, руководитель литературной студии, руководитель литературного объединения.

Выпускник специальности Литературное творчество подготовлен для обучения в аспирантуре с перспективами преподавания в ВУЗе.

Вступительные экзамены: русский язык (ЕГЭ), литература (ЕГЭ), обществознание (ЕГЭ) или иностранный язык (ЕГЭ).

Обучение проводится на бюджетной и платной основе.

Возможно получение образование по очной (5 лет) и заочной (6 лет) формам обучения.

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет
Кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Предлагаем получить высшее образование по направлению
42.03.03 «ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО»
с присвоением квалификации ***«Бакалавр издательского дела»***

Книгоиздание и полиграфия – одна из наиболее прибыльных и динамично развивающихся отраслей. Она сочетает новейшие информационные, медийные, филологические, полиграфические, экономические, рекламные технологии. Предлагаем Вам стать специалистом высокого класса в уникальной и перспективной сфере бизнеса!

Возможности трудоустройства выпускника:

Руководитель издательства, литературный редактор, редактор газеты или журнала, редактор на телевидении и радио, корректором, дизайнер книги, компьютерный дизайнер, менеджер в издательстве, руководитель или сотрудник в редакционно-издательском отделе любой организации (в банках, органах государственного и муниципального управления, частных компаниях и т.д.), специалист в области книжной рекламы и маркетинга.

Новое направление деятельности издателей и редакторов - электронная книга, информационный интернет-портал, WEB-сайт.

Выпускник направления ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО обладает всеми необходимыми навыками и знаниями для того, чтобы организовать собственный книжный бизнес и вести успешную коммерческую деятельность.

Вступительные экзамены: русский язык (ЕГЭ), обществознание (ЕГЭ), история (ЕГЭ) или литература (ЕГЭ).

Обучение проводится на бюджетной и платной основе.

Возможно получение образование по очной (4 года) и заочной (5 лет) формам обучения.

ПРЕДЛАГАЕМ ПОЛУЧИТЬ
ВТОРОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ЗА 2 ГОДА!

Магистратура
по направлению 42.04.03 «ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО»
с присвоением квалификации ***«Магистр издательского дела»***

ПРОФИЛЬ «РЕДАКЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА ИЗДАНИЙ»

Область профессиональной деятельности магистров включает подготовку, выпуск и распространение издательской продукции в печатной и цифровой форме и предполагает практическую, научную и педагогическую деятельность в следующих сферах:

в сфере практической деятельности – охватывает технологию, технические и программные средства, управление, экономику и маркетинг в области издательского дела, редакционную подготовку и распространение издательской продукции;

в сфере научной и педагогической деятельности – разработку и внедрение инновационных технологий подготовки, выпуска и распространения печатных и электронных средств информации, научно-педагогическую и научно-исследовательскую работу.

Объектами профессиональной деятельности магистров являются книга, журнал, газета; печатное издание, электронное издание; текст, нетекстовые элементы; произведение литературы; вербальная и визуальная информация; авторский оригинал, издательский оригинал; цифровой документ; средства и технологии обработки, хранения, передачи, вывода и распространения информации; технологии редакционно-издательской деятельности, распространения издательской продукции, информационное и организационно-управленческое обеспечение издательского дела; научное знание в области издательского дела.

Возможности трудоустройства выпускника:

Книжно-издательская деятельность. Должность: руководитель издательства или его подразделения, менеджер по работе с кадрами, менеджер по работе с заказчиками, ответственный редактор, литературный редактор, редактор художественной, детской, научной, деловой литературы, выпускающий редактор, помощник редактора, главный редактор, автор-составитель, редактор сайта, копирайтер.

Газетно-журнальная деятельность. Должность: редактор газеты и журнала, литературный редактор, редактор сайта газеты и журнала, помощник редактора, выпускающий редактор, главный редактор.

Деятельность в области электронных СМИ. Должность: редактор теле- и радиопрограмм, шеф-редактор, выпускающий редактор, редактор сайта, редактор онлайновых СМИ.

Педагогическо-преподавательская деятельность. Должность: преподаватель высшего или среднеспециального учебного заведения.

Магистр издательского дела подготовлен для продолжения образования в аспирантуре с целью защиты кандидатской диссертации.

Условия поступления: наличие диплома о высшем образовании (диплом бакалавра или специалиста).

Обучение проводится на бюджетной и платной основе.

НАШИ КОНТАКТЫ: Кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества, г. Тверь, пр-т Чайковского, д. 70, ауд.24-б; тел. (4822) 58-06-77, e-mail: foidid-red@rambler.ru.

Николаева Светлана Юрьевна, тел. 8 910 534 66 37
Редькин Валерий Александрович, тел. 8 980 630 40 11

С подробной информацией можно ознакомиться на сайте кафедры:
http://foidid.tversu.ru/

ЛИТОСФЕРА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
Выпуск 7

Литературно-художественное издание